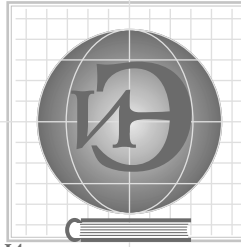

Российская академия наук

Институт экономики

Учреждение Российской академии наук
Институт экономики РАН

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Вып. 1

**КОМПАРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

Сборник статей

Москва, 2012

ББК 65.5
К 63

Компаративные исследования экономической истории (История мировой экономики, вып. I): Сборник статей. — М.: Институт экономики РАН. 2012. — с.

ISBN 978-5-9940-0372-5

К 63

Выпуск 1 сборника «История мировой экономики» посвящен компаративным исследованиям в области экономической истории. Сборник подразделяется на две части. В первой дан критический анализ новейших направлений в области теории и методологии экономической компаративистики (статьи С.А. Нефёдова, И.В. Побережникова, К.А. Фурсова, Ю.П. Бокарёва). Во второй части помещены статьи, освещающие развитие отечественной компаративистики в XIX — начале XX в. (Г.Д. Гловели), влияние западноевропейского опыта на реформу муниципальных финансов в России (А.В. Мамаев) и сравнивающие кооперативные традиции России с корпоративными традициями Запада (В.В. Холодков).

Сборник рассчитан на специалистов по экономической истории, преподавателей и студентов экономических вузов и факультетов, а также на широкий круг читателей.

Редколлегия: Ю.П. Бокарев (отв. ред.), М.А. Давыдов, В.Л. Степанов,
К.А. Фурсов (секретарь), Б.М. Шпотов

ISBN 978-5-9940-0372-5

ББК 65.5

©
Институт
экономики РАН,
2012
©
Коллектив авторов,
2012
©
В. Е. Валериус,
дизайн,
2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....7

Часть I. Теоретические и методологические проблемы компаративистики..... 19

К.А. Фурсов. Теории развития мировой
капиталистической системы:
корреляция между концепциями
гегемоний И. Валлерстайна
и системных циклов накопления Дж. Арриги.....21

И.В. Побережников. Методология компаративных
исследований модернизации..... 33

С.А. Нефедов. Концепция демографических циклов и
методология компаративной истории 71

Ю.П. Бокарев. Виртуально-пространственный подход в
экономической компаративистике.....109

Часть II. Историографические и исторические проблемы экономической компаративистики.....161

Г.Д. Гловели. Элементы компаративистики российской
экономической мысли XIX – начала XX в.....163

А.В. Мамаев. Опыт Пруссии и Англии
в планах реформы муниципальных финансов
в России к 1917 г.....201

В.В. Холодков. Корпоративные традиции на Западе
и кооперативные традиции в России.....219

Предисловие

Настоящее издание является первым выпуском серийного труда «История мировой экономики». В нем предполагается публиковать как тематические сборники статей, так и индивидуальные и коллективные монографии отечественных и зарубежных авторов по широкому кругу проблем мировой (включая отечественную) экономической истории. Наряду с этим предполагается публикация рефератов и рецензий на вышедшие издания, тематические библиографии и подборки архивных документов.

В этом выпуске представлены статьи, посвященные проблемам компаративных исследований в области экономической истории.

Компаративная история предполагает либо сравнение разных исторических явлений в случае наличия у них общих элементов, либо сопоставление различных по происхождению и структуре общественных систем в случае выполнения ими сходных функций. В первом случае компаративистика — элемент любого исторического исследования, которое не ограничивается хронологией событий. Во втором случае мы имеем дело со специальной компаративистской проблематикой, нуждающейся в особой методологии.

Первое направление восходит еще к глубокой древности. Наиболее ярким произведением этого периода являются «Сравнительные жизнеописания» Плутарха¹, которые

1. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. / Изд. подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш/Отв. ред. С.С. Аверинцев. (Серия «Литературные памятники»). В 3 т. М.—Л., Издательство АН СССР. 1961—1964.

благодаря их красочности и авторскому таланту рассказчика до сих пор находят многочисленных читателей. На этом направлении я останавливаться не буду.

Второе направление зародилось в эпоху Просвещения с его идеями линейного и необратимого прогресса, одномерного стадийного развития человеческих обществ от варварства к цивилизации. Эта общепринятая схема позволяла легко сравнивать экономику и культуру отдельных наций, зачисляя их в разряд «отсталых» или «передовых».

Теорию одномерного и необратимого прогресса первым сформулировал Анн Роббер Жак Тюрго в неоконченной книге «Рассуждения о всеобщей истории» (1750)². По его мнению, в отличие от животных люди обладают речью и письмом, что позволяет им накапливать и передавать знания от поколения к поколению. Тюрго сформулировал учение о трех стадиях прогресса: религиозной, спекулятивной и научной. Наука только тогда будет лежать в основе прогресса, когда «торговля и политика соединят все части земного шара и человеческий гений, избавленный от тяжести, налагаемой потребностями первой необходимости, выйдет из узкой сферы, в которой они его удерживали, и направит все свои силы к разработке наук»³.

Поскольку работа Тюрго увидела свет только после его смерти, спустя тридцать лет теория прогресса была перетворена Жаном Антуаном Кондорсе в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума»⁴. В конце XVIII в. теорию прогресса стали разделять все просветители, а с XIX в. — подавляющая часть интеллектуального сообщества западных стран.

Для завершения теории прогресса не хватало причинного объяснения различного положения народов на прямой линии от варварства к цивилизации. В этом вопросе про-

2. Тюрго А.-Р.Ж. Избранные философские произведения. М., 1937.

3. Там же. С. 54.

4. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М—Л: Союзгиз, 1936.

светители разошлись. По мнению Тюрго, причина заключается в том, что разные народы сталкиваются в своем развитии с природными, экономическими и социальными катастрофами. Они могут затормозить поступательный ход прогресса: «Прогресс, хотя и неминуемый, перемешивается с частыми упадками благодаря событиям и революциям, прерывающим его, поэтому он был весьма различен у различных народов».

Эта концепция была усвоена всеми русскими западниками с конца XVIII в. вплоть до сегодняшнего дня, уверовавшими в то, что Россия является частью европейской цивилизации, отставшей в своем развитии из-за татаро-монгольского нашествия и последующей изоляции, разрушенной только Петром I.

Во второй половине XVIII в. возник географический детерминизм. Его родоначальником считается Шарль Луи Монтескье. Он усматривал в климатических различиях между Европой и Азией «великую причину слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии». Однако климат не является единственным фактором, определяющим различия между народами. Монтескье писал: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы и обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа»⁵.

Эта концепция Монтескье была упрощена его последователями. Так, по мнению Иоганна Готфрида Гердера, характер нации определяется природно-климатическими условиями и географией среды обитания, формирующими жизненный уклад и трудовые навыки людей⁶. Так же прямолинейно мыслил и Генри Томас Бокль, который писал, что благодаря умеренному климату Европы население энергично и предприимчиво, готово покорять природу,

5. Монтескье Ш.Л. О духе законов // Антология мировой философии: В 4 т. – Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – М.: Мысль, 1970. С. 544–545.

6. Гердер И.Г. Избр. сочинения. М.–Л., 1959.

тогда как в других частях света природа взяла верх над человеком⁷.

В XIX в. концепция географического детерминизма была ослаблена: климат и почва действительно влияют на судьбы народов, но лишь на начальных стадиях их развития. В последующем, благодаря развитию производительных сил, влияние географических факторов слабеет, а экономических — растет.

Такое представление развивал Карл Маркс, который включал географическую среду в систему экономических отношений. Он считал, что связанная с географическими условиями неравномерность развития различных государств, определяется тем, что общество на различных этапах своего развития по-разному использует естественные богатства природы. Последние были разделены Марксом на две группы: 1) естественные богатства средствами жизни (плодородие почвы, обилие рыбы в водах, дичь, плоды); 2) естественные богатства средствами труда (действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь, нефть). «При зачатках культуры, — писал Маркс, — имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род общественного богатства»⁸.

Ф. Энгельс установил связь между географическим детерминизмом и антропологическим детерминизмом (его я охарактеризую ниже): «Обильному мясному и молочному питанию арийцев и семитов и особенно благоприятному влиянию его на развитие детей следует, быть может, приписать более успешное развитие обеих этих рас»⁹. Впрочем, ни географический детерминизм, ни антропологический детерминизм не играли большой роли в марксистском учении. Поэтому современные марксисты придерживаются в этом отношении самых разных взглядов.

7. Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии. В двух томах. В одной книге. СПб, 1895.

8. Маркс К.и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 521.

9. Там же. Т. 21. С. 32.

Серьезный удар географическому детерминизму был нанесен возникшим в 1920-е годы географическим posibilizмом. Его основы были заложены в работе Люсьена Февра «Земля и эволюция человечества: географическое введение в историю» (1922). Февр рассматривал географическую среду не только как ограничивающее и определяющее уровень развития наций начало, но и как пространство, открывающее свободу выбора для наций между возможными направлениями развития. Если географический детерминизм оставляет нациям только пассивную возможность приспособиться к природным условиям среды обитания, то экономический posibilizм допускает активное использование ими географической среды в интересах своего развития¹⁰.

Однако отчего зависит выбор нациями того или иного пути развития в рамках имеющихся возможностей? Февр определяет этот выбор «историческими условиями». Это, конечно, не ответ. Ибо исторические условия сами определяются многими факторами, в том числе и географическими.

Видадь ди ла Блаш объяснял направления использования природной среды взаимодействиями между цивилизационными ячейками, образующимися под воздействием различных географических сред. Порой такие взаимодействия приводили к образованию крупных цивилизаций. Перенесение центра цивилизационного процесса в Европу было обусловлено разнообразием природных зон, что детерминировало многообразие ячеек цивилизации. Разраставшееся множество очагов цивилизации способствовало, в свою очередь, увеличению числа контактов между ними, заимствованию передовых достижений¹¹.

Наиболее видными сторонниками географического posibilizма являются Ж. Брюн во Франции, И. Боумен и К. Зауэр в США, О. Шлютер в Германии и др.

10. *Febvre L. La terre et l'évolution humaine. Introduction géographique à l'histoire.* P.: Albin Michel, 1922.

11. *Vidal de la Blache, Paul. Principes de géographie humaine.* Paris, 1922.

В конце XVIII в. сложился антропологический детерминизм. У его истоков находился Кристоф Майнерс, который в книге «Историческое сравнение обычаев, правительств, законов, промышленности, коммерции, религии, науки и образования в Средние века и наше время» (1793) полагал, что экономическое и культурное развитие народов обусловлено их наследственными способностями. Например, европейские народы превосходят славян и все неевропейские расы, в том числе и в плане экономического прогресса. Причем в местах, где происходит интенсивное смешение рас, развитие замедляется. Особенности международной хозяйственной специализации опять же связаны с различием наследственных качеств. Майнерс также утверждал, что более «благородные», например германские, корни «вырождаются» при скрещивании с «неблагородными» балтскими, угро-финскими или славянскими корнями¹².

У антропологического детерминизма нашлось не меньше сторонников, чем у географического. В 1799 г. барон М.-Ж. Дежерандо опубликовал этнологическую работу «Обозрение диких народов», в которой компаративный анализ рас сочетался с теоретическими рассуждениями об общих законах человеческого развития и прогресса от варварства к цивилизации.

В XIX в. антропологический детерминизм получил большое распространение. Укажу в качестве примера книгу Эрнста Морица Арндта «Попытка сравнительной истории народов» (1843) или труд Жозефа Артура де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853–1855).

Своей вершины антропологический детерминизм достиг в начале XX в., когда была опубликована книга Людвиг Вольтмана «Политическая антропология». Вольтман считал: «Биологическая история человеческих рас

12. *Meiners C. Historische Vergleichung der Sitten, und Verfassungen, der Gesetze, und Gewerbe, des Handels, und der Religion, der Wissenschaften, und Lehranstalten des Mittelalters mit denen unsers Jahrhunderts in Rücksicht auf die Vortheile, und Nachtheile der Aufklärung.* Hannover, 1793.

есть естественная и основная история государств. Вместо нее до сих пор, почти исключительно, развитие политических учреждений и идей делали самым односторонним образом предметом исторических исследований, забывая реальных людей, живые расы, семьи и индивидуумов, как органических творцов и носителей политической и духовной истории»¹³. Вольтман был убежден в том, что: «Существуют различные очаги и роды культуры, которые соответственно расовым предрасположениям и внешним обстоятельствам развиваются в своеобразные формы. Отдельные расы совершают свое развитие то изолированно, то в связи с другими расами. Культура рода человеческого движется не в прямолинейном, непрерывном направлении, но должна быть сравнима с многоветвистым деревом, на верхушке которого находятся даровитейшие расы с их самыми высокими культурами. Нельзя построить никаких прямолинейных рядов развития таким образом, чтобы социальные учреждения, формы семьи, сословий и государств, — в которых расы развивают свои предрасположения к культуре, — чтобы все они во всех этих рядах проходили одинаковые ступени развития, хотя, само собой разумеется, что существуют многие параллельные социальные образования вследствие одинаковости природы человека и его внешней обстановки»¹⁴.

В середине XX в. теория линейного прогресса западного типа стала краеугольным камнем созданной Талкоттом Парсонсом теории модернизации¹⁵. По мнению сторонников этой теории, причиной отсталости наций является сохранение институтов неспособного к развитию традиционалистского общества. Впрочем, в настоящее время предпринимаются попытки уйти от слишком упрощенной трактовки прогресса классической теорией модернизации.

13. Вольтман Л. Политическая антропология. СПб., 1905.

14. Там же.

15. *Parsons, Talcott. The Social System. Glencoe: Free Press, 1964 (reprint from ed. 1951).*

Институциональную компаративную историю старого типа сменили «новые» экономическая и социальная история, которые предпочитают сравнивать не политические и правовые институты, а лежащие в их основе экономические силы и социальные структуры. Эти подходы, обогащенные количественными методами социальных наук, обогатили задачи компаративной истории, но не смогли преодолеть спекуляций и необоснованных предположений. В какой-то степени они способствовали вытеснению линейных и одномерных представлений, частичному пониманию сложности исторического опыта. Но этот методологический поворот так и не смог ничего противопоставить европоцентризму и одномерному представлению прогресса.

Следует ли компаративной истории находиться в плену этой эволюционной, европоцентристской парадигмы? Ведь даже в экономической истории европейских стран мы видим весьма серьезные различия, которые не поддаются линейной интерпретации. Это заметил еще Марк Блок, который еще в 1927 г. на международном конгрессе по историческим наукам в Осло сделал весьма туманное замечание: «Нам еще не под силу... составить себе достаточно внятное представление о том, чем различались... французское и английское общества, развивавшиеся сходным образом, но в разных направлениях»¹⁶ (выделено мною. — Ю.Б.).

Современная компаративная история уже не удовлетворена ограничениями линейной модели. Она вернулась к более широким структурам, в которых историческим связям придается не меньшее значение, чем национальным традициям, а ответы на политические, социальные, экономические и культурные вопросы ищут как внутри, так и за пределами особенностей локального опыта и традиций. Такой подход уже выходит за рамки линейного прогресса, поскольку страны уже нельзя расположить по

16. См.: *Revue de synthese historique*. 1928. Т. XLVI. P. 15–50.

линии «передовая – отсталая». Скорее мы видим множество траекторий развития, в одни моменты расходящихся, в другие – сходящихся, но, в конечном счете, где-то в отдаленном будущем сливающихся в одну точку единой человеческой культуры. Беда лишь том, что теория такого разнообразия движения к единой культуре пока не создана.

Число компаративных исследований, посвященных конкретным сравнениям различных социальных, экономических, политических и культурных систем, год из года растет. Но при этом исследования не выходят за рамки узкого эмпирического подхода.

На деле компаративным исследованиям следует развиваться не в направлении дальнейшего эмпирического исследования, а скорее его теоретических основ. Проблема заключается в том, что теоретического основания для глобальных сравнений историками до сих пор подменяются идеологическими догмами или чистой мифологией. Например, история феодального общества и права в эпоху от Меровингов до Французской революции специфически была присуща Европе, особенно ее галльско-германскому варианту, чьи правоведы создавали терминологию институционального комплекса «фьеф-и-вассал» и доказали (а историки все еще доказывают) его европейское историческое происхождение, но не его статус как «социального типа». Правомерны ли распространение термина «феодализм» и его институтов на неевропейские народы, включая Россию?

Узкоэмпирические вопросы стали неадекватны гуманитарной науке XXI в. и потому компаративистские исследования вернулись к универсалистским теориям Просвещения. Этот регресс ярче всего проявился в разных вариантах теории модернизации, характерен он и для мир-системного подхода Иммануэля Валлерстайна, чья мир-экономика ни что иное, как перенесение на весь мир принципов западной экономики, и для Френсиса Фукуямы,

чей «конец истории» всего лишь предстоящее распространение на весь мир западных либеральных демократий. Я полагаю, что такой подход весьма далек от реального хода событий, где экспансия культур обычно заканчивалась их синтезом.

Все эти проблемы и породили основную задачу настоящего сборника — преодолеть ограниченность теории евроцентрического линейного прогресса.

Поэтому первый раздел сборника составляют работы по теории и методологии экономической компаративистики. Основное внимание в этом разделе уделяется новейшим направлениям теории и методологии, таким как виртуально-пространственный, антропометрический, институциональный, неомальтузианский, модернизационный, цивилизационный и мир-системный подходы.

Между представителями этих направлений до сих пор ведутся ожесточенные споры. Редколлегия с большим трудом удалось добиться согласия ряда авторов на публикацию их статей в одном сборнике со статьями их противников. Не надеясь примирить участников дискуссий, редколлегия считает, что все направления имеют право на существование. В конечном счете всех рассудит время, а мы даем для этого свободную трибуну.

Второй раздел содержит компаративные исследования конкретных проблем экономической истории. Сравняются корпоративные традиции на Западе с кооперативными в России, изучается влияние опыта Пруссии и Англии на реформу муниципальных финансов в России; рассматриваются элементы компаративистики в экономической мысли России XIX — начала XX в.

Надеюсь, что сборник будет полезен широкому кругу экономистов и историков.

Июнь 2011 г.

Ю.П. Бокарев

Часть I

Теоретические
и методологические
проблемы
компаративистики

К.А. Фурсов,
к.и.н., старший научный сотрудник
сектора экономической истории
Института экономики РАН

Теории развития мировой
капиталистической системы:
корреляция между
концепциями гегемоний
И. Валлерстайна
и системных циклов
накопления
Дж. Арриги

В 1970-е годы в мировом обществоведении в целом и компаративных историко-экономических исследованиях в частности появился принципиально новый подход — мир-системный анализ, или мир-системный подход (*world-system approach*). Базовой единицей анализа в этом подходе служит мир в целом, мир как система. Кроме того, мир-системой сторонники этого подхода называют каждую экономически самодостаточную крупную целостность — систему, которая сама по себе есть мир (в этом ее отличие от мини-системы).

Мир-системный подход возник на стыке неомарксизма и французской исторической школы «Анналов», прежде всего в лице Фернана Броделя. Его основоположник — американский историк Иммануил Валлерстайн (род. 1930 г.), основные идеи которого сформулированы в 1970–1980-е годы. Позже идеи мир-системного анализа (в том числе и отличающиеся от валлерстайновской версии) активно развивали другие исследователи; один из наиболее интересных среди них — американский историк итальянского происхождения Джованни Арриги (1937–2009).

Цель настоящей статьи — кратко изложить суть концепций двух историков и обозначить их сходства и различия.

I

И. Валлерстайн фокусирует главное внимание на политико-экономическом и военно-политическом оформлении циклов развития капиталистической мир-системы, т.е. на гегемонии той или иной державы в этой системе.

И. Валлерстайн выделяет два типа мир-систем: мир-экономики и мир-империи. Мир-экономики — это длинные и неравномерные цепи производственных структур; мир-империи — это крупные властные образования. Примерно до 1500 г. мир-империи были сильнее мир-экономик, но в XVI в. европейская мир-экономика победила мир-империю Карла V Габсбурга, стала расширяться и постепенно поглотила все прочие мир-экономики и мир-империи, а к середине XIX в. стала вообще единственной мир-системой.

Важнейшая работа И. Валлерстайна — «Современная мир-система» (на данный момент вышло четыре тома, хронологически доведенные до начала Первой мировой войны)¹. Капиталистическая мир-экономика — это система непрерывного накопления капитала, главная цель ее — саморасширение. Объективная тенденция развития этой мир-экономики — товаризация всего мира, объект которой — прежде всего рабочая сила и земля. По мере охвата капиталом и товаризацией определенного пространства и насыщения рынка товарами спрос падал и норма прибыли снижалась. Стремясь компенсировать потери или увеличить прибыль, капиталисты расширяли охваченное капиталом пространство и переносили производство в зоны с более низким уровнем оплаты труда. Самой логикой накопления капитала капиталистическая мир-экономика обречена на территориальное расширение, на периферизацию мира, в котором развитое ядро путем неэквивалентного обмена эксплуатирует полупериферию и периферию.

История капиталистической мир-системы, по И. Валлерстайну, — это история гегемоний и периодов военного и экономического соперничества между державами-

1. *Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y.; L.: Academic Press, 1974; ego же The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. N.Y. etc.: Academic Press, 1980. ego же The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840s. N.Y. etc.: Academic Press, 1989; ego же The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. Berkeley: University of California Press, 2011.*

претендентами на корону гегемона. У каждой гегемонии есть фазы подъема, победы, пика и упадка. Государство-гегемон (hegemonic state) — это не просто сильное государство, но государство, которое намного сильнее всех прочих (слабых и сильных) как политически (способность силой навязать свои правила межгосударственной системе), так и экономически (большая эффективность данного государства в агропромышленном производстве, торговле и финансах, что обеспечивает не только господство на мировом рынке, но и активное проникновение на внутренние рынки других стран).

Первая гегемония капиталистической мир-системы — голландская — возникла в борьбе с испанскими Габсбургами. Пик гегемонии Нидерландов И. Валлерстайн относит к периоду 1625–1672 гг. (до начала третьей англо-голландской войны). Последняя четверть XVII в. — это начало упадка голландской гегемонии и одновременно начало соперничества двух новых претендентов — Англии (после 1707 г. Великобритании) и Франции. Окончанием Наполеоновских войн ознаменовалось начало пика британской гегемонии (1815–1873 гг.). Начало ее упадка — это период Великой депрессии 1873–1896 гг. Затем вновь борьба двух претендентов на гегемонию — США и Германии. Наконец, пик гегемонии США — 1945–67/73 гг., после чего упадок².

Центральное место в периодах соперничества в схеме И. Валлерстайна занимают тридцатилетние мировые войны: Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., войны с революционной и наполеоновской Францией 1792–1815 гг. и две мировые войны XX в. вместе с межвоенным периодом (к сожалению, И. Валлерстайн ничего не говорит о роли в этих войнах России/СССР).

Цикл гегемонии проходит несколько стадий. Сначала медленный рост, который совпадает с долгосрочным приобретением государством относительного экономического пре-

2. Даты приведены по статье www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/vall_tri.php.

восходства и кульминирует в «мировой» войне. Эта война окончательно фиксирует гегемонию и реструктурирует межгосударственную систему. Затем набирает силу постепенный упадок относительных преимуществ и эффективности и наступает конец гегемонии с последующим возвращением к состоянию соперничества между государствами³.

II

Если И. Валлерстайн уделяет внимание больше властно-политической гегемонии той или иной державы (хотя экономика у него тоже присутствует), то в центре внимания Дж. Арриги — процесс накопления капитала.

Важнейшая работа Дж. Арриги (которую он писал 15 лет) — «Длинный двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени» (1994)⁴. Эта работа получила признание как одно из крупнейших достижений 1990-х годов в изучении капитализма.

Отталкиваясь от работ К. Маркса и Ф. Броделя, Дж. Арриги ввел понятие системного цикла накопления капитала. Каждый цикл состоит из двух фаз. Первая фаза — фаза материальной экспансии. Это стадия накопления, которая отражается в формуле «деньги — товар», когда денежный капитал «приводит в движение» растущую массу товаров, включая товаризованную рабочую силу и природные ресурсы. Вторая фаза — фаза финансовой экспансии (или финансовализации). Ее отражает формула «товар — деньги», когда возросшая масса денежного капитала «освобождается» от своей товарной формы, а далее накопление происходит посредством финансовых сделок по формуле «деньги — деньги». Это служит признаком «осени» данного цикла.

Дж. Арриги выделяет четыре системных цикла накопления капитала, которые хронологически частично пере-

3. *Wallerstein I. Three Hegemonies // Two Hegemonies: Britain, 1846–1914 and the United States, 1941–2001 / Ed. by P.K. O'Brien and A. Klesse. Aldershot: Ashgate, 2002. P. 357–361.*

4. *Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. L.; N.Y.: Verso, 1994.*

крывают друг друга: генуэзский, или генуэзско-иберийский (XV — начало XVII в.), голландский (конец XVI — третья четверть XVIII в.), британский (вторая половина XVIII — начало XX в.) и американский (с конца XIX в.). Последние три цикла соответствуют трем гегемониям из схемы И. Валлерстайна (хотя Дж. Арриги тоже пользуется термином «гегемония»).

Генуэзские купцы и банкиры превращали борьбу королевств и княжеств Европы за доступ к денежному капиталу в двигатель экспансии своего собственного капитала. Этот процесс получил мощный импульс после неудачной для Генуи Кюджийской войны с Венецией 1376–1381 гг., в результате которой сошло на нет могущество Генуи на Черном море и в Восточном Средиземноморье. В поисках новых источников дохода генуэзцы усилили проникновение в страны Западной Европы, прежде всего в Испанию и Португалию. Однако Генуя не обладала внушительной военной силой, и ее купцам и банкирам приходилось покупать безопасность у «территориалистских организаций», платить им «ренту за защиту» (термин американского социолога Фредерика Лэйна — *protection rent*). Экспансия первого цикла накопления проводилась дихотомической структурой, состоявшей из генуэзского буржуазного капиталистического компонента, который специализировался на покупке и продаже товаров и стремлении к прибыли, и иберийского аристократического территориалистского компонента, который специализировался на обеспечении защиты и стремлении к власти (своего рода симбиоз)⁵.

Политическая слабость Генуи в сравнении с ее извечным конкурентом Венецией в долгосрочном экономическом смысле обернулась ее силой. Если генуэзский режим накопления был основан на силе капитала, то венецианский — на силе власти. В краткосрочной перспективе венецианский режим был успешнее, но самый его успех

5. Arrighi G., op. cit., p. 120.

способствовал интровертности венецианского капитала, лишал его инновационного импульса. Генуэзцам, чтобы одолеть своих победителей-венецианцев, пришлось выйти за рамки Генуи, резко расширить масштабы деятельности. Именно генуэзцы спонсировали атлантическую экспансию двух иберийских держав, они же дали деньги немецкой банкирской семье Фуггеров на избрание императором Священной Римской империи Карла V и т.д.

Материальную фазу генуэзского цикла Дж. Арриги датирует первой половиной XV в., после чего наступила финансовая фаза: генуэзская олигархия переключилась с товаров на банковское дело. Генуэзский цикл завершился в начале XVII в., что связано с подъемом нового субъекта накопления – Нидерландов.

Характерной чертой каждого последующего цикла является то, что его субъект осуществлял интернализацию определенного вида издержек, т.е. делал их оплатой своим внутренним делом, не полагаясь на внешние источники.

Будучи намного более крупной и сложной организацией, чем Генуэзская республика, государство Соединенные Провинции сумело завоевать независимость от Испанской империи, соткать свою сеть торговых аванпостов и держать на расстоянии англичан и французов. Большая по сравнению с генуэзской мощь государства Нидерландов позволила его буржуазии не только делать то, что уже делали генуэзцы (обращать в свою пользу межстрановую борьбу за доступ к капиталу), но и обойтись без покупки защиты у внешних сил. Голландцы осуществили «интернализацию оборонных издержек». Нидерландское государство было достаточно сильным, чтобы самому защищать своих купцов.

Исходно «интернализация оборонных издержек» (*internalization of protection costs*) – термин датского историка Нильса Стеенсгора, примененный им специально для европейских Ост-Индских компаний: будучи самодостаточными в применении насилия, эти компании сами обеспечивали себе защиту, причем ее стоимость

была ниже и более прогнозируема, чем плата, которую взимали азиатские правители с азиатских же купцов в виде пошлин и поборов⁶. Дж. Арриги считает правоммерным перенести понятие интернализации оборонных издержек на функционирование всей системы отношений нидерландского государства с собственным предпринимательским слоем.

Однако успех Нидерландов в целом и голландской Ост-Индской компании в частности создал у «территориалистских организаций» Европы стимул имитировать голландцев. Отсюда, помимо прочего, – рождение Британской империи в Индии.

Материальная фаза голландского цикла пришлось на конец XVI – первые сорок лет XVIII в. После этого произошел массовый отток голландских предпринимателей из коммерческой сферы в кредитную. При этом, поскольку уже сказывался производственный потенциал Великобритании, а голландские инвесторы искали сферы наиболее выгодного вложения, немалую часть средств они вложили в этой стране, поспособствовав ее подъему.

Особенностью третьего, британского, цикла накопления Дж. Арриги считает сочетание у Великобритании национального государства, торговой и территориальной империй. Беспрецедентная власть над трудовыми и природными ресурсами позволила британской буржуазии делать уже не только то, что делали до них генуэзцы и голландцы (т.е. обращать в свою пользу межстрановую борьбу за капитал и обеспечивать необходимую своему капиталу защиту, не полагаясь на чужие и часто враждебные территории, где производились прибыльные промышленные и сельскохозяйственные товары), но и произвести интернализацию следующего вида издержек – производственных издержек (с промышленной революцией). Интернализация

6. *Steensgaard N.* The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century: The East India Companies and the Decline of the Caravan Trade. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1974.

производственных издержек (*internalization of production costs*) — это процесс, с помощью которого производственная деятельность осуществлялась в рамках организационной области капиталистических предприятий и зависела от характерных для них тенденций к экономии (в двух предыдущих циклах производственные капиталистические предприятия тоже существовали, но играли второстепенную роль; ведущие предприятия этих циклов занимались торговлей на дальние расстояния и крупными финансовыми операциями). «Вследствие этой интернализации капитализм не только сохранился как способ реализации власти и способ накопления капитала, но превратился также в способ производства»⁷. Благодаря «индустриализму» и «империализму» Британия смогла осуществлять функции мирового торгового и финансового перевалочного пункта в значительно большем масштабе, чем предшественники.

Промышленная революция и функционирование Британии как «мастерской мира» — это первая, материальная, фаза британского цикла (с середины XVIII в. до Великой депрессии 1873–1896 гг.). Вторая, финансовая, фаза началась в 1870-е годы и длилась до Первой мировой войны (хотя и в межвоенный период Лондон оставался главным финансовым центром мира).

Наконец, четвертый цикл накопления — американский (период «длинного XX века» из названия книги). США, по Дж. Арриги, — это нечто большее, чем зрелое национальное государство; это континентальный промышленно-военный комплекс. Небывалая мощь США, их обширная, богатая ресурсами и фактически изолированная территория (фактически «островное положение») позволили их капиталистическому классу пойти еще дальше предшественников и интернализировать не только военные и производственные, но и транзакционные издержки (*transaction costs*), т.е. подчинить себе рынки. Под транзакционными издержками

7. Арриги Дж. Динамика кризиса гегемонии // Свободная мысль, 2005. XXI, № 1. С. 9.

Дж. Арриги (привлекая исследования А. Чандлера) понимает издержки в вертикально интегрированных предприятиях, связанные с передачей полуфабрикатов по длинной цепи отдельных организационных областей, которая соединяет производство с потреблением. «Интернализовав всю последовательность субпроцессов, производства и обмена от приобретения сырья до сбыта готовой продукции, этот новый тип капиталистического предприятия оказался в состоянии подчинить издержки, риски и неопределенность в связи с перемещением через эту последовательность товаров экономной логике административного действия и долгосрочного корпоративного планирования»⁸.

Материальную фазу четвертого цикла Дж. Арриги помещает между концом XIX в. и 1960-ми годами, после чего начинается финансовая фаза, старт которой дали скачок депозитов в евродолларах и отмена США золотого стандарта. Уже к середине 1970-х годов объем чисто валютных сделок на офшорных денежных рынках превысил стоимость мировой торговли во много раз.

Такова последовательность циклов накопления капитала. Однако эволюция исторического капитализма как системы, согласно Дж. Арриги, не происходила строго линейно. Каждый шаг вперед был основан не только на интернализации какого-то вида издержек, но и на возрождении организационных форм **позапрошлого** цикла (на мой взгляд, это самый интересный элемент концепции Дж. Арриги). Генуэзский цикл накопления наступил в результате вытеснения венецианского государственного капитализма союзом генуэзского космополитического капитализма с иберийским территориализмом. Сам этот союз был в конце концов вытеснен государственным капитализмом в Нидерландах (голландцы в расширенном и усложненном виде возродили стратегии и структуры венецианской системы). Британский цикл накопления, в свою очередь,

8. Arrighi G., op. cit., p. 240.

возродил (тоже на новом витке) стратегии и структуры иберийского империализма и генуэзского космополитического капитализма. Американский цикл сделал то же со стратегиями и структурами голландского цикла; например, эти два цикла сближает наличие вертикально интегрированных и бюрократически управляемых предприятий по контрасту с семейным бизнесом, который Дж. Арриги считает основой британского капитализма XIX в. (здесь, представляется, он преувеличивает).

«Это повторяющееся возрождение замененных прежде стратегий и структур накопления порождает маятниковое движение назад и вперед между «космополитически-имперскими» и «корпоративно-национальными» организационными структурами; первые типичны для «экстенсивных» режимов, какими были генуэзский и британский, а вторые — для «интенсивных» режимов, какими были голландский и американский. Генуэзский и британский «космополитически-имперские» режимы были экстенсивными в том смысле, что отвечали за большую часть географической экспансии капиталистической мир-экономики. При генуэзском режиме мир был «открыт», а при британцах — «завоеван».

Голландский и американский «корпоративно-национальные» режимы, напротив, были интенсивными в том смысле, что отвечали за географическую консолидацию, а не экспансию капиталистической мир-экономики. При голландском режиме «открытие» мира, осуществленное в первую очередь иберийскими партнерами генуэзцев, было консолидировано в систему торговых перевалочных пунктов и акционерных привилегированных компаний с центром в Амстердаме. А при американском режиме «завоевание» мира, осуществленное в первую очередь британцами, было консолидировано в систему национальных рынков и транснациональных корпораций с центром в США»⁹.

9. Arrighi G., op. cit., p. 219.

III

Если сравнить концепции И. Валлерстайна и Дж. Арриги, то главное отличие, как отмечено выше, состоит в фокусировании внимания на разных аспектах соперничества держав и экономических игроков. У Валлерстайна это больше военно-политический аспект, у Арриги — экономический.

Вместе с тем оба историка считают главным двигателем развития мировой капиталистической системы борьбу государств (как мирную, так и военную). В этом оба отталкиваются от Ф. Броделя. Вопреки устоявшейся точке зрения, будто капитализм и рыночная экономика — это более или менее одно и то же, а государственная власть — их антитеза, Ф. Бродель настаивал, что капитализм в своем появлении и экспансии полностью зависит от государственной власти и представляет собой антитезу рыночной экономике¹⁰. Нередко цитируется афористическое выражение Ф. Броделя «Капитализм — враг рынка».

Если взглянуть на хронологию, то предложенные двумя историками периодизации развития капиталистической системы в целом совпадают. Материальные фазы циклов Дж. Арриги в общем соответствуют периодам подъема и пика гегемоний И. Валлерстайна; финансовые фазы в общем соответствуют периодам упадка гегемоний. Бросается в глаза только различие в начале хронологических схем. Если у Дж. Арриги генуэзско-иберийский цикл — это уже часть истории капиталистической системы, то у И. Валлерстайна на месте этого цикла стоит мир-**империя** Габсбургов, внешняя по отношению к данной системе (капиталистической мир-**экономике**) и противостоящая ей в борьбе на взаимное уничтожение. За этим несовпадением кроются серьезные теоретико-методологические проблемы мир-системного подхода, в частности трудности содержательного определения понятия «капитализм».

10. Arrighi G., op. cit., p. 10.

И.В. Побережников,
к.и.н., заведующий сектором
методологии и историографии
Института истории и археологии
Уральского отделения РАН

Методология
компаративных
исследований
модернизации*

Модернизация: реконцептуализация понятия

Различные трактовки модернизации, т.е. перехода от традиционного к современному обществу, сопряжены с разными подходами к определению сущности и оценке степени вариативности данного процесса. Согласно первому подходу (его можно определить как *эволюционистский*), получившему распространение в классических трудах представителей модернизационной парадигмы, акцент делается на эволюционный и прогрессивный характер модернизации, что предполагает всеобщее стадияльное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия в соответствии с универсальными закономерностями преимущественно эндогенного характера. В рамках подобного подхода история страны трактуется как реализация общих закономерностей перехода от традиционного к индустриальному обществу. Такой подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, выявления общего и особенного в протекании данных процессов¹. Но модель странового развития в рамках данного подхода оценивается главным образом с точки зрения соответствия некоторому эталону, который

* Работа подготовлена в рамках проекта «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» раздела 3 («Цивилизационные и геополитические особенности истории России») Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

1. См.: Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975; Levy M.J. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, 1966; Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960; Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York, London, 1965.

обыкновенно воплощается в схеме модернизации стран атлантической цивилизации (Западной Европы и Северной Америки). Диапазон оценок в таком случае располагается между нормальной, либерально-рыночной, модернизацией и различными неудачными отклонениями от эталонного варианта, представляющими тупиковые и имитационные ветви псевдомодернизации.

Следующий подход, намеченный в ранних работах американского экономического историка А. Гершенкрона, акцентирует внимание на зависимость механизмов модернизации от исторического момента, времени вступления страны в процесс модернизации. Согласно данному подходу, со временем и в зависимости от места меняются сами механизмы модернизации, сама модернизация подвергается трансформации (соответственно, данный подход можно определить как *трансформационистский*). А. Гершенкрон иллюстрирует данную особенность модернизации на исторических примерах индустриального роста, который иногда осуществляется при отсутствии так называемых необходимых предпосылок, т.е. в условиях незавершенности преобразований аграрного сектора экономики (сохранение архаичной системы землевладения, принудительного труда, низкий уровень развития производительных сил и т.д.), при недостатке предындустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков), как это было в Германии во второй половине XIX в. и в России — в конце XIX — начале XX в. Гершенкрон объясняет эти примеры при помощи концепции «заменителей» (субститутов), суть которой заключается в том, что в ситуациях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходит к «заменителям»². Второй подход создает основы для виде-

2. Данная концепция нашла отражение в работе: Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective. Cambridge, Mass., 1962. Также см: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004. С. 420–447.

ния модернизации как множественного вариативного процесса, разные проекции которого могут рассматриваться конкретно-исторически, как резюме сложных взаимодействий внутренних и внешних факторов.

Сторонники третьего подхода принципиально стоят на позициях исторического плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению, настаивая на многовекторности и своеобразии модернизаций, протекавших в различных культурно-цивилизационных контекстах и опиравшихся, соответственно, на различные социокультурные традиции (данный подход можно определить как *плюралистический*). Действительно, исторические и современные успехи целого ряда стран незападной цивилизации (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур и т.д.) свидетельствуют в пользу такого более широкого понимания модернизационного подхода, который должен быть чувствительным к историческому опыту не только стран Западной Европы и Северной Америки, но и других частей света. Включение цивилизационно-культурного измерения позволяет выходить за рамки эволюционистской теоретической конструкции и рассматривать модернизационные модели как результаты воздействия матричных цивилизационных структур на ход и характер развития. Применение культурно-цивилизационного подхода позволяет переориентировать изучение модернизации с привычного институционально-экономического уровня на область культуры и цивилизации, где как раз и могут быть обнаружены ключевые факторы, выступающие в качестве стимулов или барьеров к проведению преобразований, а также обеспечивающие своеобразный облик последних.

Можно предложить еще одну трактовку модернизации. Ее контур намечен в публикациях сторонника цивилизационной парадигмы японского исследователя Ш. Ито³.

3. Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 345–354.

По мнению последнего, представление об изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развивались оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций. Соответственно, классический цивилизационный подход, который фокусировал внимание исследователей только на внутренние факторы и предлагал видение цивилизационного развития как изолированного, не приемлющего внешних воздействий, явно противоречит реальности, которая демонстрирует постоянное включение внешних импульсов в обеспечение цивилизационной динамики, а также наличие целого перечня трансформаций глобального масштаба, оказавших воздействие буквально на все цивилизационно-культурные массивы («революций», по терминологии автора). Эти трансформации, по мнению Ш. Ито, должны осуществиться во всех культурных регионах, ранее или позднее, как первичные или вторичные (т.е., как «органические», обусловленные действием эндогенных факторов, или же как «системные», проходящие под воздействием внешних эффектов). В качестве одной из «великих революций» в цивилизационной истории человечества стала научная революция, привнесенная в мир западноевропейским регионом (регионом-пионером в данном случае) в XVII в. Продолжением научной революции во второй половине XVIII в. стала промышленная революция (Великобритания как регион-первопроходец), способствовавшая образованию современного индустриального общества, и информационная революция во второй половине XX в.

То обстоятельство, что в рамках данной теоретической конструкции модернизация (как, вообще, любая «глобальная трансформация») осуществляется в процессе взаимодействия (своеобразных сплетений, фигураций) между культурно-историческими массивами, сопровождающихся диффузией идей, технологий, организационных моделей,

обоюдными влияниями и трансформациями, такую трактовку, по отдаленной аналогии с фигурационной социологией процессов Н. Элиаса⁴, можно назвать *фигурационной*.

В рамках данного, четвертого, подхода взаимодействие между своеобразными цивилизационными мирами (но не самодостаточными и не изолированными друг от друга) создает зону универсальной (или к тому стремящейся) истории, где действует историческая преемственность, эстафетность и «всемирная» история. Наряду с зоной «всемирной истории» сохраняется сфера цивилизационных идентичностей, внутренних ритмов, структурной и содержательной уникальности, неразменности внутреннего опыта цивилизационных массивов.

Использование плюралистического, культурно-цивилизационного подхода требует пересмотра устоявшихся концептуализаций модернизации. В свое время было предложено определение модернизации как всеобъемлющего процесса инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному, индустриальному обществу⁵, которое получило определенную популярность в литературе. Подобное определение, однако, спрямляет зигзаги реальных модернизационных процессов, не отражает всей сложности и противоречивости переходной эпохи.

Дело в том, что эпоха модернизации, как и прочие переходные периоды, гетерохронна, представляет собой сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Так, шведский социолог и культуролог Й. Форнюс, опираясь на концепцию множественно-

4. См.: Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001; Он же. О процессе цивилизации. М.; СПб., 2001. Т. 1—2; Он же. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002; также см.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 261—262; Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 432—445.

5. См.: Региональное развитие в контексте модернизации / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, М.Н. Денисевич, И.В. Побережников. Екатеринбург-Лууен, 1997. С. 88.

сти исторического времени Ф. Броделя⁶, выделяет в рамках эпохи модернити 4 типа темпоральности. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все 4 типа сосуществуют в рамках эпохи модерна, и все они, по мнению Форнюса, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно, хотя очевидно их взаимодействие в реальности⁷.

Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические констелляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям.

Следует также учитывать, что динамика переходных периодов детерминирована, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Внешние факторы (системные зависимости, межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект, диффузия экзоинноваций) могут ускорять процессы социальной динамики, могут их корректировать, трансформировать, деформировать или блокировать.

6. Ф. Бродель различает по критерию скорости происходящих изменений три уровня исторической реальности: 1) «длительная временная протяженность» (*longue durée*) медленных, почти неподвижных взаимоотношений общества и природы, привычек мыслить и действовать; 2) динамика экономических и социальных структур, скорость изменений которых измеряется десятилетиями и 3) событийная динамика политической истории, измеряемая хронологическими датами. См.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142. Он же. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М., 2002, 2003, 2004; Он же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. М., 1986, 1988, 1992.

7. Fornäs J. Cultural Theory and Late Modernity. L., 1995. P. 25.

Поскольку именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации, постольку модернизационный процесс должен рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание истории «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и, в то же время, оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества.

Переходный процесс можно представить как сложную систему интеракций между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом осовременивание одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы новации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества.

В итоге модернизация оказывается сложным процессом, не сводимым к элементарному вымыванию устаревших традиций и замене их позитивными новациями. Вообще он не может быть сведен к механическим перемещениям, приращениям и убываниям. Этот беспокойный период оформляется человеческой деятельностью, рефлексией, которая создает общество путем совмещения множественных процессов различной направленности, частично перекрещивающихся, частично сближающихся, частично расходящихся, поддерживающих или уничтожающих друг друга.

Учитывая сложную природу модернизационного перехода и вариативный характер протекания его в различных контекстах, можно предложить следующее определение модернизации — это сложный эндогенно-экзогенный

направленно-циклический процесс взаимодействия структур (структурные условия, которые наследуются от прошлого, в модифицированном виде передаются наследникам и частично детерминируют действия людей) и деятельностей (нынешние действия акторов, субъектов истории, частично детерминирующие будущие структуры)⁸, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою очередь, осуществляющийся посредством механизмов и субпроцессов (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, урбанизации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций и т.д.), конфигурация и степень проявления которых варьируются в различных цивилизационно-культурных контекстах.

В принципе возможно, наряду с новым, использование и прежнего определения модернизации для обозначения «общей» абстрактной идеал-типической модернизации, конструируемой по «эталонным» образцам. Применение двух определений позволяет идентифицировать модернизацию «общую» и «специфическую» (по аналогии с неоеволюционистским⁹ разведением общей и специфической

8. Проблематика взаимодействия структуры и действия нашла отражение в современных структурационных теориях, в частности, в теории структуриации Э. Гидденса, теории социального становления П. Штомпки. См.: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2003; Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 231–389.

9. О развитии неоеволюционизма см.: Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004; Он же. Избранное: Наука о культуре. М., 2004; Он же. Понятие культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. С. 17–48; Он же. Концепция эволюции в культурной антропологии // Там же. С. 536–558; Он же. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // Там же. С. 559–590; Steward J.H. A Neo-Evolutionist Approach // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change. P. 131–139; Классен Х. Дж.М. Эволюционизм в развитии // История и современность. История и современность. 2005. № 2, сентябрь. С. 3–22; Он же. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 37–52; Карнейро Р.А. Теория происхождения государства // Там же. С. 55–70; Он же. Культурный процесс // Антология исследований культуры. С. 421–438; Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.

эволюции)¹⁰. Второе определение может использоваться для анализа конкретных способов адаптации модернизационных механизмов к средовым условиям (социокультурным, историческим, географическим). Следствием подобного разведения становится возможность обсуждения проблемы модернизаций (не единой, монолитной, абсолютной модернизации) – временных, цивилизационных, национальных, региональных, субрегиональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

Пространственно-временная вариативность модернизационных процессов

Факторы пространственной вариации процессов модернизации разнообразны. На мир-системном уровне, который был выявлен благодаря исследованиям Ф. Броделя и И. Валлерстайна¹¹, ключевое значение имеет наличие взаимосвязанности между динамиками развития различных обществ, постепенно, для регионов Западной Европы начиная со второй половины XV–XVI столетий, втягиваемых в модернность как вследствие эндогенных трансформаций, так и в результате колонизации или вынужденных (экзогенных) модернизаций.

Нарастающее единство развития в мир-системном контексте оказывалось своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям действовали

-
10. См.: *Побережников И.В.* Эволюционизм, неэволюционизм и модернизационная парадигма // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 577–581.
 11. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993; Он же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1; 1988. Т. 2; 1992. Т. 3; *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Он же. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003; Он же. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.

асимметричные механизмы, следствием чего становились обратные зависимости между историческими динамиками взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних пространствах вызывали тенденции нисходящего (параллельного, «другого») развития в других. Рост капитализма в странах западного «ядра» вызывает, например, распространение принудительного труда («вторичное закрепощение») в странах Центральной—Восточной Европы (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), кризис перенакпления в Западной Европе сопровождается индустриализационным рывком в России на рубеже XIX—XX вв.¹², деиндустриализация в США в начале 1980-х годов оборачивается индустриализационным ростом в странах полупериферии¹³ и т.д.

В итоге процессы модернизации имели различные последствия для разных стран — положительные для одних, негативные (деформации, ловушки, тупики развития) для других. Модернизация изначально носила очаговый характер, лишь со временем втягивая разные общества, до сих пор, очевидно, не завершив процесс тотальной современной гомогенизации. Это означает, что существовали и существуют общества, подвергшиеся в разной степени модернизации, существовали и существуют общества, испытавшие воздействие модернизации по-разному: включенные в эпоху модерна на разных основаниях. Наконец, это означает, что существовали и до сих пор существуют общества/сегменты обществ, сохранившие домодерные традиционные устои.

Несомненно воздействие на динамику и характер модернизационных процессов цивилизационно-культурных контекстов. Цивилизации складывались исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выбо-

12. См.: Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2003. С. 360—375.

13. So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 238—242.

ров и т.д. Сформировавшиеся как преимущественно над-страновые культурно-исторические массивы, занимающие обычно большие территории, цивилизации в определенном смысле выступали в качестве стратегий выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную.

Принято считать, что в качестве таких глубинных структур выступают ментальные установки массового сознания; народный характер; модели взаимоотношений власти и общества; мотивационные механизмы; представления о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия и т.д.¹⁴ По существу речь идет о месторазвитии цивилизации и о ее институциональной системе (причем, скорее, о неформальной части последней), наиболее важными измерениями которой являются степень отождествления с другими членами общества, т.е. радиус доверия или чувство общности; степень ригидности системы морали; стиль и методы отправления власти; отношение к труду, новаторству, сбережениям, прибыли¹⁵.

На страновом уровне также действуют факторы, способствующие вариации национальных моделей развития¹⁶.

14. Например, см.: Шаповалов В.Ф. Россия как цивилизация // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 136.

15. Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008. С. 19.

16. Именно страновая дифференциация модернизационных процессов получила наиболее тщательную разработку в исследованиях представителей классической модернизационной парадигмы (преимущественно в рамках применения сравнительно-исторического подхода). Представляют, в частности, интерес сравнительные исследования, в рамках которых сопоставляются две страны (например, сопоставление России и Японии в исследовании под руководством С. Блэка, США и Японии – в работе С.М. Липсета, США и СССР – в исследовании П. Бергера). См.: The Modernization of Japan and Russia. A comparative study. N.Y.; London, 1975; Lipset S.M. Binary Comparisons. American Exceptionalism – Japanese Uniqueness //

Так, согласно концептуальной схеме, разработанной немецким исследователем Д. Зенгхаасом, все нынешнее разнообразие страновых вариантов развития европейского капитализма объясняется действием четырех факторов: 1) общим уровнем социально-экономического развития, достигнутым страной к тому моменту, когда внешняя конкуренция начинает оказывать непосредственное воздействие на внутренний рынок (т.е. насколько значительному разложению уже подверглись традиционные экономико-правовые структуры и продвинулась техническая модернизация в сельском хозяйстве, промышленности и в сфере торговли данной страны); 2) размерами внутреннего рынка (малые страны изначально подвергаются большей внешней конкуренции по сравнению с крупными, поскольку более значительная часть их ВВП участвует во внешнеторговом обороте); 3) временем вступления страны в индустриальную конкуренцию (чем позднее, тем более велик накопленный страной разрыв со странами-лидерами); 4) выбором экономической стратегии (от активного участия в международном разделении труда, открывающим возможность успешной модернизации, до самоизоляции, сопряженной в перспективе с хозяйственным дирижизмом)¹⁷.

Нельзя недооценивать роль диффузии, т.е. механизма распространения инноваций, в том числе их импорта в определенное общество извне, как важнейшего механизма модернизации и одновременно дифференцирующего фактора. Хорошо известно, что способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям. Процесс диффузии

Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance / Ed. by M. Dogan and A. Kazancigil. Oxford; Cambridge, 1994. P. 153–212; Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994.

17. См. в книге: Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей. М., 2002. С. 15–21; Социально-экономические модели в современном мире и путь России. М., 2005. Кн. 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). С. 311–318.

получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчающих интерсоциетальные контакты и взаимодействия внутри обществ. Распространению инноваций способствуют торговля, миграции населения, войны, путешествия, развитие средств массовой информации и т.д. Использование диффузионной модели раскрывает широкие возможности изучения распространения технологий, социальных институтов, культурных ценностей, их усвоения и адаптация, влияния данных процессов на общий ход модернизации и ее результативность¹⁸. С одной стороны, диффузия способствует конвергенции, страновой гомогенизации. С другой стороны, обеспечивая трансплантацию экзоинноваций на различные социоисторические ландшафты, она усиливает пестроту модернизирующихся обществ. При этом, признавая существенную роль диффузии в процессе социальных изменений, мы не склонны понимать ее буквально, упрощенно, как простой механический перенос каких-либо явлений в пространстве. Мы исходим из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом. Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть различными (по меньшей мере, отличными). Диффузия ускоряет конвергенцию, но может усиливать традиционалистские структуры и ценности, фактически упрочивая страновую специфику, даже стимулируя порой тенденции к страновой дивергенции.

На неоднозначную роль диффузии в контексте модернизации обращает внимание М. Малиа в связи с анализом

18. См.: Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007; Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5–6. С. 152–183.

распространения в Европе пришедших на место «старого порядка» (*l'ancien régime* — т.е. абсолютная монархия, узаконенная социальная иерархия, монополия государственной церкви) структур modernity, характерных для Нового времени: «Так, начав с передового атлантического Запада, силы демократии и индустриализма, либерализма и социализма, классицизма и романтизма двигались с Запада на Восток. Однако в процессе этого движения каждый из этих аспектов современной цивилизации преобразался, а иногда и искажался, по мере проникновения в неравномерно развитые зоны. Таким образом, внутри большой Европы существует ряд подразделений: англо-французский Запад, германский Центр, славянский Восток и средиземноморский Юг. Кроме того, существует дальний Запад — за Атлантическим океаном, в Америке, — сочетающий в себе элементы всех европейских подразделений»¹⁹.

Модернизационные процессы, разворачиваясь в пространственно определенных условиях, несут отпечаток не только общей логики развития (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания. Неоднородность странового пространства обуславливает субстрановую вариативность модернизационных процессов. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика). Региональные и субрегиональные общности могут по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте — выступать региональным фактором модернизации (например, Москва, Петербург, Урал в Российской империи XVIII в.) или, напротив, тормозом,

19. Малия М. Краткий XX век // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С. 122.

якорем отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов (например, Юг в Италии или центральные и южные области в Испании XIX в.). Естественно, складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не остаются неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней протоиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX в. свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX в. новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности²⁰).

Вообще необходимо иметь в виду, что в тех ситуациях, когда модернизация исторически запаздывала, проводилась как вынужденная, она могла усиливать фрагментарность общества, способствовать не нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной – естественный модернизационный процесс), но, напротив, росту социальной асимметрии. На данное обстоятельство применительно к истории Российской империи обратил внимание историк Б.Н. Миронов²¹. Асимметрия может нарастать и в рамках субстранных регионов. С очевидностью подобный процесс можно наблюдать на примере Урала в XVIII–XIX вв. Импульсы модернизации Урал как регион ощутил с начала XVIII в., времени активной промышленной колонизации края. Протоиндустриальная модернизация XVIII в. сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта – организационно-технологического, культурного, даже буквальным переселением на Урал приглашавшихся

20. См.: Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 447–502.

21. Миронов Б.Н. Россия и Запад в XVIII – начале XX в. // Нестор. № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб: Издательство «Нестор-История», 2007. С. 25–29.

для работы иноземных специалистов²². Конгломератный характер модернизации резюмировался созданием промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией²³. Анклавность составляла суть самой модернизации, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии — в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами.

Разнообразие проявлений модернизации на различных уровнях, в том числе страновом, региональном, актуализирует применение историко-сравнительного метода, который позволяет выявлять общие и особенные черты в принципиально сопоставимых объектах и процессах. Рассмотрим некоторые возможные подходы сравнительного изучения модернизационных процессов.

Бинарное сравнение

Сравнительно-исторический подход неоднократно применялся в работах представителей модернизационного направления, таких как С. Блэк, Ш. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс и др. Внимание исследователей при этом фокусировалось на выявлении: 1) общих стадий или фаз, через которые проходят общества; 2) особых путей, которыми могут двигаться общества; 3) пространственно-временных комбинаций стадий и путей (типов) модернизации. Достоинством компаративно-

22. Алексеева Е.В. Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 46–54.

23. См.: Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000.

го подхода является то, что он направлен на рассмотрение реальной эволюции обществ, классификацию конкретно-исторических путей развития, определение ответственности тех или иных факторов за различия между соответствующими «классами».

Распространенный метод компаративных исследований – бинарное сравнение, в ходе которого рассматривают в компаративном плане эволюцию двух объектов (стран, типов, моделей), выделяя общие и особенные черты модернизации.

В качестве примера, иллюстрирующего подобный подход, можно привести работу П. Бергера «Капиталистическая революция»²⁴, в которой осуществляется сопоставление капиталистического и социалистического (индустриальный социализм) вариантов (моделей) модернизации. Автор убежден, что, несмотря на использование зачастую несовпадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. При этом в качестве решающего фактора конвергенции П. Бергер рассматривает научно-технический прогресс.

Как проявления модернизации в СССР П. Бергер трактует следующие трансформации: 1) становление Советского Союза как индустриальной державы, устойчивый экономический рост страны; медленное, но неуклонное повышение материального уровня жизни населения страны; 2) сходную динамику распределения доходов на Западе и в СССР на сравнимых стадиях экономического развития (и Советский Союз, и другие социалистические страны, по мнению П. Бергера, по всем признакам подтверждают тезис С. Кузнецца, или «кривую Кузнецца», – в СССР после 1930 г. с началом массивной индустриализации наблюдалось увеличение неравномерности в доходах, которая достигла своей вершины к началу Второй миро-

24. Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994.

вой войны; затем, с 1950-х годов, наметилась тенденция к сокращению этого различия); 3) сходство темпов социальной мобильности на Западе и Востоке (как полагает П. Бергер, решающей переменной в данном случае выступает степень модернизации каждой из экономик; как и на Западе, в качестве существенного фактора мобильности П. Бергер считает систему образования; Бергер отмечает затруднительность преодоления рубежа между физическим и умственным трудом как на Западе, так и на Востоке, а также тягу к профессиональной «наследственности» в верхних эшелонах системы, присущую и капиталистическим, и социалистическим странам).

Что касается воздействия социализма на итоги развития СССР, то П. Бергер сводит их к следующим наблюдениям: 1) внутренняя связь между социализмом и всепроникающей бюрократизацией экономики; 2) внутренняя связь между социализмом и хозяйственной неэффективностью; 3) внутреннее родство между социализмом и авторитарным правлением; 4) внутреннее родство между социализмом и тоталитарным проектом для современного общества; 5) непрерывное взаимодействие двух различных форм стратификации — классовой системы и степени политического патримониализма.

Автор убежден, что, несмотря на использование зачастую несовпадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. При этом в качестве решающего фактора конвергенции П. Бергер рассматривает научно-технический прогресс.

Сравнение путей модернизации

Выявление пространственной вариации модернизационных процессов является задачей компаративного изучения маршрутов развития. Так, Б. Мур выделял три

модели (траектории) модернизации: 1) под руководством буржуазии (Великобритания, США); 2) под руководством аристократии (Германия, Япония); 3) крестьянскую (Россия, Китай), – допуская, таким образом, возможность выбора пути в контексте модернизации: через строительство, например, либерального капитализма, реакционного фашизма или революционного коммунизма²⁵.

Проблема различия путей развития широко обсуждается и в современной литературе. Так, шведский исследователь Геран Терборн пишет о четырех «дверях» или «путях в/через модернизацию»: 1) путь эндогенной модернизации в Западной Европе; 2) путь, который прошли новые общества Северной и Южной Америк и Австралии, которые сами возникли в результате трансконтинентальной миграции; 3) путь через колонизацию традиционных обществ европейцами, через навязанную колониализмом открытость (страны «колониальной зоны» – от северо-западной Африки до Папуа–Новой Гвинеи); 4) модернизация, навязанная извне, под влиянием западной цивилизации (Япония, Россия, Ближний Восток, Турция, Китай)²⁶.

Классифицируя трансформирующиеся общества второй половины XX в., В. Цапф выделяет: 1) переход к демократии и рынку в Западной Германии, Японии и Италии после 1945 г. под надзором и при материальной поддержке держав-победительниц; 2) «договорный переход» от авторитаризма к демократии в Испании, Португалии, Греции после 1974 г.; 3) в известном плане также «договорные переходы» в странах Латинской Америки; 4) самостоятельное развитие «в рамках мировой системы капитализма» (Ю. Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия); 5) перевод социалистической системы в действующую демократию и рыночную экономику на приме-

25. Moore B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, 1966.

26. *Therborn G. European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000*. London, New Delhi: Sage Publications, 1995. P. 5–7.

ре Восточной Германии (1990-е годы); 6) трансформация стран Восточной Европы в 1990-е годы; 7) «социалистическая рыночная экономика» КНР — альтернатива переходу к демократии и рыночной экономике; 8) страны исламского фундаментализма — также альтернативный вариант переходу к демократии и рыночной экономике²⁷.

Типологическое сравнение

Сравнительный анализ тесно связан с типологией и лежит в ее основании. Рассмотрим ставшую классической попытку типологии модернизационных процессов, которую предпринял Сирил Блэк в работе «Динамика модернизации», впервые изданной в 1966 г.²⁸ Признавая продуктивность рассмотрения модернизации как универсального процесса, С. Блэк, тем не менее, отмечает, что подобный подход в значительной степени обесценивается существенной вариацией в решении модернизационных проблем, которую демонстрируют конкретные общества. В качестве компромисса между обобщающими построениями, базирующимися на анализе агрегированного массива всех обществ, и исследованиями процессов модернизации в каждом отдельном обществе ученый предлагает исследовать основные типы модернизационных изменений.

«Не существует двух обществ, которые модернизировались бы одним и тем же путем, — подчеркивает С. Блэк, — нет двух обществ, обладающих аналогичной базой ресурсов, навыков, идентичным наследием традиционных институтов; невозможно найти двух обществ, находящихся в одной точке развития, использующих одинаковую модель лидерства или абсолютно схожую политику модернизации. Тем

27. Цанф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 16–17.

28. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.

не менее, возможно выделить типы обществ, не теряя из виду индивидуальности каждого из них, внутри которых проблемы решались сходным образом и проводилась близкая политика модернизации»²⁹.

Временное измерение процессов модернизации находит отражение в выделяемых С. Блэком «критических проблемах», с которыми сталкиваются все модернизирующиеся общества: 1) *вызов modernity* — первоначальное столкновение традиционного общества с современными идеями и учреждениями, появление сторонников *modernity*; 2) *консолидация модернизаторских элит* — переход власти от традиционалистских к лидерам современного типа в ходе обыкновенно ожесточенной революционной борьбы, часто продолжающейся на протяжении жизни нескольких поколений; 3) *экономическая и социальная трансформация* — экономический рост и социальные преобразования, способствующие преобразованию общества из преимущественно сельского с аграрной экономикой в городское и индустриальное; 4) *интеграция общества* — полная реорганизация социальной структуры под воздействием экономических и социальных преобразований³⁰. По существу, С. Блэк, рассуждая о проблемах, имеет в виду временные вехи — фазы модернизации.

Следующим шагом становится идентификация критериев, позволяющих определять стадию, проходимую конкретным обществом. Фактически, речь идет собственно о критериях типологизации. В качестве таковых С. Блэк предлагает использовать следующие параметры: 1) время перехода политической власти от традиционных к модернистским лидерам относительно других обществ (ранее или позднее); 2) эндогенная или экзогенная природа непосредственного политического вызова со стороны современности традиционалистским лидерам; 3) непрерывность или

29. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 95.

30. Ibid. P. 67–89.

кардинальные перегруппировки территории и населения на протяжении эпохи *modernity*; 4) суверенность или продолжительные периоды колониального управления в истории общества; 5) наличие на момент вступления общества в современную эпоху развитых институтов, готовых в значительной степени адаптироваться к функциям *modernity*, или отсутствие по существу подобных институтов и необходимость их заимствования от более развитых современных обществ³¹.

Целью типологии на основе выделенных С. Блэком критериев является, таким образом, сопоставление обществ в соответствии с характерными проблемами, с которыми сталкивались модернистские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировка стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем.

Предложенные критерии, по мнению С. Блэка, связаны с аспектами исторического развития, строительства наций, международных отношений. В то же время, как полагает исследователь, классификация, осуществляемая на основе использования указанных критериев, в существенной степени учитывает культурные, экономические, социальные измерения истории, так как хронологическая сопряженность и акцент на источники и природу модернизационных импульсов обеспечивают группировку схожих стран. Так, С. Блэк отмечает, что для рано модернизовавшихся западноевропейских стран и их филиалов характерны в целом более высокий уровень валового национального дохода на душу населения, урбанизации и образования, более высокий удельный вес населения, занятого не в сельском хозяйстве, более высокая степень социальной мобилизации по сравнению со странами поздней модернизации. Вообще, как считает С. Блэк, время вступления в современную эпоху (раннее или позднее) обыкновенно отражается

31. *Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 96.*

на уровнях экономического и социального развития соответствующих стран³².

На основе использования двух классификационных шкал (фазы решения кардинальных проблем и критерии сравнения) С. Блэк выделяет «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ.

В первый тип С. Блэк включает Великобританию и Францию как страны самой ранней модернизации, в значительной степени создавшие образцы перехода от традиционности к современности для всех других обществ³³. Исследователь обращает внимание на приоритет обеих стран в разработке теории и практики передачи политической власти от традиционалистских к модернистским лидерам, на революционный характер этого процесса, присущий как Англии, так и Франции, переживших в XVII—XVIII вв. революции с несомненным модернизационным потенциалом. В качестве особенности Французской революции С. Блэк отмечает ее широкое, значительно превосходящее в этом плане Английскую революцию, идеологическое и институциональное воздействие на многие страны мира. В качестве характерных особенностей стран первого типа, отличающих их от других обществ, С. Блэк выделяет также ярко выраженную внутреннюю природу вызова современности, высокую степень континуитета состава территории и населения в эпоху *modernity* и оптимальную адаптивность традиционных институтов к модернистским функциям.

Общность судеб стран ранней модернизации нашла, по мнению ученого, проявление в ряде следствий. В частности, как отмечает С. Блэк, и для Великобритании, и для Франции были характерны замедленные, по сравнению со странами поздней модернизации, темпы адаптации традиционных институтов к функциям современного

32. *Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. 104.*

33. *Ibid. P. 106–110.*

общества, несмотря даже на революционные перевороты и эпохи реставрации, которые переживали обе страны, причем Франция — в гораздо более драматической форме. Замедленные темпы модернизационных трансформаций в совокупности с их преимущественно эндогенной обусловленностью и незначительностью внешних заимствований обусловили, по мнению С. Блэка, относительно организованную и мирную адаптацию традиционных институтов к современным функциям.

Сходство между Великобританией и Францией обнаруживается также в механизмах становления современного политического руководства, которые отличались, как считает историк, относительно эволюционным характером и устойчивостью преобразований, осуществлявшихся на протяжении жизни многих поколений высоко квалифицированных государственных служащих.

В качестве второго типа модернизации С. Блэк рассматривает «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете³⁴. Термин «филиал» исследователь употребляет для обозначения стран, которые были заселены жителями Старого Света, составившими политически и культурно доминирующие совокупности населения в новых обществах. Эти ответвления обычно возникали как зависимые от метрополий колонии, но в отличие от других колоний доминирующее население в них по этнонациональному составу было схожим с населением метрополии. Ко второму типу С. Блэк относит такие страны, как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия.

Поскольку ведущее население указанных стран сформировали выходцы из метрополий до XVII в., постольку для указанных стран, как и для стран первого типа, как полагает С. Блэк, непосредственный политический вызов *modernity* также выступал в качестве внутренней проблемы. Кроме того, общества второго типа вступали в эпоху

34. *Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. 110–114.*

современности с развитыми институтами, способными адаптироваться к функциям современности.

Однако по ряду параметров С. Блэк отличает общества второго типа от стран первого. Дело в том, что переход политической власти от традиционалистских к модернистским лидерам осуществлялся в странах второго типа несколько позднее и при других условиях, они подвергались фундаментальным перегруппировкам состава территорий и населения и переживали длительные периоды колониального управления.

В этих обществах, отмечает историк, переход политической власти к модернистским лидерам был связан с достижением политической независимости. Приобретение политической независимости странами второго типа обусловливалось отличиями их интересов от интересов стран метрополий, удаленностью от метрополий, большими размерами территорий и высокой населенностью.

Существенную особенность данной модели модернизации С. Блэк усматривает в том, что эти общества «оставили традиционную социальную структуру в родительских странах»³⁵. Страны второго типа, отмечает ученый, предприняли процесс экономической и социальной трансформации не на основе долго формировавшейся социальной структуры, состоявшей из относительно замкнутых страт крестьян, ремесленников и землевладельцев, а на основе подвижной социальной структуры, которая была намного больше подготовлена к изменениям. Эта социальная подвижность была существенно усилена наличием обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, а власть государства была слаба.

С. Блэк обращает особое внимание на значение для развития стран второго типа доступных пограничных областей, которые служили не только источником богатства, но

35. *Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 112.*

также и клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов. Личности и группы, которые считали себя незаслуженно обиженными, которые не сумели обеспечить себе удовлетворительных условий существования или мечтали культивировать нетрадиционные представления, как отмечает историк, имели возможность переселиться в пограничные области, вместо того чтобы пытаться найти компромисс или понести возможное поражение на прежнем месте жительства.

С. Блэк указывает и на ряд проблем, создаваемых фронтиром. Наиболее существенную он видит в том, что избыточные ресурсы не могли быть разработаны без дополнительной рабочей силы. Большой же приток иммигрантов, в свою очередь, создавал проблему ассимиляции, которая наиболее критические очертания приобрела в Соединенных Штатах, в то время как в трех других странах в силу сложившихся обстоятельств иммиграция имела более постепенный и гомогенный характер.

Подытоживая характеристику стран второго типа, автор отмечает: «К 1930-м гг., когда общества второго типа столкнулись с политическими проблемами социальной интеграции, они уже превосходили страны Европы по уровню развития и считались самыми богатыми и влиятельными в мире. Они извлекли выгоду не только из обширных ресурсов Нового Света и из своей относительной географической изоляции, которая позволяла им концентрировать энергию на внутренних делах, но также из развитых либеральных институтов, унаследованных от Старого Света, и от миллионов квалифицированных и энергичных людей, которые прибыли в поисках удовлетворительного образа жизни»³⁶.

В третий тип С. Блэк включает общества Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или

36. Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 114.

косвенным воздействием ее импульса³⁷. Эти общества были вынуждены адаптировать свои политические институты к современным функциям позднее Великобритании и Франции. В их истории были длительные периоды насильственной перегруппировки территорий и состава населения. Эти общества в современную эпоху преимущественно принадлежали к числу самостоятельных, хотя некоторые народы Восточной Европы, а также Ирландии и Исландии первоначально находились под чужеземным господством, в некоторых отношениях напоминая колониализм. Подобно обществам первых двух типов, эти страны также создали еще в традиционалистскую эпоху институты, способные адаптироваться к функциям современности.

Существенно, что многие из европейских обществ участвовали в течение нескольких столетий в развитии модернистских идей и институтов, конкурировали и даже в чем-то могли превосходить Великобританию, Францию или страны Нового Света. «Навигационные знания испанских и португальских мореплавателей; коммерческие навыки голландских, венецианских и далматинских торговцев; достижения ученых польского, чешского, венгерского, немецкого происхождения; ученые, художники, механики этих разнообразных обществ — и многие другие, — пишет С. Блэк, — внесли вклад фундаментальной значимости в формирование современного образа жизни»³⁸.

С. Блэк подчеркивает решающее влияние французской модели на политическую модернизацию обществ третьего типа. Крах старых режимов начался не ранее 1795 г. в Бельгии, Люксембурге и в Нидерландах, 1798 г. — в Швейцарии и только в первом десятилетии XIX столетия — в Германии, Италии, Дании, Норвегии и в Швеции.

В этих странах, по мнению С. Блэка, можно говорить о консолидации модернистского политического лидерства

37. Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 114–116.

38. *Ibid.* P. 115.

между 1839 г. для Нидерландов и 1871 г. для Германии и Италии. В Восточной Европе политическая модернизация началась даже позже и не была завершена до ликвидации империй в период Первой мировой войны. Консолидацию модернистского политического руководства в странах третьего типа С. Блэк характеризует не только решающим влиянием иностранных моделей, нередко навязываемых силой оружия, но также длительным и трудным процессом строительства наций.

Лишь немногие традиционалистские государства, как отмечает исследователь, пережили этот процесс без деконструкции. Наиболее сложная территориальная и политическая перестройка была осуществлена в Священной Римской империи, земли которой неоднократно подвергались реорганизации, пока к 1871 г. не удалось достичь относительной стабильности. Насильственным характером отличался распад Оттоманской и Габсбургской империй, народы которых постепенно приобретали независимость в результате войн, революций, дипломатии.

Помимо множества фундаментальных различий между обществами третьего типа, заключающихся в традиционалистском институциональном наследии, в исторических особенностях политического руководства, они обладали и общей характерной чертой, которая состояла в огромной концентрации усилий на процесс строительства нации. В значительно большей степени, чем это было в Великобритании и Франции, а также в их «филиалах» в Новом Свете, энергия политических лидеров, ресурсы народов стран третьего типа направлялись на защиту недавно приобретенных границ и подготовку к освобождению смежных или связанных территорий, еще находящихся под чужеземным управлением. В Центральной Европе относительная и довольно сомнительная стабильность была достигнута к 1871 г., в то время как в более восточных регионах костер национализма продолжал тлеть, пока не разгорелись большие пожары 1914–1918

и 1939–1945 гг. Хотя национализм был только средством для достижения самоопределения, призванного обеспечить условия для модернизации без дискриминации со стороны чужеземных администраций, для многих поколений он стал целью сам по себе.

Наиболее быстрая стадия экономической трансформации в обществах третьего типа имела место в конце XIX – первой половине XX в. Швейцария и Германия столкнулись с проблемами социальной интеграции в 1930-е годы, а ряд других стран данного типа достигли этой стадии лишь после Второй мировой войны.

В четвертый тип С. Блэк включает «филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете³⁹. Эти общества отличаются от обществ второго типа, также созданных преимущественно иммигрантами из Старого Света. Кроме различий в ресурсных базах, в навыках, для обществ четвертого типа характерен более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, в особенности со стороны тех обществ третьего типа, которые были склонны уделять меньшее внимание модернизации.

Достижение национальной независимости в Латинской Америке обычно завершалось не приходом к власти модернистских лидеров, а установлением неокOLONIALISTских форм правления, которые имели тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни. Даже в странах, населенных преимущественно выходцами из Европы (например, в Аргентине, Коста-Рике, Уругвае), позиция модернистских лидеров не была консолидирована на протяжении почти целого столетия, прошедшего после их освобождения. Частично С. Блэк объясняет это аграрной специализацией данных стран, тормозившей урбанизационные процессы, а также, в большей степени – доминирующими ценностями политически активного насе-

39. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 117–119.

ления. Декларации национальных целей и формы правления, которое оно устанавливало, базировались на либеральной европейской модели; риторика в значительной степени копировала таковую Французской революции. Но по своему содержанию эти политические институты лишь спустя длительный период времени стали походить на модернистские.

Модернизация в большинстве латиноамериканских стран жестко блокировалась в связи с тем, что жители европейского происхождения составляли в них меньшинство и не желали делить политическую власть с метисами и индейцами, а в некоторых случаях — с иммигрантами из Африки, которые формировали большинство населения. Ситуация в обществах четвертого типа в этом плане, как отмечает С. Блэк, существенно отличалась от таковой в Соединенных Штатах, например, где численность индейцев была незначительна, а африканцев составляла около 10% населения. В большинстве же латиноамериканских обществ, напротив, численное доминирование неевропейского населения выступало причиной блокирования расширения эффективного гражданства и вело к растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полу- или неевропейского населения. Социальные эффекты этого раскола были усилены практикой вложения капиталов доминирующим меньшинством скорее за границей, чем внутри страны.

Пятый тип модернизации, согласно схеме С. Блэка, образуют те общества, которые модернизировались без прямой внешней интервенции, но под косвенным влиянием обществ, которые модернизировались ранее⁴⁰. В состав данного типа Блэк включает Россию, Японию, Китай, Иран, Турцию, Афганистан, Эфиопию и Таиланд. Для всех указанных стран общим является тот факт, что их традиционные

40. Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 119–123.

правительства оказались достаточно эффективными благодаря длительному опыту централизованного бюрократического управления в противостоянии попыткам навязать прямое и всестороннее иностранное управление. В отличие от большинства других общества пятого типа осуществляли модернизацию по существу по собственной инициативе и с сохранением в значительной степени состава территории и населения. Способность этих обществ сохранять независимость С. Блэк объясняет различными обстоятельствами. Для Китая, Ирана и Турции, например, по его мнению, ведущее значение имело своего рода равновесие сил (или, иначе говоря, противоречия между более модернистскими конкурентами). Недоступность и изоляция играли существенную роль в деле сохранения независимости в истории Афганистана, Эфиопии и Таиланда. Россия же и Япония, по мнению автора, защищали свою независимость преимущественно благодаря собственной военной мощи.

Одна из наиболее устойчивых характеристик обществ пятого типа заключается в том, что они создали территориальную и демографическую основу своих государств задолго до столкновения с вызовом современности. Перед этими обществами не стояло проблем борьбы против прямого чужеземного господства, колониализма. Все они до некоторой степени испытывали иностранное вмешательство в эпоху *modernity* — периоды иностранной оккупации отдельных территорий указанных государств, льготные условия для иностранцев в форме капитуляций (неравноправных договоров, фиксирующих привилегированный режим для иностранцев), широкая зависимость от иностранных займов и советников. Эти формы иностранного вмешательства, иногда зависимости, С. Блэк, тем не менее, склонен отличать от покорения и прямого и продолжительного иноземного контроля в виде колониализма.

В группе обществ пятого типа непосредственно традиционалистские правительства (в России при московских царях и при императорах, в токугавской Японии, в цинском

Китае, в Османской Турции, в Персии при Каджарской династии, в Эфиопии при Теодросе и Менелике II и в Сиаме при правлении династии Чакри) брали на себя инициативу при столкновении с вызовом современности. Существенно при этом, что многими признается наличие множества соответствий с Великобританией и Францией в таком аспекте, как непрерывность и постепенность перехода от старых режимов к новым.

Традиционалистские элиты обычно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся для сохранения традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений, которые могли бы последовать вследствие успеха иностранных или внутренних модернизаторов. К числу подобных модернизаций С. Блэк относит реформы Петра I и Николая I в России, поздних сёгунов династии Токугава, Махмуда II и Абдул-Меджида I, государственных деятелей позднецинского периода, Монкута и Чулалонгкорна в Сиаме, шаха Насир-уд-дина в Персии, императора Менелика в Эфиопии. Эти реформы, по мнению исследователя, были призваны обеспечить современные системы подготовки и снаряжения для бюрократии и армии, усовершенствовать транспортные средства и коммуникации, создать институты высшего образования. Для обучения приглашались иностранные специалисты, представители туземного населения выезжали за рубеж с целью приобретения современных знаний.

Но при этом существенной особенностью этих реформ было то, что они предназначались не для преобразования традиционной системы, но для ее укрепления. Аграрная экономика и образ жизни крестьянства, которое составляло более 4/5 всего населения, оставались практически незатронутыми ограниченной модернизацией, а элиты сохраняли свои традиционные привилегии. Подобными средствами удавалось по меньшей мере временно противостоять вызову более современных обществ, а переход к политическому

руководству, способному поддержать программы интенсивной модернизации, отсрочивался на поколения.

С. Блэк подчеркивает, что в странах пятого типа фундаментальный разрыв с прошлым осуществлялся не в результате революции, иностранной оккупации или национального восстания против чужеземного господства, но непосредственно традиционным руководством. Решающие перестройки произошли в результате отмены крепостного права в России в 1861 г., свержения режима сегуната в Японии в 1868 г., замены китайской классической системы современной системой подготовки бюрократии в 1905 г. и учреждения форм конституционного правления в Персии в 1906 г., в Оттоманской империи – в 1908, в Афганистане – в 1923, в Эфиопии – в 1924 и в Сиаме – в 1932 г.

При этом С. Блэк отмечает, что правящие элиты и бюрократия все же не могли бесконечно поддерживать модернизаторские инициативы. Лишь в Японии политическая власть модернистского руководства была консолидирована к 1945 г. без революционного ниспровержения династии. В других странах консолидация модернистских лидеров включала более радикальные перевороты (такие, как приход к власти Временного правительства в России в феврале – марте 1917 г., последовавшая затем большевистская революция в октябре – ноябре; цепь революций в Китае во главе с Сунь Ятсеном в 1911 г., Чан Кайши – в 1927 и Мао Цзэдуном – в 1949; революции, в результате которых были свергнуты действующие династии Мустафой Кемалем в Турции в 1923 г. и Реза-ханом в Персии в 1925 г.).

Более сотни независимых и зависимых обществ Азии, Африки, Америки и Океании, которые пережили периоды колониального управления, С. Блэк включает в шестой и седьмой типы⁴¹. Шестой тип составлен из обществ, традиционные культуры которых были достаточно высоко раз-

41. *Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 123–128.*

виты, что позволило им успешно взаимодействовать с такими более современными «опекунскими» обществами в процессе их адаптации к современным функциям. К шестому типу относятся общества, в которых утвердились ислам, индуизм и буддизм.

Общества, составляющие седьмой тип (ряд районов Африки к югу от Сахары и Океании), не разработали собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности. Ввиду отсутствия институтов и культур, которые можно было бы адаптировать к современным функциям, они были вынуждены напрямую заимствовать от более современных обществ модернистские идеи и учреждения.

В качестве общей черты обществ последних двух типов С. Блэк называет опыт колониализма, который в определенной степени стимулировал начальные стадии модернизации, вызов современности в традиционном обществе и одновременно блокировал следующие стадии — в частности, фазу консолидации политической власти модернистскими лидерами.

Общества шестого и седьмого типов в гораздо большей степени, чем общества второго и четвертого типов, по мнению С. Блэка, зависели от опекунской власти в процессе достижения политического единства. Только в исключительных случаях они имели исторические основания для обретения статуса независимой государственности; их политическая конфигурация как колоний и позднее как независимых государств была в значительной степени обязана политическому авторитету опекунской власти, а не их собственной инициативе.

Схема типологического анализа С. Блэка оказалась весьма продуманной. Она способствовала развитию сравнительно-исторического и классификационного подходов в рамках модернизационных исследований, углубленному изучению как фаз, так и «горизонтальных» вариантов

модернизации. Влияние данной схемы до сих пор сказывается на работах по проблемам модернизации, что подтверждает ее нерастроченный познавательный потенциал. Так, система критериев развития, разработанная современной исследовательницей В.Г. Федотовой (1) источник развития (внутренний и внешний); 2) органичность развития (первичное, под влиянием собственных потребностей, вторичное – связанное с преобладанием внешних вызовов, ответ на них); 3) механизм развития (инновация, мобилизация усилий); 4) характер развития (самостоятельный, догоняющий Запад, догоняющий только его технико-экономический уровень, недогоняющий); 5) темпы развития (очень быстрые, быстрые, медленные, очень медленные); 6) наличие духовных, ментальных, культурных предпосылок; 7) образ будущего, к которому направлено развитие), может рассматриваться как развитие принципов, лежащих в основе критериальной системы С. Блэка, а ее интересная и содержательная классификация областей однотипного развития (западная цивилизация, состоящая из двух подтипов – американской и западноевропейской; цивилизации «второго эшелона» развития, т.е. «вторая» Америка (Мексика, Бразилия, Чили и др.) и «другая Европа»; новые индустриальные страны Юго-Восточной и Южной Азии; доиндустриальные цивилизации «третьего» мира; неразвивающиеся сообщества) обнаруживает некоторые параллели с типологией политической модернизации С. Блэка⁴².

Итак, модернизационный подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, в том числе и российского, выявления общего и особенного в протекании данных процессов. В целом достигнуты определенные успехи в выявлении пространственных особенностей модернизации. Но

42. См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 240–251; Она же. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27; Она же. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3–21.

полученные результаты относятся преимущественно к разработке страновых вариантов модернизации. Субстрановой уровень пространственной динамики в рамках модернизационных исследований по-прежнему освещается недостаточно. Немногочисленные, зачастую постановочные, работы по данной проблематике лишь подтверждают указанный историографический факт⁴³. Между тем, без исследования субстрановой динамики модернизации вряд ли возможно получение углубленных знаний о сути данного процесса.

43. См.: *Аванесова Г.А.* Региональное развитие в условиях модернизации (на материалах стран Запада и Востока) // *Восток*. 1999. № 2. С. 41–56; *Соколов А.К.* Природно-демографические факторы в российской истории и вызовы современности // *Этот противоречивый век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова*. М., 2001. С. 31–53; *Наумова Г.Р.* Вся Россия (региональный подход к истории народного хозяйства) // *Россия на рубеже XIX–XX веков. Материалы научных чтений памяти проф. В.И. Бовыкина*. М., 1999. С. 186–197; *Власов А.В.* Проблема индустриального развития регионов и роль государства в этом процессе (на примере русского Севера) // *Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России»*. № 2. М., 1997; *Керов В.В.* Региональный аспект в изучении истории российской промышленности // Там же; *Наумова Г.Р., Никонов А.В.* Национальный фактор в индустриализации регионов // Там же.

С.А. Нефедов,
к.физ.-мат.н., д.и.н.,
ведущий научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения РАН

Концепция
демографических циклов
и методология
компаративной
истории

Компаративная история по своей сути подразумевает сравнительное описание истории различных стран и поиск общего и особенного в исторических процессах. Обнаружение существенных общих черт позволяет говорить о неких общих закономерностях, которым подчиняется развитие различных стран. Экономистов в первую очередь интересуют экономические закономерности — основные закономерности, связывающие динамику населения, потребления, цен и ренты. Веские аргументы в пользу наличия таких связей были представлены еще в конце XVIII в. в работах Томаса Мальтуса. Главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования (*means of subsistence*)»¹. Однако великий закон природы состоит «в проявляющемся во всех живых существах стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». Это приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, падении реальной заработной платы и уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет приостановку роста населения или его сокращение до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается — но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колеба-

1. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. М., 1993. Т. 2. С. 22. Выделено Мальтусом.

ния, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения»².

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (А. Смит, Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской³. Важно, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, т.е. о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом (рис. 1).

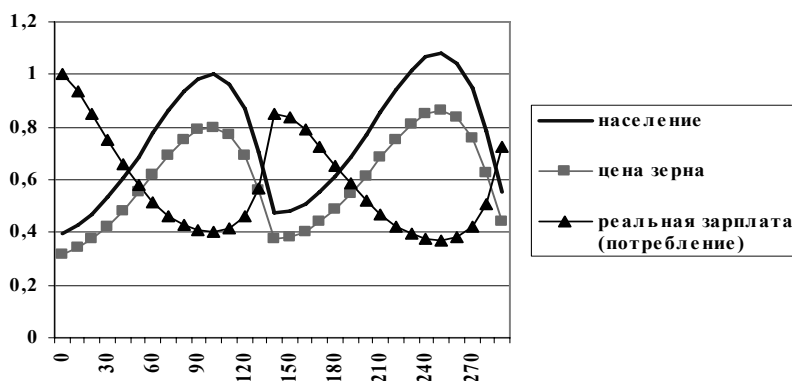

Рис. 1. Демографические циклы по теории Мальтуса–Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется.

2. Мальтус Т.Р. Ук. соч. С. 9, 18–22.

3. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Д. Рикардо. Сочинения. Т. I. М., 1955. Т. I.

Первая мировая война, голод и революции 1917–1922 гг. дали идеям Мальтуса новую жизнь. Выдающийся экономист Джон Мэйнард Кейнс, проанализировав данные статистики, показал, что накануне войны в Европе наблюдались признаки перенаселения, что именно перенаселение в конечном счете вызвало Первую мировую войну и революцию в России.

«Население европейской России увеличилось еще в большей степени, чем население Германии, – писал Кейнс. – В 1890 году оно было меньше 100 млн, а накануне войны оно дошло почти до 150 млн; в годы, непосредственно предшествующие 1914 году, ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона... *Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения*, а также прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей... Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным... являются, быть может, *гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая*... Голод, который приводит одних к летаргии и безнадежному унынию, вызывает в людях иного темперамента расстройство нервов и истерию, доходящие до безумного отчаяния. Доведенные до крайности, они могут уничтожить последние остатки организации и саму цивилизацию...»⁴.

Кейнс призывал США ради спасения Европы от голода и революций оказать европейским государствам неотложную помощь – эта идея была реализована в так называемом «Плане Дауэса».

Сходных идей о причине Первой мировой войны придерживался известный социолог Питирим Сорокин.

4. Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского договора. М.–Л., 1924. С. 6, 104.

«Не требует доказательства тот факт, что Европа, взятая в целом, не была самодостаточна в продовольственном отношении: она не производила и не производит нужного ей количества ни хлебных продуктов, ни мяса. Недостаток покрывался ввозом из других частей света: Америки, Азии и т.д. Отсюда вполне понятным становится, какое значение для ряда государств имеют заморские колонии, служащие для них не только рынком, но, прежде всего житницей, без которой они существовать не могут. Этим и объясняется, почему такие государства, как Великобритания и Германия, заинтересованы в колониях, и почему борьба за них была одной из основных причин последней войны». Привлекая статистические данные, П. Сорокин показал, что душевое производство зерновых по всему миру перед войной не превосходило 18 пудов, а производство картофеля — 6 пудов, т.е. потребление находилось на уровне голодного минимума. Если же учесть неравенство в потреблении, то это означало, что многие миллионы людей жили в условиях постоянного недоедания. «Помочь могло только уменьшение населения. И оно должно было произойти — в результате вымирания от голода и эпидемий, кровопролитных войн или, наконец, в результате всего этого вместе... Невидимый дирижер “господин Голод” сделал свое дело и еще продолжает его делать. Война же вызвана, если и не исключительно им, то все равно *позволяет старику Мальтусу торжествовать: его теория, если и не в деталях, то, по крайней мере, в основных ее тезисах подтверждается*»⁵.

Послевоенные годы ознаменовались попытками найти теоретическое подтверждение мальтузианской концепции. Мальтус полагал, что падение темпов роста населения с уменьшением потребления является законом природы, и в 1920-х годах эта связь была подтверждена биологическими экспериментами. Американский биолог и демограф Раймонд Пирр показал, что изменение численности попу-

5. Сорокин П.А. Голод как фактор. М., 2003. С. 305–307.

ляций некоторых видов животных описывается так называемым логистическим уравнением. Решением этого дифференциального уравнения является логистическая кривая (рис. 2.).

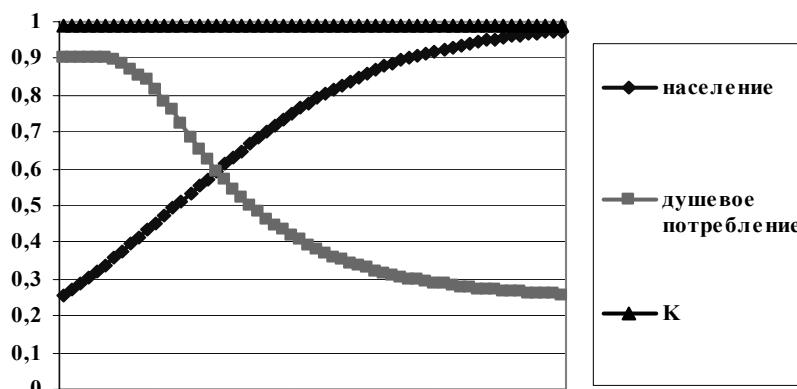

Рис. 2. Логистическая кривая и кривая душевого потребления

Поведение логистической кривой показывает, что поначалу, в условиях высокого потребления, численность популяции быстро возрастает. При избытке ресурсов рост популяции может какое-то время не сопровождаться падением потребления, но затем появляется нехватка пищи и потребление начинает падать. Падение потребления приводит к замедлению роста населения, и, в конечном счете, численность населения стабилизируется вблизи асимптоты, соответствующей максимально возможной численности при минимальном потреблении — так называемой емкости экологической ниши. Это состояние «голодного гомеостаза» в действительности оказывается неустойчивым, колебания природных факторов могут привести к резкому уменьшению численности популяции, после чего начинается период восстановления в новом цикле⁶. Таким образом, «логистические циклы» в популяциях животных

6. См. Pearl R. The biology of population growth. N. Y. 1925.

имели, в принципе, ту же природу, что и мальтузианские демографические циклы. Впоследствии теория популяционных циклов стала одним из важных разделов новой науки, экологии⁷; она привлекалась последователями Мальтуса как один из аргументов, подтверждающих его теорию⁸.

Мальтус пытался выявить постулированные им циклы в реальной истории и, привлекая данные о реальной заработной плате в Англии в XVI и XVIII в., утверждал, что падение потребления в эти периоды, должно быть, объясняется ростом населения⁹. Однако состояние демографической статистики в XIX в. не позволяло подтвердить теорию с помощью реальных данных о численности населения в странах Европы. Традиция проведения переписей населения с давних времен существовала лишь в Китае. В 1933 г. работавший в Харбине русский экономист Е.Е. Яшнов опубликовал небольшое исследование «Особенности истории и хозяйства Китая»¹⁰. Ссылаясь на выявленную Д.С. Ли¹¹ цикличность внутренних войн в Китае, Е.Е. Яшнов объяснил эту цикличность действием демографического фактора и дал первое описание механизма демографического цикла в истории человеческого общества. «Совершенно очевидно, что за время длительных междоусобий и частых визитов голода и эпидемий, характеризующих заключительные периоды больших циклов, внутренний строй китайского хозяйства переживал большие изменения, — писал Е.Е. Яшнов. — Количество населения в центральной части страны более или менее заметно сокращалось, здесь немало засевавшихся ранее земель оказывалось заброшенными...

7. См. например: *Бигон М., Харпер Дж., Таусенд К.* Экология. Особи, популяції и сообщество. Т.1–2. М., 1989.

8. *Losch A.* Population Cycles as a Cause of Business Cycles // *Quarterly Journal of Economics.* 1937. Vol. LI. P. 649–662; *Cameron R.* A concise economic history. From Paleolithic times to the present. N. Y., Oxford, 1989.

9. *Malthus T.* Principles of Political Economy. London, 1836; 2nd ed.; reprint, New York, 1951. P. 241–251.

10. *Яшнов Е.Е.* Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин. 1933.

11. *Lee J.S.* The periodic recurrence of internecine wars in China // *The China Journal.* 1931. № 3, 4.

В результате наступивший спокойный период (начало нового большого цикла) Китай встречал с уменьшившимся населением... Увеличивалось количество предлагаемой в аренду земли, и т.к. спрос на нее снижался, то арендные ставки заметно уменьшались. Вообще, эти моменты надо признать самыми благоприятными для крестьянства. Оно пользовалось сравнительным земельным простором, низкой арендной платой и льготным обложением... и сравнительно редко страдало от массового голода... Собственное землевладение крестьян в этот период возрастало. Но на сцену немедленно выступало действие прироста населения, стимулированное наступившим спокойствием и общим сравнительным достатком. Долгое время оно уравнивалось приведением в порядок разрушенных за время предшествовавшего кризиса оросительных систем и устройством новых, возобновлением распашки заброшенных полей... Но в конце концов рост населения неизбежно начинал обгонять рост продукции. Налоговое бремя возрастало, благодаря увеличившемуся спросу на землю, возрастали и арендные ставки. Оставшаяся у крестьян часть их продукции медленно, но неуклонно начинала убывать... явно намечалось понижение жизненного стандарта деревни. Снова начинало процветать обезземеливание крестьян... Все большее число бедных, наименее устойчивых крестьянских хозяйств становились дефицитными. Их население уже не могло кормиться от земледелия и, за неимением другой работы, понемногу образовывало кадры, готовые стать источником внутренних потрясений. Таким образом, можно думать, что по мере углубления кризиса изменялся и состав населения в сторону более быстрого роста его внеземледельческих слоев. С одной стороны, деревня отслаивала лишние для сельскохозяйственного производства рабочие руки, с другой стороны, город, в результате постепенного усложнения правительственного и промышленно-торгового аппарата, втягивал в себя все большие и большие массы населения. Следовательно, по мере течения цикла,

плечи крестьянства оказывались обременены непрерывно возрастающей тяжестью... Оно вынуждалось отчуждать все большую и большую часть продукции на содержание внеземледельческих слоев, что прежде всего отражалось на росте налогов и арендной платы... В сфере идеологии это предопределяло тяготение к схемам более или менее социалистического характера, причем наблюдались попытки их претворения в жизнь. В конце концов, это неизбежно вело к гражданским войнам... В результате, во вторую (меньшую) половину большого цикла... Китай представлял собой как бы кипящий котел. Он горит в почти непрерывном огне гражданской войны, распадается на ряд независимых, враждующих друг с другом государственных образований и даже завоевывается частично или полностью соседями. Население центра убывает, оросительные системы разрушаются, посевные площади сокращаются, число случаев массового голода угрожающе растет...»¹².

Е.Е. Яшинов полагал, что демографические циклы определяют ход не только истории Китая, но всей человеческой истории. «Здесь необходимо подчеркнуть следующее. Если наличие циклических тенденций в истории будет с несомненностью установлено хотя бы для одной какой-нибудь страны, то в силу этого придется признать, что они свойственны и человеческой истории вообще, так как их первопричина коренится в основных и всеобщих условиях жизни человеческого общества. Тот факт, что они не бросаются в глаза, доказывает не их отсутствие, а лишь их замаскированность посторонними влияниями... Работа в этом направлении обещает не только дать нам возможность глубже понять наше прошлое и настоящее, но и усилить способы предвидения будущего»¹³.

Описание демографического цикла, данное Е.Е. Яшиновым, в настоящее время можно считать классическим, однако с фактологической стороны идея цикличности не

12. Яшинов Е. Е. Указ. соч. С. 41–42.

13. Там же. С. 56.

получила в работе Е.Е. Яшнова достаточного обоснования. Кроме того, опубликованная в Харбине книга Е.Е. Яшнова осталась вне поля зрения европейских историков и была незаслуженно забыта. Исследование демографических циклов проводилось в Европе независимо и основывалось на изучении материалов о хозяйственной жизни европейских стран.

Как отмечалось выше, для европейских стран имелось мало данных о численности населения, однако имелись данные о другом параметре колебательного экономического процесса — о ценах. Пионером статистического изучения ценовых колебаний стал французский исследователь Франсуа Симиан. В работе Симиана, опубликованной в 1932 г., было введено понятие «вековой тенденции», цикла, состоящего из фазы роста цен (фазы А, или повышательной тенденции) и фазы убывания цен (фазы В, или понижательной тенденции)¹⁴. Симиан обнаружил в XVI в. повышательную тенденцию, а в XVII в. — понижательную тенденцию, но он не связывал эти ценовые тенденции с демографической динамикой. Продолжая разработку идей Симиана, Эрнест Лабрусс в 1933 г. опубликовал более детальное исследование динамики цен и заработной платы во Франции — но так же вне связи с демографией¹⁵. В 1934 г. немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период «повышательной тенденции» в XIII — начале XIV в., сменившийся затем понижательной тенденцией в XV в. и снова повышательной тенденцией в XVI — начале XVII в. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и — как можно было судить по данным об отдельных областях — относительным ростом населения, периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали

14. *Simiand F.* Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement général des prix au XVIe au XIXe siècles. Paris, 1932. P. 341.

15. *Labrousse C.-E.* Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. Paris, 1933. T. 1, 2.

периодам уменьшения численности населения¹⁶. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо, в том смысле, что именно рост населения вызывает рост цен и падение заработной платы, а уменьшение населения вызывает обратные следствия (рис. 3). Однако немецкий историк считал, что падение численности населения в середине XIV в. было вызвано не перенаселением, а случайным и внешним фактором — эпидемией Черной смерти 1348 г.¹⁷

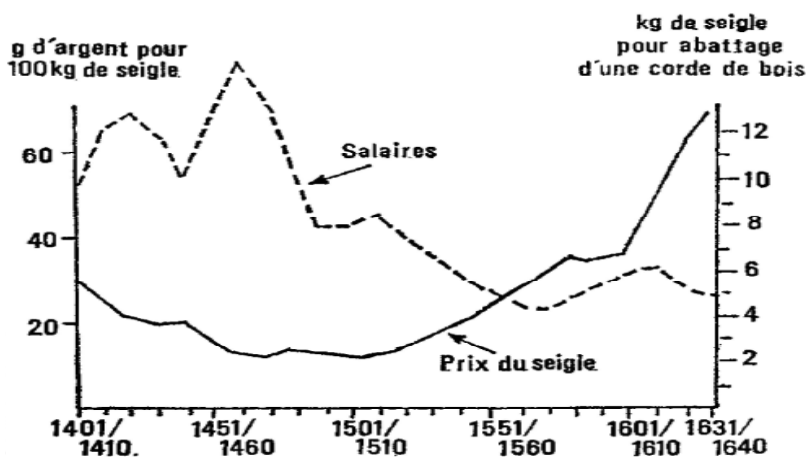

Рис.3. Повышательная тенденция в 1450–1630 гг. в Германии по Абелю: рост населения вызывает рост цен на рожь (prix) и падение заработной платы (salaies). Цена ржи дана в рейхсмарках, а заработная плата (заработок дровосека в Геттингене) — в килограммах ржи [франц. издание: Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe –XXe siecle). Paris, 1973. P. 79]

Работы В. Абеля нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Лондонский журнал «Ревю экономической истории» ввел рубрику «Ревизия экономической

16. Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung //Schmollers Jahrbücher. 58, Jahrgang, 1934; Idem. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.

17. Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe –XXe siecle). Paris, 1973. P. 60–61.

истории», в которой публиковались статьи, посвященные анализу экономических процессов XIII–XV вв. и связи этих процессов с динамикой численности населения. Надо сказать, что до этого времени вопрос о масштабах потерь, принесенных Черной смертью был далеко не ясным. В отсутствие статистических данных многие специалисты были склонны приуменьшать эти потери; преобладала точка зрения, что, несмотря на отдельные проблемы, экономика XIV столетия в целом развивалась поступательно. Работы М. Поста́на, К. Киполлы, К. Хеллинера, Д. Салмарша, Е. Перри, Ф. Лютге, Э. Кельтера и других историков на материале различных европейских стран показали истинные масштабы катастрофы. Прояснилась связь экономической динамики с ростом населения: было показано, что рост населения служил движущей силой роста экономики, что увеличение численности крестьян заставляло их производить распахки и осваивать новые земли; безземельные крестьяне уходили в города, что приводило к росту городов и ремесел. Сокращение численности населения, в свою очередь, вело к запустению деревень и сокращению пахотных земель¹⁸. Возникло понятие «кризис XIV века», количество работ, посвященных данной тематике, быстро росло.

Следующий шаг в апробации мальтузианско-рикардианской теории был сделан английским историком Майклом Поста́ном. М. Поста́н показал, что катастрофа середины XIV в. не была случайностью, что уже в начале этого столетия сельское хозяйство не могло прокормить растущее население, и голод 1310-х годов был первым симптомом наступившего перенаселения. М. Поста́ну и

18. *Postan M. Revision in Economic History: the fifteenth century // The Economic History Review. 1939. Vol. 9. № 2; Cipolla C. M. Revision in Economic History: the trend in Italian economic history in the later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1949. Vol. 2. № 2; Helleiner K. F. Population movement and agrarian depression in the later middle ages // The Canadian Journal of Economical and Political Science. 1943. Vol. XV. № 3; Perroy E. A l'origine d'une economie contractee: Les crises du XIV-e siecle //Annales. Economies, Societes, Civilisations. 1949. Vol. IX. № 2; Salmarsh J. Plague and economic decline in England in the later middle ages // Cambridge Historical Journal. 1941. № 1.*

Д. Титову удалось доказать, что после 1300 г. наметились рост смертности и замедление демографического роста, которые объяснялись падением уровня жизни, что именно падение уровня жизни и постоянный голод подготовили почву для губительной эпидемии¹⁹. Позднее было показано, что сокращение численности населения в начале XIV в. (до эпидемии) имело место и в других странах. Таким образом, демографический цикл XI–XIV вв. получил вполне мальтузианскую трактовку, зафиксированную в недавно вышедшем в свет шестом томе «Новой кембриджской истории средних веков»²⁰.

Еще одна проблема, стоявшая перед историками, заключалась в том, как судить о численности населения в отсутствие надежных статистических данных. В работе 1950 г. Майкла Постан приводит свидетельства о резком увеличении реальной заработной платы, о падении цен и ренты после 1348 г. и затем делает вывод о больших масштабах демографической катастрофы²¹. Здесь мы впервые видим пример обращения теории Мальтуса–Рикардо, когда, исходя из поведения экономических показателей, делается вывод о динамике численности населения. Впоследствии этот вывод был подтвержден данными демографии²².

В 50-х годах исследованием вековых тенденций занималось большое число историков в различных странах. На X международном конгрессе исторических наук в 1955 г. группа исследователей – М. Молла, М. Постан, П. Иогансен, А. Сапори и Ш. Верлинден – представила новое видение

19. Postan M. M., Titov J. Z. Heriots and prices on Winchester manors // *Economical history review*. Ser. 2. Vol. 38. 1958–1959. P. 392–417. См. также: Postan M. M. *Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy*. Cambridge, 1973.

20. Klapisch-Zuber C. *Plague and family life* // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 128–130; Freedman P. *Rural society* // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 89–91.

21. Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages // *The Economic History Review*. Ser. 2. 1950. Vol. 2. № 3. P. 221–246.

22. Smith R. *Demographic Developments in Rural England, 1300–1348* // *Before the Black Death. Studies in the “Crisis” of the Early Fourteenth Century*. Manchester, 1991. P. 49–50.

истории позднего средневековья с точки зрения теории вековых тенденций²³.

В 1953 г. появилась капитальная работа Р. Мунье «XVI и XVII века. Прогресс европейской цивилизации и упадок Востока (1492–1715)»²⁴. Р. Мунье указал на демографическую природу вековых тенденций. В конце XV и в XVI в. отмечался рост населения, сопровождаемый освоением земель, заброшенных в период «Великой чумы». По мере роста населения и сокращения фонда свободных земель росли цены и падала реальная заработная плата. В конце XVI в. вновь появились признаки перенаселения, участились голод и эпидемии, рост населения прекратился. В первой половине XVII столетия в некоторых странах отмечалось значительное сокращение численности населения; экономика Европы находилась в состоянии упадка. Во второй половине столетия возобладала понижательная вековая тенденция, цены стали падать, а реальные доходы — расти.

Характерной чертой работы Мунье является установление зависимости между экономическими и социальными процессами. Мунье показывает, как падение уровня жизни приводит к восстаниям, внутренним и внешним войнам — к так называемому «кризису XVII века». Главная мысль Мунье заключается в том, что спасителем от всех бед, принесенных кризисом, является абсолютная монархия. Абсолютизм изображается как носитель централизации, национального единства, народности, принципа эгалитарности, как единственный последовательный защитник общегосударственных интересов²⁵.

Одним из крупных достижений этого периода была работа Ф. Брауна и Ш. Хопкинса, построивших временные

23. Mollat M., Postan M., Johansen P., Saporì A., Verlinden Ch. L'Economie Europeenne aux deux derniers siecles du Moyen age// *Relazioni del X Congresso internazionale di scienza storiche*. Vol. III. Storia del Medioevo. 1955.

24. Mousnier R. Les XVIe et XVIIe siecles. Les progres de la civilisation eupopeenne et la diclin de l'Orient (1492-1715). Paris, 1953.

25. Mousnier R. Op. cit. S. 236.

ряды цен и реальной заработной платы в Англии. График, построенный Ф. Брауном и Ш. Хопкинс был сопоставлен В. Абелем и Б. Сличером ван Батом с динамикой численности населения, и в результате получилась картина, близко напоминающая теоретические построения Мальтуса и Рикардо²⁶. Мы приводим ниже (рис. 4) вариант графика Абея с использованием последних данных о численности населения Англии²⁷. П. Турчин добавил к этому графику кривую уровня мальтусовских «средств существования», или, на современном языке, емкости экологической ниши (К), которая равна тому количеству населения, которое может проживать на данной территории при распашке всех пригодных для обработки земель, средней для данного периода урожайности, и потреблении по минимально возможной норме²⁸.

В традиционном обществе урожайность и емкость экологической ниши остается постоянной на протяжении многих столетий, и это жесткое ограничение придает демографическим кризисам характер катастроф. Как показывают данные рис. 4, первый глобальный демографический кризис (обозначенный на графике буквой А) разразился в середине XIV в., он был ознаменован голодом, страшной пандемией чумы и крестьянским восстанием 1381 г. Кризис привел к гибели более чем половины населения Англии; в результате сокращения населения уровень потребления увеличился почти вдвое. После того как утихли эпидемии и стабилизировалась политическая обстановка (примерно с 1480 г.), население стало расти, и участок С на графике подобен классической картине демографического цикла: население растет, а потребление падает.

26. *Abel W.* Crises agraires en Europe... P. 400; *Slicher van Bath B. H.* The agrarian history of Western Europe A. D. 500–1850. L., 1963. P. 113.

27. *The Agrarian history of England and Wales. Vol.2: 1042–1350 / edited by H.E. Hallam.* Cambridge, 1988; *Wrigley E. A. and Schofield R. S.* The Population History of England, 1541–1571: A Reconstruction. Cambridge (Mass.), 1981.

28. *Turchin P.* Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States // *eJournal of Anthropological and Related Sciences.* 2005. № 1.

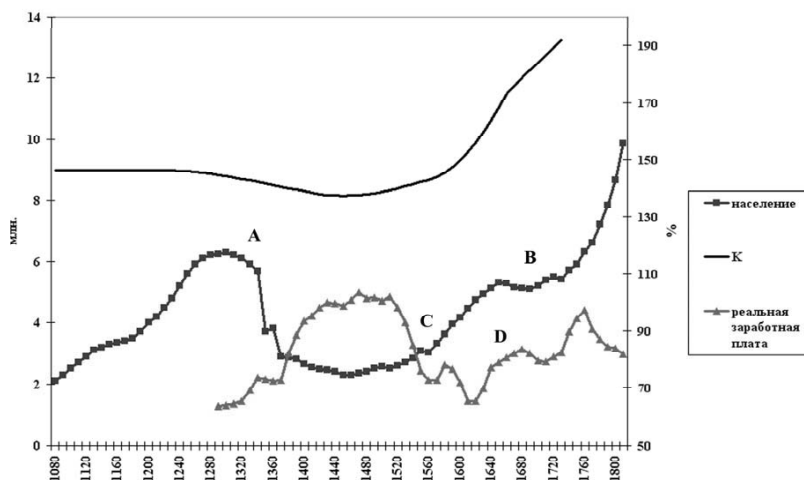

Рис. 4. Численность населения и уровень потребления в Англии XII—XVIII вв. За уровень потребления взят усредненный по 30-летиям уровень реальной заработной платы лондонского каменщика (средний уровень XV в. принят за 100)

К 1600–1630 гг. потребление упало примерно на 40%, до критического уровня, на котором начался предыдущий кризис. Однако в это время начались аграрные преобразования, сопровождавшиеся повышением урожайности и расширением экологической ниши (участок D). Потребление стало увеличиваться — но экосистема все же не успела выйти из зоны неустойчивости, и Англии не удалось избежать кризиса, который ознаменовался гражданской войной середины XVII в. и последующими эпидемиями (этот кризис обозначен на графике буквой B). Однако благодаря расширению экологической ниши катастрофы на этот раз не произошло, имело место лишь небольшое уменьшение численности населения, а затем — длительная демографическая стагнация. За счет продолжающегося увеличения урожайности уровень потребления в этот период значительно возрос и почти достиг уровня, установившегося после первой катастрофы. Увеличение потребления способствовало возобновлению быстрого роста населения после 1730 г.

В этот период рост урожайности уже не мог компенсировать рост населения и уровень потребления стал падать²⁹.

В 50-х и 60-х годах XX в. мальтузианская теория циклов нашла подробное отражение в обобщающих трудах Б. Сличера ван Бата, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов³⁰. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню³¹. В 1958 г., подводя итог достижениям предшествующего периода, редактор «Анналов» Фернан Бродель заявил о рождении «новой исторической науки». «Новая экономическая и социальная история на первый план в своих исследованиях выдвигает проблему циклического изменения, — писал Ф. Бродель, — она заворожена фантомом, но вместе с тем и реальностью циклического подъема и падения цен»³². В 1967 г. вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках»³³.

«Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, — писал Фернан Бродель, — то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже

-
29. *Slicher van Bath* В.Н. Оp. cit. P. 88–109; *Wrigley E.A. and Schofield R. S.* Оp. cit. P. 446–478.
30. *Slicher van Bath* В. Оp. cit; *Glass D.V., Eversley D.E.* Population in History. London, 1965. *Cipolla C.M.* Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000–1700. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.)
31. *Goubert P.* Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVIIe siecle. 2 vols., Paris, 1960; *Meuvret J.* Les Crises de subsistances et la demographie d'Ancien Regime//Population. 1946. № 3. P. 643–650; *Duby G.* L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident medieval. 2 vol. Paris, 1962; *Meuvret J.* Etudes d'histoire economique. Paris, 1971; *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1983. Русский перевод: *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.
32. *Braudel F.* Histoire et sciences sociales. La longue duree // Annales, 1958, octobre-decembre; русский перевод: *Бродель. Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 118.
33. *Braudel F.* Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe–XVIIIe siecle. Paris, 1967. Т. 1. Русский перевод: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. М., 1986. Т. 1.

не суждено было последовать спаду, — с 1750 года. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс *в том же ритме, что и Запад*, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, *по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной...*³⁴.

Из других наиболее известных изданий 60-х годов следует отметить книгу Эммануэля Ле Руа Ладюри «Крестьяне Лангедока», которая является наиболее полным исследованием социально-экономических процессов во французской деревне на основе концепции демографических циклов и вековых тенденций³⁵. В 1967 г. вышел в свет четвертый том «Кембриджской экономической истории Европы», в котором теория вековых тенденций представлена в разделах, написанных Ф. Бродемом, Ф. Спунером и К. Хеллинером³⁶.

В 70-х годах теория демографических циклов получает освещение в энциклопедических многотомных изданиях, таких как «Экономическая и социальная история Франции», «История Италии»³⁷. В это время выходят в свет обобщающие работы М. Поста на «Средневековая экономика и общество», «Очерк средневекового сельского хозяйства и общие проблемы средневековой экономики»³⁸. В 1976 г. известный историк и экономист Рондо Камерон

34. Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т.1. С. 42–44.

35. Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. Т. 1–2; Idem. De Waterloo à Colyton: histoire, démographie et sociétés // Le Roy Ladurie E. Le Territoire de l'historien. P., 1973. P. 301–311; Idem. L'histoire immobile // Annales, E. S. G. 1973. № 3. P. 673–692.

36. The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV. The economy of expending Europe in the 16th and 17th centuries. Edited by E. E. Rich and E. H. Wilson. London and New York, 1967.

37. Histoire économique et sociale de la France. Paris, 1970–1976. Т. 1–3.

38. Postan M.M. The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100–1500. Berkley, Los Angeles, 1972; Ibid. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973.

в своем обзоре достижений экономической истории писал о циклах европейской истории как о теории, получившей общее признание³⁹.

В 70–80-е годы теория демографических циклов рассматривалась в рамках «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «большими аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо.

Большое теоретическое значение имело появление в 1981 г. исследования А. Ригли и Р. Шофилда «История населения Англии»⁴⁰. Авторы восстановили динамику численности населения Англии с 1541 г. и использовали полученные данные как экспериментальный тест для проверки теоретических положений мальтузианской теории. В результате этого исследования было подтверждено математическими методами наличие постулированной Мальтусом и Рикардо тесной связи между темпами роста населения, ценами и реальной заработной платой вплоть до времен индустриализации. Однако после того как английская индустриализация сделала заметные успехи и был налажен массовый ввоз продовольствия из других стран в обмен на промышленные товары, эта корреляция исчезла. Таким образом, заключают А. Ригли и Р. Шофилд, сфера приложения мальтузианской теории должна быть ограничена традиционным допромышленным обществом⁴¹. Это важное обстоятельство отмечалось историками и раньше, и в частности, Э. Ле Руа Ладюри называл Мальтуса «пророком прошлого» — в том смысле, что его

39. Cameron R. Economic History, Pure and Applied // Journal of Economic History. 1976. Vol. 36. № 1. P. 32.

40. Wrigley E.A. and Schofield R.S. Op. cit.

41. Ibid. P. 446–478; Schofield R.S. Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History // Population and History. From the Traditional to the Modern World. Cambridge, 1986. P. 11–33.

теория перестала действовать вскоре после опубликования его книги⁴².

Тем не менее, авторы «Истории населения Англии» подчеркивали исключительную ценность мальтузианско-рикардианской теории для понимания динамики социально-экономического развития в доиндустриальную эпоху. «При отсутствии какой-либо теории, объединяющей социальные структуры и их динамику, историческое объяснение обречено быть неформальным и эклектичным... — писал Р. Шофилд. — Теория Мальтуса особенно хорошо подходит для объяснения исторической динамики, потому что она не только объединяет концептуальные элементы в структуру, но и явно рассматривает природу динамики этих структур. Теория не просто говорит, что демографические и экономические элементы, такие как прирост населения, цены продуктов питания... связаны, она изучает, как изменения в каждом из этих элементов воздействуют на изменения в других элементах»⁴³. Это важное преимущество теории Мальтуса *делало возможным аналитическое описание постулированных закономерностей и построение экономико-математических моделей, описывающих реалии прошлого*⁴⁴. В 1978 г. известный экономист Рональд Ли провел экономико-математический анализ данных Ф. Брауна и Ш. Хопкинса и пришел к выводу о том, что они соответствуют постулатам Мальтуса⁴⁵. Постулаты мальтузианско-рикардианской теории были использованы в ряде появившихся в это время глобальных экономико-демографических моделей, в том числе в моделях Д. Форрестера, Д. Медоуза, М. Месаровича и Э. Пестеля⁴⁶.

42. Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1990. P. 370.

43. Schofield R. S. Op. cit. P. 18, 30.

44. Введение в экономическую географию. М., 2001. С. 56.

45. Lee R. Econometric Studies of Topics in Demographic History. New York, 1978.

46. См.: Форрестер Дж. Мировая динамика. М., 1978; Геловани В.А., Пионтковский А.А., Юрченко В.В. О задаче управления в глобальной модели WORLD-3. М., 1975; Meadows D.L. and al. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of

Обостренное внимание уделялось связи мальтузианской теории с проблемой аграрного перенаселения в развивающихся странах. В капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и в XVII в., исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира⁴⁷. Как видно из данных графика на рис. 5, построенного нами по данным ФАО, динамика населения и потребления в обширном регионе Центральной Африки во второй половине XX в. имела мальтузианский характер: рост населения сопровождался падением потребления.

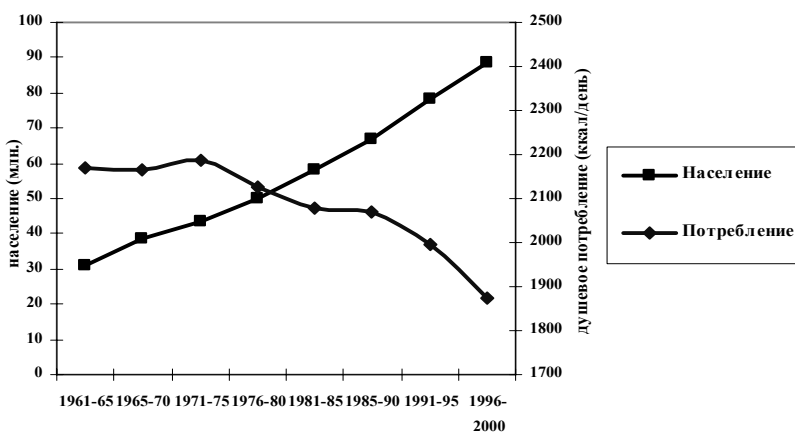

Рис. 5. Население и потребление в Центральной Африке (график построен по информации базы данных FAOSTAT // <http://apps.fao.org/faostat>)

Среди изданий 80-х годов мы можем отметить также книгу Ф. Броделя «Что такое Франция? Люди и вещи» и популярный учебник Р. Камерона «Краткая экономи-

Mankind. N.Y., 1972; О современном состоянии проблемы моделирования исторических процессов см.: Математические модели исторических процессов. М., 1996; Плотинский Ю.М. Математическое моделирование динамики социальных процессов. М., 1992; Goldin С. Cliometrics and the Nobel // Journal of Economic perspectives. 1995. Vol. 9. № 2. P. 191–208; Гуц А. К. Глобальная этносоциология. Омск: Омский гос. ун-т, 1997.

47. Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980.

ческая история мира» – обе эти книги переведены на русский язык⁴⁸. Помимо трех описанных выше демографических циклов, Ф. Бродель и Р. Камерон рассматривали демографические циклы античности и раннего средневековья, таким образом, была сделана попытка представить всю историю Европы в виде чередующихся демографических циклов и объяснить социальные явления, исходя из демографических закономерностей.

Как отмечалось выше, Ф. Бродель утверждал, что Восток колебался в ритме демографических циклов синхронно Западу. Основанием для этого утверждения было обнаружение турецким историком О. Барканом демографического цикла в Османской империи, синхронного европейскому циклу конца XV – начала XVII в.⁴⁹ Однако Р. Камерон подвергал критике этот тезис Ф. Броделя, указывая на недостаток исследований по этой тематике⁵⁰. До сравнительно недавнего времени изучение этого вопроса ограничивалось работами израильского ученого Елеаху Аштора, исследовавшего циклы цен и заработной платы на Ближнем Востоке в раннее средневековье⁵¹, а также несколькими исследованиями, с разной степенью детализации, рассматривавшими демографические циклы в Китае⁵². Далее будет подробнее рассказано о

-
48. Braudel F. L'Identite de la France. Les hommes et les choses. P., 1986. Русский перевод: Что такое Франция? Люди и вещи. М., 1995; Cameron R. A concise economic history. From paleolithic times to the present. N. Y., Oxford, 1989. Русский перевод: Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001.
49. Barcan O. L. Rec. ad. Op: F. Braudel. La Mediterranee et le monde mediterraneen a l'epoque de Philippe II // Revue de la faculte des sciences economiques de l'Universite d'Istanbul. Istanbul, 1949–1950. Vol. XI. P. 206.
50. Cameron R. Europe's second logistic // Comparative Studies in Society and History. 1970. № 12. P. 457.
51. Ashtor E. Histoire des prix et des salaires dans l' Orient Medieval. P. 1969; Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages . London, 1976. P. 66, 153.
52. Например: Ping-ti Ho. Studies on the Population of China, 1368–1953. Cambridge, 1959; Elvin M. The Pattern of the Chinese Past: A Social and Economic Interpretation. Stanford, 1973; Liu P. and Huang K. Population Change and Economic Development in Mainland China since 1400 // Modern Chinese Economic History. Taipei, 1977; Chao K. Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis. Stanford, 1986.

результатах автора в изучении демографических циклов на Востоке.

В 1996 г. вышла в свет книга Дэвида Фишера «Великие волны», которая исследует ценовые волны не только в Европе, но и в Азии — но вне связи с демографическим фактором⁵³. Заметим также, что элементы мальтузианского подхода используются в теории мир-систем Иммануила Валлерстайна⁵⁴. Относительно недавно А. Франк и Б. Гиллс предприняли попытку продлить теорию мир-систем вглубь веков и выделили четыре больших цикла роста-упадка: доклассический (1700–100/50 гг. до н.э.), классический (100/50 гг. до н.э. – 200–500 гг.), средневековый (200–500–1450/1500) и современный (с XVI в.)⁵⁵. Это выделение также предполагает постулированную Ф. Броделем синхронность циклов на огромных территориях Евразии. Однако Дж. Ричардс, П. Турчин и Т. Холл убедительно показали, что синхронность в действительности отсутствует, например, в кризисном для Европы XVII в. Индия переживала подъем, а кризис наступил позже⁵⁶.

В последние годы изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей. Это новое направление исследования представлено, в том числе, в работах Дж. Комлоса, П. Турчина, А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова, С. В. Циреля, а также в работах автора⁵⁷. Особое значение имеет моно-

53. *Fischer D.H.* The Great Wave. Price Revolutions and the Rhythm of History. Oxford, 1996.

54. *Wallerstein I.* The Modern World-System. 2 vols. New York, 1974, 1989.

55. *Frank A.G., Gills B.* The World System: 500 or 5000 Years? London, 1993.

56. *Richards J.F.* The seventeenth century crisis in South Asia // *Modern Asian studies.* 1990. Vol. 23. № 4; *Turchin P., Hall T.* Spatial Synchrony Among and Within World-Systems: Insights from Theoretical Ecology // *Journal of World-System Research.* 2003. Vol. IX. № 1. P. 58–59.

57. *Komlos J., Nefedov S.* Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // *Historical Methods.* 2002. Vol. 35. № 2. P. 92–94; *Nefedov S.* A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // *Chinese Journal of Population Science.* 2003. № 3. P. 48–53 (на кит. яз.); *Nefedov S.A.* A model of demographic cycles in a traditional society // *Social Evolution & History.* 2004. Vol. 3. N 1. P. 69 – 80; *Turchin P.* *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall.* Princeton and Oxford, 2003; *Tsirel S.V.* On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population // *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics – Moscow: Russian State Social University,* 2004. P. 367–369.

графия А. В. Коротаяева, А. С. Малкова и Д. А. Халтуриной, в которой авторы на основе математического моделирования дали общий анализ демографической динамики человечества, а так же представили ряд конкретных прогнозов, в том числе касающихся социально-экономического развития стран Тропической Африки⁵⁸.

Мы далее опишем простейшую итерационную модель, призванную продемонстрировать основной механизм демографического цикла и предназначенную, в основном, для учебных целей. В итерационных моделях вычисления производятся от года к году, при этом они являются более гибкими, чем дифференциальные модели, и позволяют учитывать большее число факторов. Взяв за основу эту модель, можно при желании расширить ее, учитывая действие других механизмов и процессов.

Для удобства мы будем рассматривать не календарные, а хозяйственные годы, которые начинаются со сбора урожая. Численность населения (N), выражается в числе дворов или семей (условно можно считать населенность двора в 5 человек). Крестьянский двор, в теории (т.е. когда хватает земли), обрабатывает стандартный участок земли (такой участок назывался на Ближнем Востоке «чифт»), и максимально возможную площадь пахотных земель мы будем измерять числом стандартных участков S . Когда численность дворов N превосходит S , на некоторых участках может разместиться две семьи.

Пусть a — урожайность, выраженная числом минимальных семейных пайков зерна, которые можно собрать со стандартного участка. Урожайность не является постоянной величиной, поэтому мы зададим ее в виде $a = a_0 + d$, где a_0 — средняя урожайность, d — случайная величина, принимающая значения на отрезке $(-a_1, a_1)$. При принятых нами единицах измерения урожай Y (в числе пайков) можно выразить в простой форме:

58. Коротаяев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М, 2005.

$$Y=aN \text{ если } N < S,$$

$$Y=aS \text{ если } N > S.$$

Если имеются излишки, т.е. душевое производство $y_n = Y/N$ больше некоторой величины «удовлетворительного потребления» p_1 ($p_1 > 1$), то крестьяне потребляют не все это зерно, откладывая часть излишков в запас (мы будем для простоты полагать, что они откладывают половину излишков). Нужно отметить, однако, что в силу условий хранения крестьянские запасы не могут увеличиваться до бесконечности и ограничены некоторой величиной Z_0 . Если же потребление падает ниже уровня p_1 , то крестьяне берут зерно из запасов, поднимая, по возможности, потребление до уровня p_1 .

Таким образом, потребление и запасы выразятся формулами:

$$\text{если } y_n > p_1, \text{ то } p = p_1 + (y_n - p_1) / 2 \text{ и } Z = Z + (y_n - p_1) / 2,$$

$$\text{при этом, если } Z > Z_0, \text{ то } Z = Z_0 \text{ и } p = p_1 + (y_n - p_1) / 2 + (Z - Z_0),$$

$$\text{если же } y_n < p_1, \text{ то вычисляется величина нехватки } d_p = (p_1 - y_n) * N,$$

$$\text{и если } Z > d_p, \text{ то } p = p_1 \text{ и } Z \text{ уменьшается на } d_p,$$

$$\text{если же } Z < d_p, \text{ то } p = (Y + z) / N \text{ и } Z = 0.$$

Коэффициент роста населения r есть отношение населения последующего года к населению предыдущего года. Коэффициент роста r зависит от потребления. Когда потребление равно минимальной норме ($p=1$), население остается постоянным ($r=1$). Максимальный естественный рост обозначим r_m , а величину потребления, при которой он достигается, — p_m . Мы полагаем $r_m = 1,02$, т.е. максимальное увеличение численности населения составляет 2% в год. Мы будем считать, что при $1 < p < p_m$ рост населения линейно зависит от потребления, а при $p > p_m$ уже не увеличивается ($r=r_m$). При $p < 1$ зависимость r от p берется в форме $r=p$, т.е. в случае голода выживает столько людей, сколько имеется продуктовых пайков (все люди, не обеспеченные пищей на год, погибают).

Таким образом, коэффициент роста r вычисляется по следующим формулам:

если $p > 1$, то $r = a_{01} * p + (1 - a_{01})$, где $a_{01} = (r_m - 1) / (p_m - 1)$.

При этом, если $r > r_m$, то $r = r_m$,

если же $p < 1$, то $r = p$.

На Ближнем Востоке и в России достаточно типичным был случай, когда каждая семья могла получать со стандартного участка два минимальных пайка, т.е. a_0 было порядка двух. Разброс урожайности был довольно большим, в Египте, например, порядка 60% от среднего урожая. Что же касается случайной величины d , то ее можно аппроксимировать квадратом равномерного распределения⁵⁹. Максимальное число стандартных участков S условно можно считать равным 1 млн, а максимальные запасы — восьмилетними. Рассмотрим сначала случай, когда крестьяне, вооруженные опытом поколений, начинают откладывать зерно в запас, как только душевое производство превышает 1,05 минимальной нормы. Поскольку результаты расчета зависят от случайной величины (урожайности), то они будут различными при разных прогонах программы. Однако в качественном отношении получается достаточно типичная картина демографических циклов, периодов роста населения, перемежающихся демографическими катастрофами. Продолжительность цикла при этом зависит от масштабов предшествующей катастрофы (рис. 6).

Конечно, данная модель описывает лишь основной механизм демографического цикла, упуская из виду многие детали, например существование государства и военной элиты или развитие крупного помещичьего землевладения. Эти факторы учтены в других моделях⁶⁰, и расчеты по

59. Нефедов С.А., Турчин П.В. Опыт моделирования демографически-структурных циклов // История и математика: Макроисторическая динамика общества и государства. М., 2006. С. 153–167.

60. Там же; Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // Chinese Journal of Population Science. 2003. Vol. 3. P. 48–53.

ним показывают, что по сравнению с предлагаемой моделью качественная картина циклов меняется незначительно. В целом, можно, по-видимому, утверждать, что наличие у крестьян запасов зерна долгое время позволяет стабилизировать экономику, однако с ростом населения запасы истощаются и крупные неурожаи рано или поздно приводят к катастрофическому голоду, сопровождаемому эпидемиями, восстаниями голодающих, а также вторжениями внешних врагов, которые спешат воспользоваться кризисом. В итоге, численность населения может сократиться в полтора, в два раза — а затем начинается новый демографический цикл. В расчетах по модели он начинается сразу после катастрофы, но в реальности кризисные факторы, такие как войны и восстания, имеют некоторую инерцию, они препятствуют восстановлению экономики, поэтому стабилизация наступает не сразу.

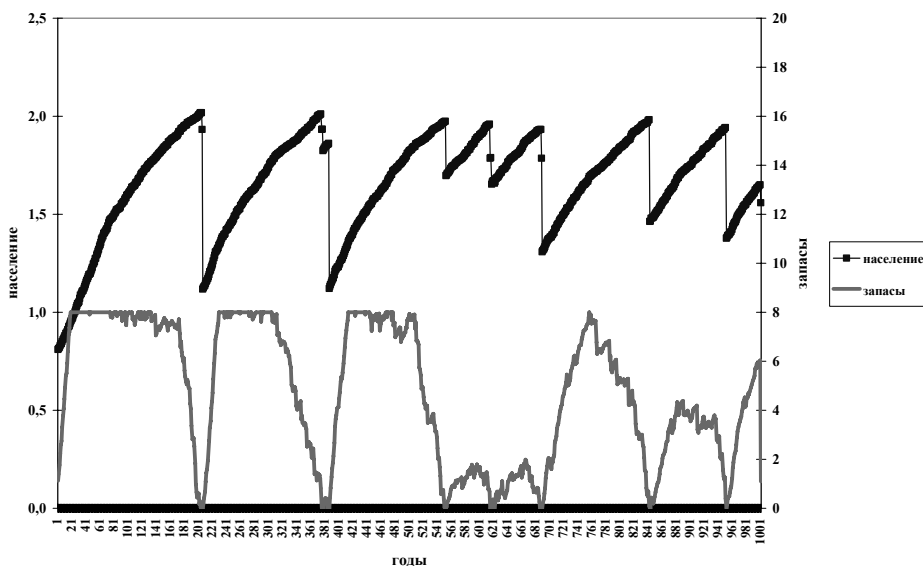

Рис. 6. Пример расчета по модели при $r_m = 1,02$, $p_m = 2$, $a = 2$, $a_1 = 1,2$, $p_1 = 1,05$

Результаты моделирования указывают на принципиально различную демографическую динамику в различные периоды и помогают выделить фазы демографического цикла. Как отмечалось выше, Ф. Симмиан – и вслед за ним многие другие историки – выделял в экономическом цикле фазу роста (фазу А, или повышательную тенденцию) и фазу убывания (фазу В, или понижательную тенденцию). Э. Ле Руа Ладюри на примере Южной Франции дал более подробное описание демографического цикла (Ладюри называл этот цикл «большим аграрным циклом») с выделением четырех фаз⁶¹.

Первая, «предварительная», фаза наступает, после того как голод, войны и эпидемии в конце предыдущего цикла резко уменьшили численность населения, поэтому она характеризуется малой плотностью населения и избытком свободных земель, низкими ценами на продовольствие, относительно высоким уровнем потребления крестьян, низкой земельной рентой.

Вторая, «фаза роста», характеризуется быстрым ростом населения, интенсивной распашкой свободных земель, но вместе с тем уменьшением и дроблением крестьянских хозяйств, ростом цен, падением реальной заработной платы и нарастанием социальной напряженности. «Мальтус и Рикардожимают друг другу руки», – писал Ле Руа Ладюри, отмечая полное совпадение наблюдавшихся в Лангедоке явлений с мальтузианско-рикардианской теорией⁶².

Третья, «фаза зрелости», характеризуется замедлением или прекращением роста населения, крестьянским малоземельем, ростом ренты и налогов, высокими ценами на продовольствие, низким уровнем реальной заработной платы и потребления, войнами. «Эта зрелость не является счастливой», – отмечал Ле Руа Ладюри⁶³.

61. Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1990. P. 346–370.

62. Ibid. P. 347.

63. Ibid. P. 349.

Наконец, четвертая фаза — это «фаза упадка», характеризующаяся голодом, эпидемиями, сокращением численности населения.

Легко заметить, что фазы Ле Руа Ладюри в основном повторяют те признаки, которые соответствуют фазам цикла в мальтузианско-рикардианской теории. В то же время эта характеристика различных фаз сделана французским исследователем на основе изучения аграрной истории Южной Франции и не отражает многообразия явлений, наблюдавшихся в других странах. Более подробное перечисление признаков перенаселения в различных странах имеется в цитированной ранее монографии Д. Григга, это в первую очередь: крестьянское малоземелье, дробление хозяйств, рост продовольственных цен и арендной платы, падение потребления до прожиточного минимума, рост смертности, задержки браков и ограничение рождаемости, нищета, бандитизм, эмиграция (постоянная и сезонная), большое количество безземельных, интенсификация земледелия, ирригация и мелиорация, переход безземельных крестьян к занятиям ремеслом и торговлей и в связи с этим — переселение сельских жителей в города, рост городов, который, однако не решает проблемы перенаселения⁶⁴. Еще одно важное следствие перенаселения — это рост крупного землевладения и усиление социальной дифференциации; наличие устойчивой связи между плотностью населения и уровнем дифференциации была доказана А.В. Коротаевым на основе статистического критерия «хи-квадрат»⁶⁵. А.В. Коротаев указал также на наличие статистической связи между плотностью населения и уровнем централизации⁶⁶.

Главный признак перенаселения — и его определение по Мальтусу — это падение потребления до минимального

64. Grigg D. Op. cit. P. 20-28. 39, 76–78.

65. Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классовобразования и политогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М, 1991. С. 151.

66. Там же. С. 152.

уровня⁶⁷. Некоторые другие из перечисленных здесь признаков являются часто встречающимися, но не обязательными следствиями перенаселения. Например, задержка браков и ограничение рождаемости были характерны для Европы, но не характерны, в частности, для Китая (там практиковался инфантицид)⁶⁸.

Еще один упоминаемый Э. Ле Руа Ладури признак перенаселения, «замедление или прекращение роста населения», теоретически связан с построениями Мальтуса, но не учитывает поднимаемого критиками неомальтузианства вопроса об эластичности экологической ниши. В известной работе Э. Босеруп⁶⁹ на африканских материалах было показано, что перенаселение стимулирует попытки увеличения продуктивности земледелия и давление населения способно до определенного предела раздвигать стенки экологической ниши. Благодаря этому рост населения может происходить и в условиях перенаселения — но он ограничен увеличением продуктивности земледелия, т.е. население увеличивается в той степени, в которой возрастает урожайность, но никак не более. Эта ситуация иллюстрируется данными рис. 7, показывающими динамику населения и потребления в странах Африки южнее Сахары во второй половине XX в. Как видно из данных графика, кривая потребления в этот период шла вдоль асимптоты, соответствующей минимальному уровню потребления, но численность населения росла настолько, насколько позволял рост продуктивности земледелия.

67. Grigg D. Op. cit. P. 10.

68. Chao K. Op. cit. P. 8.

69. Фортунатов А. Урожай ржи на крестьянских землях Казанской губернии. Б. м. 1889; Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth. The Economics of Agrarian Change Under Population Pressure. L., 1965. См. также: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 163.

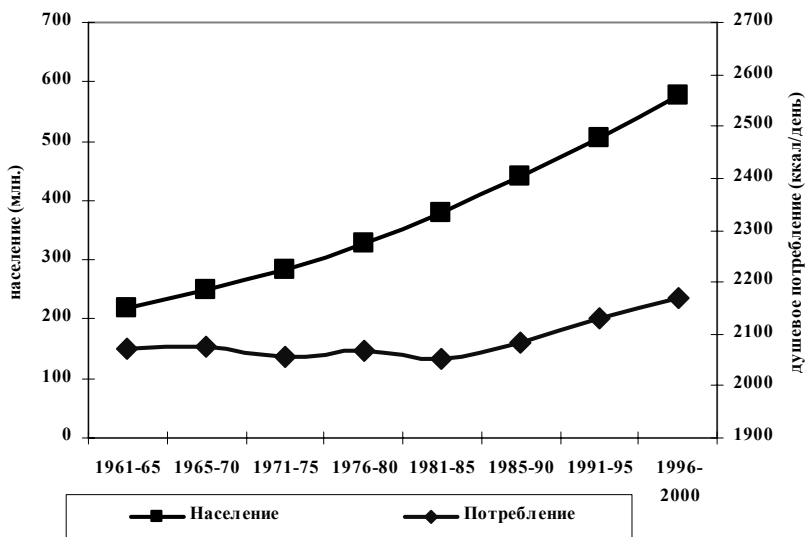

Рис. 7. Динамика населения и потребления в странах Африки южнее Сахары (график построен по информации базы данных FAOSTAT // <http://apps.fao.org/faostat/>)

Что касается последней фазы цикла, главный признак которой – уменьшение численности населения, то эта тема наиболее подробно разрабатывалась Э. Лабруссом, который доказывал, что череда французских революций – революции 1789, 1830 и 1848 г. – является завершающей фазой третьего европейского экономического цикла⁷⁰. Тезис о том, что завершением цикла часто является социальная революция на многочисленных исторических примерах был проиллюстрирован в нашей, совместной с акад. В.В. Алексеевым, статье, где приведены также и некоторые статистические данные о связи уровня потребления и социальных революций⁷¹. В последней работе А.В. Коротаева, А.С. Малкова и Д.А. Халтуриной на мате-

70. Labrousse E. 1848–1830–1789. Comment naissent les revolutions//Actes du congres historique du centenaire de la revolution de 1848. Paris, 1848. P. 1–29; Laubrousse E. The Crisis in the French Economy at the End of the Old Regime//The Economic Origins of the French Revolution. Boston, 1958. P. 59–92.

71. Алексеев В.В., Нефедов С.А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма// Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 70–73.

риале стран Африки южнее Сахары было доказано существование значимой статистической связи между уровнем потребления и происходящими в различных странах политическими переворотами, массовыми беспорядками и гражданскими войнами. В частности, установлено, что при понижении потребления ниже 1850 ккал на трехлетний срок стабильность сохранялась только в 17% известных случаев, в 50% случаев имели место массовые беспорядки и политические перевороты, в 33% случаев голод порождал гражданскую войну⁷².

Перенаселение и падение потребления приводили к распространению массового недовольства и высокой социальной напряженности. В то же время, как отмечалось выше, большую роль играли случайные факторы, такие как неурожай и эпидемии. Эти сами по себе, хотя и случайные, но достаточно обычные для традиционного общества явления в условиях постоянного недоедания и отсутствия запасов продовольствия приобретали драматические масштабы. Участвовавшие голодные годы вызывали городские бунты и крестьянские восстания, особенно характерные для истории Востока⁷³. Военное разорение при подавлении восстаний, в свою очередь, влекло за собой голод и эпидемии; внешние враги не упускали случая воспользоваться кризисом для вторжения, и события могли принять характер глобальной катастрофы — примером может служить катастрофа, произошедшая в Китае в середине XVII в.

Многими исследованиями отмечался факт наличия связи между перенаселением и автократией⁷⁴. Более того, существует мнение, что масштабный социальный кризис, сопровождаемый голодом и войной (и характерный для последней фазы демографического цикла), порождает автократию в ее крайней форме — в форме этатистского госу-

72. Коротав А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М, 2005. С. 287.

73. Chao K. Op. cit. P. 8.

74. См., например: Соби А. Общая теория населения. Т. 1. М., 1977. С. 6.

дарства. Наиболее аргументировано эта точка изложена Питиримом Сорокиным⁷⁵. П. Сорокин определяет «идеальное» этатистское общество как общество, в котором государство регулирует все стороны жизни граждан, которое характеризуется «деспотической» властью и отсутствием (или ограничением) частной собственности на средства производства (в аграрном обществе — главным образом, на землю)⁷⁶. «Голод — отец этатизма, — писал П. Сорокин, — война — его мать»⁷⁷. Многие историки, вслед за Р. Мунье, связывают торжество европейского абсолютизма с кризисом XVII в.⁷⁸. Социальные революции и реформы были достаточно обычным исходом демографических циклов: в 18 из 24 исследованных циклов в странах Востока, которые начались в условиях господства частной собственности на землю, революции или реформы в последних фазах цикла привели к установлению этатистской монархии⁷⁹. Эти социальные перевороты сопровождались либо радикальным ограничением крупного землевладения, либо его полной ликвидацией вплоть до установления государственной собственности на землю.

Экосоциальный кризис часто вызывает разрушение государства и может стать началом длительного периода социальной нестабильности, в течение которого периодически возобновляющиеся внутренние и внешние войны сопровождаются разрухой, голодом и эпидемиями. Такое состояние посткризисной депрессии препятствует возобновлению роста населения в следующем демографическом цикле, и этот период называют *интерциклом*. П. Турчин, на материале Англии, Китая и Римской империи, установил наличие тесной статистической связи между коэффициентом естественного прироста и индексом социальной

75. Сорокин П.А. Голод как фактор. М., 2003.

76. Там же. С. 410–412.

77. Там же. С. 420. Прим. 10.

78. Mousnier R. Op. cit. P. 236; Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 109.

79. Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. М., 2008. С. 746.

нестабильности⁸⁰. Таким образом, можно утверждать, что задержка в возобновлении роста населения (несмотря на повышение потребления после кризиса) непосредственно связана с внутренними и внешними войнами, мятежами и восстаниями, которые являются более или менее отдаленными последствиями экосоциального кризиса, нарушившего стабильное состояние государства.

Интерцикл между двумя циклами наблюдается не всегда, но в некоторых случаях он может быть достаточно продолжительным, так, например, после кризиса времен Черной смерти в Англии и Франции интерцикл продолжался около столетия. В интерциклах большой длительности динамика населения зависит от интенсивности внешних войн и внутренних конфликтов. Так, например, во Франции, после экосоциального кризиса 1340–1360-х годов наступил период успокоения, в течение которого понесенные страной потери были частично компенсированы. Однако нарушенная кризисом государственная и общественная стабильность не была вполне восстановлена, и в 1410–1430-х годах разразился новый кризис, оказавшийся в некоторых областях более губительным, чем первый⁸¹.

Возвращаясь к результатам моделирования демографического цикла, можно отметить принципиально различную демографическую динамику в трех последовательных периодах. В первом периоде наблюдается достаточно быстрый и устойчивый рост населения, причем эта устойчивость достигается за счет наличия в крестьянских хозяйствах запасов хлеба, позволяющих сгладить последствия неурожая. Во втором периоде наступившее малоземелье приводит к тому, что крестьяне живут «со дня на день», у них, как правило, отсутствуют запасы хлеба, поэтому неурожай приводит к частому голоду, рост населения становится неустойчивым и замедляется или даже прекращается, в

80. *Turchin P.* Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States // *Journal of Anthropological and Related Sciences*. 2005. № 1.

81. *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 138–139.

годы голода смертность превосходит рождаемость и кривая численности населения «вибрирует». Рано или поздно случайные факторы, неурожаи и войны, нарушают это неустойчивое равновесие и начинается третий период — это период демографической катастрофы, когда к голоду присоединяются эпидемии и междоусобные войны, а население резко уменьшается. Длительность этого периода зависит от интенсивности междоусобных войн.

Можно заметить, что фазы демографического цикла, выделяемые в результате моделирования, в целом совпадают с фазами, отмечаемыми Э. Ле Руа Ладюри, за исключением его первой («предварительной») фазы, которая оказывается излишней. Объединяя результаты моделирования с имеющимися в литературе данными, можно предложить следующую характеристику цикла с разбиением на три фазы.

Первая фаза цикла — это *период внутренней колонизации* (или *фаза роста*). Для этого периода характерны наличие свободных земель, быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно высокий (но постепенно понижающийся) уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества.

После исчерпания ресурсов свободных земель наступает вторая фаза, *период сжатия* — этот термин предложен известным турецким историком Халилом Инальчином⁸². Для фазы сжатия характерны отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения, ограниченность демографического роста ростом урожайности, высокий уровень

82. Inalcik H. The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1913. Cambridge, 1993. P. 28.

земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях и стихийных бедствиях, стихийное ограничение рождаемости, разорение крестьян-собственников, распространение ростовщичества и аренды, высокие цены на землю, рост крупного землевладения, уход разоренных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, тенденция к увеличению централизации и установлению этактистской монархии, попытки увеличения продуктивности земель, в частности с помощью ирригации и мелиорации, поощрительная политика в области колонизации и эмиграции, ввоз продовольствия из других стран (или районов), внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления. Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису. «Экономика предельно напряженная», — писал П. Шоню⁸³.

Третья фаза демографического цикла — это **фаза экосоциального кризиса**; для этого периода характерны голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этактистскую монархию.

83. Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 218.

После третьей фазы в некоторых случаях имеет место период депрессии, или интерцикл, — период социальной нестабильности, внутренних конфликтов и внешних войн, в течение которого могут наблюдаться повторные экосоциальные кризисы. Новый демографический цикл начинается лишь после того как прекращаются войны и восстанавливается государственная и общественная стабильность.

Таким образом, анализ демографических циклов с помощью имитационной модели, в совокупности с данными источников и исследованиями специалистов, позволяет выделить более 50 характерных признаков различных фаз демографического цикла. Фиксируя эти признаки в реальной истории конкретной страны, мы можем во многих случаях выделять демографические циклы даже при отсутствии данных о численности населения. Этот метод аналогичен методу распознавания образов в математике, когда по частным признакам определяется принадлежность исследуемого объекта или явления к определенному классу. Как отмечалось выше, он впервые был использован М. Постаном, который на основании данных о ценах, ренте и реальной заработной платы сделал вывод о резком падении численности населения Англии в середине XIV в. Использование этого метода позволило автору⁸⁴ выделить большое число демографических циклов в истории стран Востока. Необходимо учитывать, что выделение каждого цикла потребовало значительной работы по анализу социально-экономической истории конкретной страны, и мы не приводим детальных обоснований, которые имеются в монографии, посвященной этой теме⁸⁵. В отдельных случаях удалось построить кривые потребления, которые, согласно теории, являются «зеркальным отражением» для кривых численности населения (см. рис. 1); в других случаях вывод делался по совокупности описанных выше признаков. Наконец, существуют случаи, когда имеющая-

84. Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. М., 2008.

85. Там же.

ся информация оказалась недостаточной для конкретных выводов. Однако общий вывод проведенного исследования заключается в том, что исторический процесс развивается в ритме демографических циклов – вывод, который для Европы был обоснован В. Абелем и М. Постаном, и который Ф. Бродель гипотетически распространял на весь мир.

Еще один результат проведенного исследования – это обоснование новой методологии компаративного исследования. Зная характерные признаки различных фаз, мы имеет возможность в случае недостатка данных с определенной степенью вероятности интерполировать исторический процесс и, таким образом, разрешать загадки гибели древних цивилизаций. Эта методология, как показывает уже цитированная работа А.В. Коротаева, А.С. Малкова и Д.А. Халтуриной, позволяет строить прогнозы и для перенаселенных развивающихся стран третьего мира. Эти прогнозы, конечно, во многих случаях достаточно очевидны, и примерно такие же выводы делались опытными экономистами и ранее (можно вспомнить хотя бы Дж. Кейнса). Однако наличие разработанной на многочисленных исторических примерах теории, конечно, увеличивает надежность социальных и экономических предсказаний.

Ю.П. Бокарев,
д.и.н., проф., заведующий сектором
экономической истории
Института экономики РАН

Виртуально-
пространственный подход
в экономической
компаративистике

В настоящей работе виртуально-пространственный подход рассматривается в качестве возможной методологической основы компаративной экономики. Предлагается общая модель экономического пространства. Доказывается его взаимосвязь, но не совпадение с географическим пространством. Вводится обобщенная количественная мера расстояния в таком пространстве (мера близости). Предпринимается попытка решить проблемы различия шкал и несопоставимости измерений экономических показателей. На основе разработанной модели экономического пространства предлагается теоретико-методологический аппарат компаративных исследований, сущность которого состоит в выявлении основополагающих осей экономического пространства, имеющих общий центр пересечения. Это позволяет определить место стран и интегрированных регионов в системе координат экономического пространства, а также потенциал развития и взаимодействия стран, обусловленный особенностями их положения в экономическом пространстве.

Пространство в исследованиях экономики

В 1755 г. был опубликован «Очерк о природе торговли вообще» (*Essai sur la nature du commerce en général*) Ричарда Кантильона (Richard Cantillon), через двадцать один год после его смерти. В первой части очерка Кантильон опи-

сал различия в организации территории в зависимости от характера экономической деятельности. Он отмечал также влияние крупных городов на экономику расположенных рядом поселков и деревень. Кантильон представлял экономику как пространственную систему. Он широко использовал для ее описания такие понятия, как «расстояние» и «площадь»¹.

Труд Кантильона был известен видному физиократу Виктору Рикети маркизу де Мирабо (Victor Riqueti, marquis de Mirabeau), а также Адаму Смиту и его последователям. Однако в учении физиократов, а также в английской классической политической экономии категория пространства отсутствует.

В первой четверти XIX в. возникла немецкая школа штандорта, видными представителями которой были Иоганн Генрих фон Тюнен, Вильгельм Лаунхардт, Альфред Вебер, Август Леш и др.². Их основные усилия были направлены на изучение формирования экономических зон в зависимости от их расстояния от центра, оптимального размещения промышленного производства и рыночных мест. Это, конечно, были практически важные, но частные проблемы, не ставящие задачу изучения экономического пространства в целом.

Только в учении Вальтера Кристаллера содержится более широкое описание экономического пространства как стремящейся к оптимальности структуры размещения экономических объектов и населенных пунктов, зоны влияния которых в идеальном случае принимают форму шестигранников, что обеспечивает оптимальный доступ

1. *Cantillon Richard*. Essai sur la nature du commerce en general. London: Fletcher Cycles, 1755. P. 9–23.

2. Тюнен И. фон. Изолированное государство / Пер. с нем. М.: Экономическая жизнь, 1926; *Launhardt Carl Wilhelm Friedrich*. Die Bestimmung des Zweckmässigsten Standortes einer Gewerblichen Anlage, Zeitschrift des Vereines Deutscher Ingenieure, 1882; Вебер Альфред. О теории размещении промышленности. Т. 1. Чистая теория размещения / Пер. с нем. М., 1926; Леш А. Географическое размещение хозяйства / Пер. с нем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.

потребителей к местам сбыта, максимально быстрое перемещение между городами и эффективное экономическое управление. Экономическое пространство обладает определенной иерархией, число уровней которой связано с экономическим развитием территории. В основе иерархии лежит крупный населенный пункт, предоставляющий широкий спектр товаров и услуг. В шестигранник влияния этого пункта входят шестигранники более мелких населенных пунктов, предоставляющих потребителям все более ограниченное количество товаров и услуг³.

Многие работы школы штандорта были опубликованы в СССР в 1920-е годы, где существовали свои исследователи пространственной экономики. В 1918 г. экономист Г.И. Баскин изучал зависимость типов организации крестьянских хозяйств от их расстояния до рынка сбыта продукции⁴. В ходе разработки в 1920 г. плана ГОЭЛРО изучались проблемы оптимального размещения локальных энергетических, транспортных и промышленных систем, а также проводилась корректировка сетки административно-территориального деления страны для более полного учета их экономической специфики⁵.

В начале 1920-х годов С.В. Бернштейн-Коганом была разработана теория экономического ландшафта и рационального размещения промышленности. Она привлекла к себе большое количество сторонников, включая А.А. Рыбникова, Н.Н. Баранского, А.А. Григорьева, В.В. Покшишевского и др., что привело к образованию российской районной школы. Базовым понятием районной школы было территориальное

3. *Christaller Walter*. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Jena: Gustav Fischer, 1933.

4. *Баскин Г.И.* Приложение дистанционного принципа к группировке бюджетов крестьянского хозяйства. Самара: Тип. Красный Октябрь, 1925; Он же. Состояние производительных сил и тенденции их развития в разных отраслях народного хозяйства Самарской губернии // Сборник избранных трудов Г.И. Баскина по Самарской губернии. Вып. 2. Самара, 1925. С. 20–28; Он же. Продукция различных отраслей местного крестьянского хозяйства // Там же. С. 34–39.

5. План электрификации РСФСР. Доклад 8-му Съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М: Гостехиздат, 1920.

разделение труда, в рамках которого субъектами специализации выступают страны и отдельные регионы.

В 1928 г. на Географическом факультете МГУ Баранским была основана кафедра экономической географии СССР, которая стала центром районной школы на протяжении последующих лет. Поэтому Баранского многие считают создателем районной школы.

Понятийный аппарат районной школы был расширен Н.Н. Колосовским в 1940–1950-х годах. Им, в частности, были введены понятия энерго-производственного цикла (совокупность производств, объединенных связями по сырью и энергии), территориально-производственного комплекса (совокупность производств, от размещения которых на одной площадке достигается дополнительный экономический эффект), разработана теория экономического районирования. Наиболее подробную понятийную базу районная школа выработала для географии промышленности.

Своего расцвета районная школа достигла в 1958–1965 г., когда в рамках семилетнего плана осуществлялись грандиозные промышленные проекты. Ее представители работали в органах государственного планирования, занимались проектированием промышленных предприятий и их инфраструктуры, включая новые города и коммуникации. В 1970-е годы, в связи с переходом от территориального принципа управления экономикой к отраслевому, а также с ростом социальных проблем, методологический аппарат, которым оперировала советская районная школа, становился все менее востребованным. Научное направление распалось на ряд отраслевых блоков, представители которых постепенно отошли от пространственной экономики.

Схожая судьба в тот же период постигла англо-американскую школу пространственного анализа, которая оказывала заметное влияние на советскую экономическую географию в 1960–1970-е годы. Толчком к возникновению этой школы была «количественная революция» середины 1950-х годов в науке вообще и в географии в

частности, на основе развития вычислительной техники. Философско-методологической основой «количественной революции» был отвергающей метафизику логический позитивизм — учение об эмпирической, объективной и верифицируемой науке, изучающей с помощью эксперимента и логики законы развития природы и общества⁶. Исследователи школы пространственного анализа ввели в научный оборот богатый фактический материал. Расцвет школы пришелся на период экономического подъема и развития мировой экономики 1950–1960-х годов.

Первым географом, выступившим с позиций количественной революции, был Фред Шеффер (Fred Schaefer)⁷. В 1953 г. им была написана статья, в которой он подверг критике традиционную описательную географию. Шеффер, однако, не дождался опубликования статьи, и первым пропагандистом нового направления стал Уильям Гаррисон (William Harrison). Однако доминировать в экономической географии новая концепция стала после выхода в 1956 и 1960 г. первых работ Уолтера Айзарда (Walter Isard), представлявших новую методологию географического исследования, основанную на математическом моделировании размещения населения, промышленности, формирования бытовых зон и транспортных сетей⁸.

С начала 1960-х годов школа пространственного анализа стала преобладающим направлением в экономической географии. Особенно популярным был анализ транспортных сетей и систем расселения. Однако результаты исследований оказались малопродуктивными и с конца 1960-х годов научное направление стало угасать. В то же время появились работы теоретико-методологического плана,

-
6. Карнан Рудольф. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд. иностр. литературы, 1959.
 7. Sheffer F. Exceptionalism in Geography: A Methodological Examination, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 43. 1953.
 8. Isard W. *Location and Space-economy; a General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure*. Cambridge: Published jointly by the Technology Press of Massachusetts Institute of Technology and Wiley, 1956.

обобщающие накопленный опыт и пытающиеся создать на его основе новую научную парадигму. Все авторы сходились в том, что географические явления, как природные, так и социально-экономические, имеют свои законы развития, которые могут быть выражены через математические (геометрические) зависимости. Основными теоретиками школы пространственного анализа были Вильям Бунге, Питер Хаггет, Ричард Чорли и Дэвид Харви⁹.

С начала 1970-х годов исследования пространственных закономерностей численными методами постепенно сходят на нет. Это совпало с общим кризисом математического направления в социальных исследованиях. Уже в 1967 г. в книге «Модели в географии», обобщившей опыт предшествующих лет, признается, что формальные методы анализа не дают необходимого результата, так как экономические процессы во многом обусловлены субъективными и историческими причинами¹⁰. На самом деле причиной кризиса было несоответствие используемого математического аппарата характеру изучаемых явлений.

Какое-то время школа пространственного анализа продолжала существовать в рамках «региональной науки» (направление и термин были сформулированы Айзардом)¹¹. Успех этой «науки» зависел от объединения физической и экономической географии, чем занимались Питер Хаггет и Ричард Чорли¹². Их попытка оказалась малоуспешной. В настоящее время как единое целое «региональная наука» уже не существует. Ее лидеры разошлись по разным направлениям¹³.

9. *Bunge W. Theoretical Geography. Seattle, 1962; Haggett P., Chorley R. Network Analysis in Geography. Oxford, 1969; Harvey David. Explanation in Geography. Oxford, 1969.*

10. *Models in geography. Peter Haggett & Richard Chorley, ed. Oxford, 1967.*

11. *Izard W. Methods of Regional Analysis; an Introduction to Regional Science. Cambridge: Published jointly by the Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology and Wiley, New York, 1960.*

12. *Haggett Peter. Geography: a modern synthesis. London, 1972.*

13. *Ullman E. The Economic Base of American Cities (with Michael Dacey and Harold Brodsky). Seattle: University of Washington Press, 1969.*

Экономисты также не стояли в стороне от количественного направления пространственного анализа. В 1950 г. Торстен Хегерстранд (Torsten Hägerstrand) создал теорию «диффузии» для моделирования распространения инноваций как пространственного процесса. Поскольку первые работы Хегерстранда были опубликованы на шведском языке, его идеи получили мировую известность лишь в 1960-е годы¹⁴. Вообще термин «диффузия» обозначает взаимное проникновение соприкасающихся веществ вследствие теплового движения частиц. Распространение инноваций происходит не по типу диффузии, и потому математический аппарат модели Хегерстранда не решал проблемы внедрения инноваций.

Более широкий подход к изучению роли пространства в экономике предпринял Франсуа Перру (François Perroux). Он считал экономическое пространство поляризованным, а неравенство регионов – основой экономического развития. В результате неравенства возникают доминирующие и подчиненные экономические субъекты. Если ранее считалось, что каждая фирма действует самостоятельно, руководствуясь только уровнем единой цены на рынке ее продукции и высотой своих издержек, то, согласно Ф. Перру, попав в поляризованное пространство, фирма должна при принятии решений учесть прямое и косвенное принуждение, исходящее от доминирующей единицы¹⁵.

По мнению Ф. Перру, в современной экономике исчезла конкуренция. Ее место заняли «полюса роста», сосредоточивающие «пропульсивные» (ведущие, динамично развивающиеся) отрасли. Экономическое развитие берет начало в «полюсах роста» и оттуда распространяется на примыкающий к ним «хинтерланд»¹⁶.

14. Hägerstrand T. Innovation diffusion as a spatial process. Chicago: University of Chicago Press, 1968.

15. Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly Journal of Economics. 1950. V. 64.

16. Перру Ф. Экономика XX века/Пер. с франц. М., 1961.

Была предпринята попытка использовать эту теорию в практике развивающихся стран. Однако она не дала положительных результатов. Слишком велико различие между создаваемым искусственно «полюсом роста» и укладом экономической жизни в хинтерланде.

В конце 1960-х годов Джон Фридман (John Freedman) использовал идею поляризованности экономического пространства в своей теории «центр – периферия». Согласно его представлению, всякая экономика представляет собой связанные воедино и взаимодействующие между собой зоны-антиподы. Это центр – место зарождения технологических и социальных нововведений; и периферия, характеризующаяся архаичностью, отсталостью, возможностями легкой эксплуатации со стороны центра. Такое деление на зоны проявляется на всех уровнях: глобальном, страновом, региональном. Периферия неоднородна – она имеет внутреннюю (ближнюю) зону, которая тесно связана с центром и получает непосредственно от него импульсы к развитию, и внешнюю (дальнюю) зону, на которую центр не оказывает практически никакого влияния¹⁷.

Доминирование центра над периферией обеспечивается постоянной инновационной деятельностью: в центре наиболее интенсивны контакты, доступ к информации. Кроме агломерационного эффекта, экономическое доминирование центра обеспечивается за счет выкачивания ресурсов из периферийных районов, что усиливает и закрепляет различия между ними. Отрасли, не соответствующие более статусу центра (например, старые отрасли промышленности), вытесняются на ближнюю, а затем и дальнюю периферию. Этот процесс внедрения устаревших нововведений хотя и способствует определенному развитию периферии, но и закрепляет ее подчиненное положение по отношению к центру.

17. *Friedmann John. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela – MIT Press, 1966.*

Центр и периферия на любом территориальном уровне связаны между собой потоками информации, капитала, товаров, рабочей силы. Несмотря на постоянное подтягивание центром периферии, разрыв между ними сохраняется. Контрасты «центр – периферия» дают импульс возникновению и воспроизводству территориального неравенства, которое усиливается неравномерностью экономического роста.

Западная Европа была очагом начальной индустриализации. В течение длительного периода европейские колониальные державы сосредоточивали основную часть мирового экономического потенциала, внедряли новые технологии и формы организации труда. Развитие промышленности происходило как вширь, за счет возникновения новых центров в аграрных районах, так и вглубь, за счет изменения набора ведущих отраслей и их реорганизации в старых промышленных районах. Метрополии координировали процесс освоения мирового пространства, контролировали основные транспортные пути. Европа, первой начавшая индустриализацию, превратилась в глобальный экономический и политический центр.

С XV в. мировой экономический и финансовый центр мигрировал по Европе: сначала он находился в Генуе, потом в Амстердаме. Позднее европейские торговые пути стали смыкаться в Антверпене, и Голландия стала как бы его предместьем, а весь остальной мир – его большим пригородом. Усиление Великобритании вследствие промышленного переворота и эксплуатации колоний передало пальму первенства Лондону.

Позднее конкуренцию Западной Европе составили США и Япония. В начале XX в. роль мирового лидера перешла к Нью-Йорку, затем в Тихоокеанский регион (ось Лос-Анджелес – Токио). Моноцентрическая система трансформировалась в полицентрическую, причем новые центры, не обремененные устаревшими основными фон-

дами, сложившейся системой расселения и другими факторами инерции, стали опережать Европу.

Региональную периферию в экономически развитых странах составляют ресурсные окраины, районы концентрации национальных меньшинств, зоны новой индустриализации, депрессивные старопромышленные и агроиндустриальные районы с менее благоприятными природными условиями. Для всех этих территорий характерны более низкий уровень заработной платы, утечка создаваемой здесь прибавочной стоимости.

В центральных районах экономически развитых стран преобладают структуры, свойственные постиндустриальной стадии развития.

В развивающихся странах эта проблема стоит еще острее. Центр представлен анклавами современной промышленности и плантационного хозяйства, периферия — районами натурального хозяйства, по сути превратившимися во внутренние колонии.

На уровне городов к периферийным районам относятся рабочие кварталы, расположенные неподалеку от морально устаревших индустриальных гигантов, трущобы и гетто.

Дж. Фридман весьма произвольно трактует понятие «центр». Особенно если речь идет о мировых центрах. Едва ли можно говорить о Генуе, Амстердаме, Антверпене и Лондоне как о мировых экономических центрах, утверждать, что в свое время весь мир был пригородом Антверпена. Эти города никогда не контролировали всю мировую торговлю и финансовые потоки, многие важные торговые пути лежали в стороне от них. Просто указанные города какое-то время выделялись среди других городов. Перенесение же мирового экономического центра из Нью-Йорка на линию Лос-Анджелес — Токио является чистой выдумкой Дж. Фридмана.

Крупным недостатком теории Джона Фридмана является то, что она не может объяснить перемещений миро-

вого экономического центра из одних регионов в другие. Зато его теория хорошо объясняет причины сохраняющегося разрыва между центром и периферией.

С теорией Джона Фридмана пересекаются статьи Иммануэля Валлерстайна (Immanuel Wallerstein). Он также оперирует понятиями богатого центра, бедной периферии и промежуточной полупериферии. Правда, Валлерстайн вводит понятие мир-системы, в рамках которой эти три части «стабилизировались примерно к 1640 г.»¹⁸. По его определению, мир-система — это «общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем»¹⁹. По сути дела это то, что принято называть мировой экономикой.

Российской империи Валлерстайн отводит место в составе полупериферии, которое она постепенно теряла, переходя из первых позиций в последние и в конце своего существования скатываясь к периферийным странам. В ходе Второй мировой войны Россия (СССР) восстановила свое положение очень сильного члена полупериферийного сообщества²⁰.

Рассматривая «преобразование феодальной Европы в капиталистический мир-экономику как уникальное событие»²¹, Валлерстайн пишет: «Новые регионы вовлекались в капиталистическую мироэкономику как территориальные общности, иногда суверенные, иногда колонизируемые. Эти вовлечения большей частью выглядели исторически очень драматично, поскольку обычно предполагали ущемление, хотя бы частичное, прежде существовавшей суверенности»²².

18. Валлерстайн Иммануэль. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире/Пер. с англ. СПб: Университетская книга, 2001. С. 38.

19. Там же. С. 24.

20. Там же. С. 51.

21. Там же. С. 69.

22. Там же. С. 70.

Это приводит Валлерстайна к отрицанию стадий экономического развития, которые в разное время проходит каждая страна по мере созревания ее производительных сил. Теория распространения капитализма из Западной Европы не оставляет для этих стадий места.

Считаясь неомарксистом, Валлерстайн широко использует введенные Карлом Марксом категории и понятия. Однако он произвольно изменяет их смысл. Например, капитализм по Валлерстайну — это «полное развитие и преобладание рыночной торговли»²³. В другом месте он утверждает: «Капитализм, таким образом, совершенно точно означает труд как товар»²⁴. Для Валлерстайна в условиях капитализма «классы не являются какой-то неизменной реальностью. Они скорее формируются, консолидируются, дезинтегрируются или распадаются; и они переформируются»²⁵. Антагонистические отношения он переносит из области отношений между классами в сферу отношений между богатыми и бедными странами²⁶. Этот антагонизм привел бы к уничтожению капиталистической мир-экономики, если бы не существовало полупериферии. Она делает «функционирование капиталистической мир-экономики плавным»²⁷.

Несоответствий теории Валлерстайна исторической действительности, современному положению дел и просто элементарной логике так много, что одно перечисление их заняло бы несколько десятков страниц.

Прежде всего его теоретические и исторические построения не согласуются друг с другом. Если мир-экономика — это общность с единой системой разделения труда, то капиталистической мир-экономики в XVII — первой половине XX в. не существовало. Нельзя же отождест-

23. Валлерстайн Иммануэль. Ук. соч. С. 25.

24. Там же. С. 36.

25. Там же. С. 84.

26. Там же. С. 39.

27. Там же. С. 41.

влять ограбление колоний с «разделением труда». Сами западные страны не составляли единой капиталистической мир-экономики, поскольку стремились не к специализации в рамках мирового разделения труда, а к диверсификации своей национальной экономики. Да и капитализма, в трактовке Валлерстайна, как «полного развития и преобладания рыночной торговли», тоже не было. Страны придерживались меркантилистской, а затем протекционистской политики, широко использовали таможенные барьеры.

Победа СССР над гитлеровской Германией и ее сателлитами заставила западные страны сплотиться. Появился центр объединения западных стран – G7, проводники их политики в мировом масштабе – МБ и МВФ, военная организация НАТО и, наконец, торговые дирижеры ГАТТ и ВТО. Такая институционализация больше соответствует перераспределительной, чем либеральной экономике.

Западной мир-системе противостояла социалистическая мир-система. То есть возникло биполярное мировое устройство с сильными лидерами, влиявшими на внешнюю и внутреннюю политику союзников, экономическими объединениями и военными блоками. Экономические связи между двумя полюсами оставались чрезвычайно слабыми, а следовательно, они не составляли единую систему разделения труда, не входили в нее в качестве полупериферии. В то же время гонка вооружений способствовала быстрому научно-техническому прогрессу. Она привела к овладению ядерной энергией, прорыву человека в космос, развитию микроэлектроники, лазерной техники и др.

Существовал и третий мир из освободившихся от колониальной зависимости стран, за влияние в котором боролись капиталистическая и социалистическая системы. Это привело к заметному экономическому прогрессу и повышению уровня жизни развивающихся стран. Благодаря соперничеству между двумя системами начался стремительный взлет Юго-Восточной Азии и Китая.

Капитуляция советского руководства перед западными странами, конфронтация между Б.Н. Ельциным и М.С. Горбачевым, утверждение у власти сторонников неоллиберализма привели к ликвидации СССР и экономической деградации России и бывших союзных республик. Однако это не было торжеством мир-капиталистической системы. Напротив, это выдвинуло на первый план внутренние противоречия этой системы, ускорило ее кризис, обострившийся в 2007 г. и продолжающийся по сей день.

Главная ошибка Валлерстайна заключается в том, что он использует систему категорий, созданных в XIX в. для понимания социальных и экономических явлений, происходивших тогда внутри развитых стран, для описания современных явлений глобального масштаба, требующих иной системы категорий. В результате ему приходится вкладывать в старые категории новый смысл, что противоречит их исходному значению, но не способствует лучшему пониманию действительности.

В нашей стране также существуют попытки построения пространственной модели экономики. Наиболее интересна в этом плане гексагональная модель А.И. Неклессы, где для понимания современной мировой структуры используется геометрическая конструкция. Это позволило показать слияние политики с экономикой в современном мире, отражающее «геоэкономические интегрии» — комплексы экономической деятельности (финансово-правовые технологии, высокие технологии, промышленная деятельность, производство сырья и т.д.), связанные по преимуществу с той или иной группой государств, с тем или иным географическим регионом.

Ключевую матрицу выстраиваемого в соответствии с данным подходом геоэкономического миропорядка образуют:

- а) четыре географически локализуемых пространства: североатлантический Запад, связанный с производством высокотехнологичных товаров и услуг; промышленный

Новый Восток, расположенный преимущественно в районе Большого тихоокеанского кольца; сырьевой Юг, с определенной долей условности локализуемый в области «индоокеанской дуги»; и наименее определенное в геоэкономическом отношении пространство «сухопутного океана» северной Евразии;

б) два геоэкономических пространства, не имеющие жесткой географической локализации: транснациональный Квази-Север, генетически происходящий из североатлантического региона и связанный с финансово-правовым регулированием глобальной экономики; и архипелаг Глубокого Юга — «мировой андеграунд, деструктивная экономика которого основана на хищническом разграблении ресурсов цивилизации».

Главенствующее положение в геоэкономическом универсуме занимает в настоящее время «штабная экономика» Нового Севера, основанная на стратегическом консенсусе североатлантического и транснационального блоков в отношении путей и методов перераспределения мирового дохода, собирания глобальной «квазиенты». Геоэкономическим инструментарием для достижения подобных целей являются такие глобальные финансово-правовые технологии, как мировая резервная валюта, глобальный долг, программы структурной адаптации и финансовой стабилизации, «вашингтонский консенсус», формирующаяся система управления национальными и региональными рисками, а в перспективе — глобальная эмиссионно-налоговая система²⁸.

Пытаясь определить место России в этом гексогональном мироустройстве, Неклесса утверждает, что «привычная промышленная модель развития страны, предполагающая поддержание весьма широкого спектра индустриального производства, судя по всему, оказывается все менее реальной. В условиях открытого национального рынка подобная политика неперспективна хотя бы в силу северного и

28. Неклесса Александр. Россия в шестиграннике // Эксперт-Урал. 2004. № 11 (138).

внутриконтинентального положения российского государства».

В сырьевом секторе положение также не простое. По мнению Неклессы, «Россия уже не располагает всей гаммой руд и металлов... В нефтяной отрасли разрабатываются порядка 70% разведанных месторождений, причем в стадии падающей добычи. Себестоимость российской нефти существенно превышает аналогичный показатель стран Юга. Кроме того, велика изношенность фондов».

Что же предлагает Неклесса? «Красная нить непростого маршрута России – творческий гений, перманентная нестандартность, столь упорно прорывающаяся на протяжении всей ее бурной истории... Экономическая деятельность в XX веке основывалась на освоении инновационных пространств: несколько внушительных инновационных рывков сделано в начале века (электричество, двигатель внутреннего сгорания, новые материалы, средства коммуникации) и в его середине (ядерная энергетика, военные разработки, космическая промышленность, компьютерная революция)».

Однако инновационная волна после крушения СССР на Неклессу «производит странное впечатление. Несмотря на видимый расцвет информационных и финансово-экономических технологий, инновационный импульс к концу столетия не возрастает. Он, скорее, затухает: фундаментальные открытия сменяются и размываются эффективной, но поверхностной рационализацией». Научно-техническая революция к концу XX в., по мнению Неклессы, оказалась мифом.

В такой ситуации, по мнению Неклессы, у России появляется интересная перспектива, историческое пространство для реализации масштабного национального инновационного проекта: «у мира есть объективный запрос на то, что, в сущности, составляет ее специфику»²⁹.

29. Неклесса Александр. Россия в шестиграннике // Эксперт-Урал. 2004. № 11 (138).

- Но в таком случае возникает целый ряд вопросов.
1. Если страны «Нового Севера» эффективно контролируют пути и методы перераспределения мирового дохода, сбора глобальной «квазиренды», то допустят ли они инновационный прорыв России, угрожающий их положению в современном мироустройстве? А возможностей поставить выскочку на место у этих стран достаточно.
 2. Нуждается ли предпринимательский слой России, выросший на экспорте углеводородов, в инновационном прорыве или он продолжит экспортировать остатки ресурсов страны, перемещая капиталы в страны «Нового Севера», интегрируясь с их деловой элитой?
 3. Инновационный прорыв возникает не на пустом месте, а на основе созревшей для этого экономики. Способна ли российская морально и физически устаревшая экономика к инновационному развитию?
 4. Существует ли действительно социальный заказ на прорывную, фундаментальную инноватику? Не является ли замедление научно-технического прогресса следствием уничтожения биполярного мироустройства и современные мелкие шаги в инновационном развитии оптимальны для сохранения позиций «Нового Севера»?

Гексогональная модель Неклессы – это скорее образ, чем строгая модель, интуитивное озарение, чем тщательно разработанная методология и методика. Поэтому в его рассуждениях, наряду с реальными прорывными идеями, находится и большое число ложных, порой весьма наивных предположений.

В последние десятилетия активизировалось изучение малых пространственных экономических структур. Идея таких структур была высказана еще в 1879 г. в книге «Экономика промышленности», которую Альфред Маршалл написал в соавторстве со своей женой. И хотя в «Принципах экономики» эта идея трансформировалась в стройную теорию промышленных округов (*industrial districts*), она не обратила на себя внимания современников. Из небытия

ее вывел Джакомо Бекаттини (Giacomo Becattini) – итальянский исследователь творчества Маршалла и создатель итальянского варианта теории промышленных округов³⁰. Эта теория без серьезных изменений была заимствована Майклом Портером, переименовавшим «промышленный округ» в «кластер»³¹. Название не вполне удачное, так как термин «кластер» широко используется в других науках и имеет различные значения. В экономике «кластер» также понимается неоднозначно. Одни рассматривают кластер как скопления малых и средних предприятий вокруг или внутри населенного пункта, вдоль транспортной магистрали, в речной долине или на морском побережье; другие – как группу предприятий, объединенных едиными материальными, финансовыми и информационными потоками; третьи – как создаваемые в рамках особой зоны на основе бизнес-проектов технологические комплексы, включающие фундаментальные разработки и системы проектирования новых продуктов, а также их производство и т.д.

Недостатки пространственного подхода в экономике связаны с неопределенностью понятия экономического пространства. Многочисленные попытки включить экономическое пространство в систему экономических категорий до сих пор не увенчались успехом. Ситуация усложняется тем, что этим понятием пользуются представители самых разных наук и направлений: экономисты, географы, статистики, политологи, юристы и др.

Понятие экономического пространства в современной литературе

Переход от географического или интуитивного понимания экономического пространства к его научному осмыс-

30. *Becattini Giacomo*. Dal “settoe industriale” al “distretto industriale” // *L'industria*. 1979. № 1.

31. *Портер М.* Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения, 1996. С. 896.

лению как зарубежными, так и отечественными исследователями, произошел довольно поздно — на рубеже 1980—1990-х годов. Сложилось четыре основных направления в определении понятия «экономическое пространство»: точечно-географическое, территориальное, политэкономическое и геоэкономическое.

Точечно-географический подход используется во многих компаративных исследованиях. Его сторонники учитывают лишь географические рамки, в которых существует экономическая система. Однако пространство как таковое ими не рассматривается. Независимо от того, имеется ли в виду мировое экономическое пространство, географические границы стран или административных подразделений, внутри этих территориальных рамок экономические показатели суммируются или усредняются. Тем самым экономическое пространство сжимается в одну точку.

Например, известные работы Ангуса Мэддисона и Вольфрама Фишера построены на сопоставлении исчисленных в целом по странам экономических показателей³². Из-за структурных различий национальных экономик такие сопоставления малоинформативны. Кроме того, в результате войн границы стран часто изменялись. Поэтому перед авторами возникает сложная проблема: в каких территориальных рамках вычислять показатели по странам. Например, чтобы сопоставить данные по СССР и Российской империи, исследователи исключают Польшу, Прибалтику и Финляндию. Но ведь произведенные на отошедших территориях товары остаются в составе национального дохода «усеченной» Российской империи, и наоборот. Поэтому из-за изменений структуры и направления товарно-денежных потоков несопоставимость данных сохраняется.

32. Мэддисон А. *Economic Growth in the West*, Norton, New York, 1964; idem. *Dynamic Forces in Capitalist Development*, O.U.P., 1991; idem. *Monitoring the World Economy, 1820–1992*, OECD, 1995; Fischer Wolfram von. *Die Weltwirtschaft im 20 Jahrhundert*. Göttingen, 1979; Фишер Вольфрам. *Европа: экономика, общество и государство. 1914 – 1980*. М.: Владос, 1999 и др.

После распада СССР точно-географический подход получил второе рождение. Это вызвано потребностью изучения экономических возможностей обособившихся политических единиц. В границах государств СНГ рассматриваются ресурсы, отраслевая структура, производственные возможности, внутренняя и внешняя торговля, финансы и кредит новых государств так, словно речь идет об одном предприятии³³.

В рамках подхода к экономическому пространству с позиций государственных границ широкое распространение получило понятие «конкурентоспособность государства»³⁴. Этой нелепой конструкцией мы обязаны Майклу Портеру³⁵. Впрочем, неправомочность такого подхода была вскоре осознана. По словам Пола Кругмана, «примененное к государству вместо коммерческой фирмы понятие «конкурентоспособность» является метафорой — ведь в отличие от фирмы у государства нет меры конкурентоспособности — баланса прибылей и убытков — и нет возможности исчезнуть в результате разорения»³⁶.

Тем не менее, понятие «конкурентоспособность государства», несмотря на его экономическую несостоятельность, было подхвачено некоторыми отечественными экономистами и одно время находилось в центре национальной экономической доктрины³⁷.

33. Валентей С.Д. Постсоюзное экономическое пространство // Российский экономический журнал. 1993. № 7; Буравой М. Реакция России на рынок // Рубеж, 2000. № 15. С. 1–33; Россия: Интеграция в мировую экономику / Под ред. Р.И. Зименкова. М.: МосАП, 2002; Россия в глобализирующем мире. Политико-экономические очерки. / Под ред. акад. Д.С. Львова. М. Наука, 2004.

34. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. М.: Международные отношения, 2003; Геоэкономика и конкурентоспособность России: Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России: научно-аналитический доклад (М.Ю. Байдаков и др.) / Под ред. Э.Г. Кочетова: Общественная академия наук геоэкономики и глобалистики. М.: Книга и бизнес, 2010.

35. Портер М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения, 1993.

36. Krugman P.R. Trade Policy and Market Structure, 1989.

37. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 5.11.2008 г. М., 2008.

Территориальное представление об экономическом пространстве развивалось многими представителями региональной экономики. Некоторые французские регионалисты вообще предложили отказаться от термина «экономическое пространство» в пользу термина «экономическая территория»³⁸.

В большинстве же случаев авторы отождествляют понятия пространства и территории. Например, согласно А.Г. Гранбергу: «Экономическое пространство — это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д.»³⁹. Тут возникает множество вопросов.

1. Как, наряду с материальными объектами, на территории располагаются нематериальные связи между ними?

2. Какая территория является «насыщенной»?

3. «Ненасыщенная территория», например, сельва или тундра, исключается из экономического пространства?

Некоторые из указанных затруднений пытается преодолеть Е.Е. Лейзерович. Он делит экономическую территорию на слабоорганизованную и строгоорганизованную. Под последней он понимает «территории, в границах которых взаиморасположение каких-либо вновь возникающих объектов предопределено предшествующим развитием или набором твердых правил»⁴⁰. Но к какой категории отнести пустыню, через которую тысячи лет идут торговые караваны?

Г.Д. Костинский пытается разграничить понятия экономической территории и региона: «Территория есть определенная совокупность мест, получаемая путем их объеди-

38. См.: Украинский В.Н. Современная французская пространственная экономика // Пространственная экономика. 2011. № 2. С. 93–94.

39. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 25.

40. Лейзерович Е.Е. Уровни организации пространства: экономико-географический анализ // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 2. С. 67, 73.

нения, агрегирования по какому-то единому основанию. Район же — это то, что обязательно выделяется, вычленяется из целостного объекта»⁴¹. А почему район нельзя определить как «совокупность мест, получаемая путем их объединения, агрегирования по какому-то единому основанию»? Обозначение же района как «обязательного вычленения» из какого-то «целостного объекта» страдает неопределенностью.

По определению Л.А. Зобовой: «Экономическое пространство — это организованная среда, которая возникает в результате взаимодействия материальных субъектов на определенной территории»⁴². То есть экономическое пространство существует лишь на отдельных территориях, и индивидуальное хозяйствование не создает экономического пространства.

Напротив, О.В. Иншаков и Д.П. Фролов отталкиваются в своем определении от индивидуального хозяйства: «...В первом, наиболее общем приближении под экономическим пространством будем понимать пространство, в котором ведется хозяйство. Производя определенные затраты труда, человек присваивает и отстаивает от посторонних посягательств пространство ведения своего хозяйства, осваивается в нем, саморазвиваясь через создаваемые продукты и вовлечение в процесс новых факторов производства. Поэтому экономическое пространство характеризуется стоимостью и полезностью, имеет меновую стоимость, цену и ценность, выражается в издержках и доходах, нуждается в инвестициях и сулит прибыль»⁴³. Авторы явно перепутали экономическое пространство с землей как фактором производства.

Все попытки связать экономическое пространство с географическим изначально порочны. Географическое про-

41. Костинский Г.Д. Идея пространственности в географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1992. № 6. С. 38.

42. Зобова Л.А. Феномен экономической границы // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 3. С. 89.

43. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Экономическое пространство и пространственная экономика // Пространственная экономика. 2006. № 2. С. 25.

странство в целом, размещение в нем экономических объектов и ресурсов — часть предмета географической науки. Экономическое пространство нельзя прямо связать с географическим. И дело даже не в том, что роль географического фактора в экономике снижается, а экономические связи с глубокой древности соединяли весьма удаленные территории. Пространство, в котором существуют и взаимодействуют экономические объекты, создается самими этими объектами, среди которых далеко не все имеют географическую локализацию.

Для политэкономических определений экономического пространства характерно использование в качестве системообразующих элементов таких категорий, как экономические отношения, разделение труда, факторы производства или их компоненты.

Например, В.В. Чекмарев понимает под экономическим пространством «пространство, образованное: а) физическими и юридическими лицами (субъектами), которые для реализации своих экономических потребностей и выражающих эти потребности экономических интересов вступают в экономические отношения; б) физическими и нефизическими объектами, являющимися источниками экономических интересов и экономических отношений»⁴⁴.

И.А. Кучин определяет экономическое пространство как «... дискретное распределение... источников сырья, предприятий по его переработке и рынков реализации продукции»⁴⁵. Это шаг назад — к «насыщенной территории».

Более пространно определение А.В. Гульбасова: «Экономическим является пространство, в котором: происходит мобилизация, постоянная циклическая переработка условий в ресурсы, ресурсов — в факторы, факторов —

44. Чекмарев В.В. К теории экономического пространства // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2001. № 3. С. 27.

45. Кучин И.А. Фракталы и циклы социальных процессов // Фракталы и циклы развития систем. Томск: ИОМ СО РАН, 2001. С. 26.

в продукты, а последних — в условия, ресурсы и факторы для последующих продуктов; осуществляется аккумуляция ресурсов, факторов, продуктов и их эффектов (экстернальных и интервальных); достигается концентрация, специализация, комбинация и реализация накопленного потенциала в конкретных результатах хозяйствования; формируются и осваиваются необходимые резервы и происходит приращение факториала и потенциала хозяйственной деятельности; реализуется многогранный метаморфоз рутины и новации, создающий рациональную меру старого и нового в хозяйстве; универсально взаимодействуют процессы аппликации, репликации и мультипликации факторов и продуктов производства, сопровождаясь унификацией институционального поля, амальгамацией хозяйственных структур и поколений продуктов, элиминацией устаревших, ненужных, неэффективных и невостребованных результатов экономического творчества; в пользовании, владении и распоряжении результатами экономической деятельности осуществляются полные циклы воспроизводства капитала данного общества»⁴⁶.

Фактически Гульбасов дает не определение экономического пространства, а описывает известный цикл функционирования экономики.

Е.А. Иванов считает, что экономическое пространство формируется информационными потоками, циркулирующими между хозяйствующими субъектами, и именно они определяют структуру этого пространства⁴⁷. Нельзя отрицать значения информационного пространства, но едва ли его достаточно для характеристики экономического пространства.

О.А. Бияков понимает под экономическим пространством региона систему отношений между хозяйствующими

46. Гульбасов А.В. Концепция экономического пространства и ее потенциал в исследовании экономических процессов и явлений. Диссертация... канд. экон. наук. Смоленск, 2007.

47. Иванов Е. Информация как категория экономической теории. — <http://rvles.ieie.nsc.ru:8101/parinov/ivanov/ivanov1.htm>.

субъектами, реализующими частные экономические процессы, и субъектом совокупного экономического процесса по формированию ожидаемого результата их деятельности⁴⁸. Это все рано как если бы исследователь физического пространства понимал под ним траектории небесных тел.

Таким образом, представители экономической статистики, экономической географии, региональной экономики и политической экономии, говоря об экономическом пространстве, имеют в виду не пространство, включающее, по меньшей мере, три измерения, а двумерную географическую территорию. Совсем иной подход к экономическому пространству у исследователей геоэкономики.

Для геоэкономического подхода характерно многоуровневое («матрешечное») представление об экономическом пространстве. Например, национальные и региональные экономические пространства рассматриваются как низшие уровни мирового («геоэкономического») пространства.

Однако такое понимание утвердилось не сразу. В статье Эдварда Лутвака «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика торговли», опубликованной летом 1990 г., мировое экономическое пространство отождествляется с геополитическим пространством, т.е., грубо говоря, с политической картой мира.

В начале 1991 г. в Италии генерал Карло Жан опубликовал статью «Геоэкономика: инструментарий, стратегия и тактика», основные положения которой были развиты им в соавторстве с П. Савоной, С. Фиоре и Ф. Бруни Рочча в коллективной монографии. Авторы определили геоэкономiku как «дисциплину, изучающую те аспекты международной конкуренции, где главными действующими лицами выступают не корпорации, тресты или банки, а государства». Из этого весьма сомнительного утверждения (государства являются субъектами политики, включая экономическую политику, а конкуренция является областью действий субъек-

48. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

ектов экономики) вытекает также определение экономического пространства как пространства политического.

В 1997 г. вышла книга Эндрю Лейтона и Найджела Трифта о географии денежного обращения⁴⁹. Рассматривая пространство функционирования денег, авторы выделяют в нем, наряду с собственно финансовым, экономический, информационный, институциональный и антропологический уровни. Таким образом, они впервые констатировали многомерность мирового экономического пространства, а также установили его регулирующую функцию.

Первое научно обоснованное определение геоэкономического пространства дал основоположник российской школы геоэкономики Э.Г. Кочетов. Согласно его определению, мировое экономическое (геоэкономическое) пространство можно представить «в форме «слоеного пирога», набора различных уровней, слоев, «страниц» – предметных срезов геоэкономического пространства. Отдельными уровнями геоэкономического пространства выступают: политическая карта мира (с отображением зон влияния, центров силы, многополюсности мира, стратегических осей и политических альянсов, уний и т.д.); ресурсные страницы – энергетическая, сырьевая, трудовых ресурсов и т.п.; организационно-экономическая страница <..>; коммуникационная страница <..>; экологическая страница <..>; страница финансовых потоков (геофинансовая); уровень, посвященный военной компоненте <..> и др.»⁵⁰.

С другой стороны, геоэкономическое пространство складывается из региональных экономических пространств. Например, национальное экономическое пространство, согласно Э.Г. Кочетову, является частью «геоэкономического атласа мира», где «проведены экономические границы,

49. *Leysbon A., Thrift N. Money/Space; Geographies of Monetary Transformation. Routledge, London and New York, 1997.*

50. *Кочетов Э.Г. Геоэкономика: Освоение мирового экономического пространства: Учебник для вузов. М.: Норма, 2006. С. 181.*

рубежи геоэкономических устремлений национальных экономик, геоэкономические плацдармы и т. п.»⁵¹.

В учебнике и сделанных на его основе монографиях В.А. Дергачев не дает определения геоэкономического пространства. Только в терминологическом приложении к этим книгам содержится весьма путаное определение: «Геоэкономическое пространство – географическая интерпретация многомерного экономического пространства»⁵². Очевидно, что пространственные проблемы для него оказываются на заднем плане. Проблемы размещения Дергачева также не интересуют: «В Украине в условиях образовавшегося информационного вакуума получила развитие искусственная наука «размещение производительных сил», которая отсутствует в цивилизованном мире рыночных отношений»⁵³. Это опрометчивое утверждение, вероятно, вырвалось у Дергачева в пылу его полемики с украинскими коллегами.

Вместо геополитического пространства Дергачев оперирует понятием «коммуникационного» пространства, которое присутствует и в его определении геоэкономики: «Геоэкономика – это наука о стратегии экономического развития в многомерном коммуникационном пространстве под воздействием внешних и внутренних вызовов, обеспечивающей высокое «качество жизни» в данном месте и социальном времени»⁵⁴.

В принципе идея коммуникационного пространства как элемента структуры геоэкономического пространства весьма плодотворна. Жаль только, что понятие коммуни-

51. Кочетов Э.Г. Ук. соч.

52. Дергачев Владимир. Геоэкономика. Учебник для вузов. Киев: ВИРА-Р, 2002; Дергачев В.А. Глобальная геоэкономика (трансформация мирового экономического пространства). Научная монография. Одесса: ИПРЭЭИ НАНУ, 2003; Дергачев Владимир. Цивилизационная геополитика (Большие многомерные пространства). Научная монография. Одесса: ИПРЭЭИ НАНУ, 2003.

53. Дергачев В.А. Геоэкономика Украины (теоретические и прикладные основы). Научная монография. Одесса: ИПРЭЭИ НАНУ, 2002.

54. Дергачев Владимир. Геоэкономика. Учебник для вузов. Киев: ВИРА-Р, 2002.

кационного пространства подпорчено его путанными рассуждениями: «В многомерном коммуникационном пространстве в результате стратификации разномасштабных процессов в природе и обществе образуются рубежи высокой энергетики»⁵⁵.

«Энергетика» — довольно модный термин среди экстрасенсов и других представителей «оккультных наук». Но для того, чтобы использовать его в геоэкономике, необходимы серьезные основания. Следует, например, определить силу и размерность «энергетики интенсивных взаимодействий». Вообще введение понятия энергии как некоей величины целесообразно только в том случае, если рассматриваемая система однородна во времени. Экономическое пространство такой однородностью не обладает.

О.В. Иншаков и Д.П. Фролов выделяют также институциональное пространство. «Будучи аспектацией экономического пространства, институциональное пространство не существует обособленно внутри него или за его границами». Содержанием институционального пространства выступают институции, относящиеся к «неосязаемым» транзакционным факторам общественного бытия наряду с организацией и информацией. «Это не означает, что институциональное пространство возникает вокруг экономического, напротив, оно повсюду пронизывает последнее»⁵⁶.

Вообще включение нематериальных элементов в экономическое пространство, которые задают в нем «силовые линии» и центры тяготения, определяют затраты и усилия, необходимые для продвижения в определенном направлении (или потерю потенциала, каковой является движение в противоположном направлении), чрезвычайно плодотворно. В отношении социального пространства эту идею выдвинул Пьер Бурдьё⁵⁷.

55. Там же.

56. *Иншаков О.В., Фролов Д.П.* Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // *Пространственная экономика*. 2007. № 1. С. 9.

57. *Сокулер З.А.* Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё (Научно-

В конце 1980-х годов сформировалась «Французская школа экономики близости» («École française d'économie de proximités»). Объединив экономистов, социологов и географов, эта школа занялась выявлением совпадений и связанности, возникающих при изучении экономического пространства. Исследователи стремились объяснить природу эффектов близости и способствовать внедрению пространственной переменной в экономическую науку⁵⁸.

Но что понимать под «близостью» в экономике? Многочисленные обсуждения выявили целый ряд понимаемый экономической близости: территориальная, реляционная, технологическая, ресурсная, институциональная, организованная близость и др⁵⁹. Таким образом, территориальная близость для экономических объектов не является единственной формой близости. А, следовательно, понятие экономического пространства шире понятия физического (географического) пространства. Пространство, в котором используются иные меры расстояния, кроме географической, является виртуальным.

В современной геоэкономической литературе исследуются различные виды виртуальных пространств: социальное, информационное, финансовое, инновационное и т.д. Каждое из них искусственно вычленяется из геоэкономического пространства в соответствии с целью, объектом и предметом исследования. Однако для определения процессов, вызывающих неравномерность мирового экономического пространства, факторов его дифференциации и поляризации, анализ обычно замыкается физическими рамками географической территории. Тем самым от исследователей ускользают фундаментальные факторы этих процессов и явлений, существующие в виртуальном

аналитический обзор) // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферат. сб. М., 2003. С. 25.

58. Rallet A., Torre A. Proximité et localization // *Économie rurale*. 2004. № 280. P. 31.

59. Bouba-Olga O., Grossetti M. Socio-économie de proximité. Communication présentée aux "Cinquièmes journées de la proximité". Bordeaux. 2006. 28–30 juin.

пространстве человеческого сознания и общественных отношений.

* * *

Подведем итоги. Экономическое пространство – это не просто преобразованная трудом территория, среда существования экономических субъектов, но и одна из активных сил экономики. С одной стороны, экономическое пространство определяет место и роль каждого активного участника процессов производства и потребления, экономических институтов в сложившейся экономической среде. С другой стороны, оно постоянно изменяется под влиянием созидательной и разрушительной деятельности людей, движимых своими интересами и ценностными ориентациями.

Экономическое пространство не совпадает с географическим. Оно возникает на основе географического размещения ресурсов, надстраиваясь над ним в форме виртуального пространства. Однако процессы, протекающие в экономическом пространстве, влияют на размещение экономических объектов в географическом пространстве.

Экономическое пространство включает в себя целый ряд подпространств, проникающих друг в друга и взаимодействующих друг с другом. Если угодно кулинарное сравнение, то я бы уподобил экономическое пространство не «слоеному пирогу», а «венгерскому гуляшу», где все элементы так тесно взаимосвязаны, что неотделимы друг от друга.

Экономическое пространство неоднородно. Оно содержит большое количество ниш с лучшими или худшими условиями для экономической деятельности. Экономическое пространство постоянно меняет свой масштаб, то расширяя, то сужая рамки деятельности разных групп акторов. Предоставляя простор одним акторам, оно сковывает волю других.

Экономическое пространство пронизано силовыми полями различной природы, создающими в нем центры

притяжения и отталкивания, влияющие на структуру и мощь отдельных национальных и региональных экономик, экономических субъектов.

Сущность виртуально-пространственного подхода

В распоряжении исследователя, сравнивающего экономическое развитие разных стран и регионов, находятся большое число качественных характеристик и статистических данных, содержащих суммарные или средние показатели. Из них надо извлечь информацию, раскрывающую общее и различия в развитии стран и регионов. Препятствиями к этому являются, с одной стороны, неизбежные погрешности и несопоставимость статистических данных, а с другой стороны – их необозримость. Виртуально-пространственный подход состоит в визуализации цифровых или любых других массовых данных, допускающих упорядочение, путем представления их в качестве объектов некоего виртуального пространства. Этим достигается обозримость массовой информации, что облегчает ее понимание и анализ.

Пространство – это категория локализации и структурности объектов любой природы. Для ориентации в пространстве используется система координат. Координаты определяют положение объекта. Число координат характеризует размерность пространства. В декартовой системе координат она определяется максимальным числом прямых линий, которые можно провести под прямым углом друг к другу через одну и ту же точку пространства. Для окружающего нас трехмерного физического пространства возможны только три взаимно перпендикулярные линии. В макро- и микромире размерность пространства иная.

От размерности пространства зависит характер взаимодействий между объектами. В одномерном (линия) или

двумерном (плоскость) «пространстве» не могли бы происходить взаимодействия объектов. Три измерения являются тем необходимым минимумом, в рамках которого могут осуществляться многие типы взаимодействий между объектами.

В ряде работ утверждается, что трех измерений вполне достаточно для того, чтобы объяснить все типы взаимодействий, происходящих в физическом мире. Особенно неистовствует В.Г. Катищук: «Экспериментально установлено, что геометрических мерностей три... Сомнения о том, сколько у пространства мерностей порождены безграмотными шарлатанами, которые не использовали научный метод в части задания исходных определений мерности и пространства»⁶⁰.

Эксперименты по установлению трехмерности пространства никогда не проводились. Представлениям о трехмерности пространства положили конец эксперименты, связанные с распространением света. Было установлено, что реальное физическое пространство оказывается, как минимум, четырехмерным. Фактически критики теории многомерного пространства ставят себя в положение древних естествоиспытателей, утверждавших, что земля плоская, поскольку «экспериментально установлено», что с круглых поверхностей все предметы скатываются вниз.

Экономическое пространство неизбежно является многомерным, поскольку для объяснения всего многообразия связей между экономическими объектами трех координат недостаточно. Число ортогональных (независимых друг от друга) векторов в экономике может достигать нескольких десятков. Однако исследователь в соответствии со своими задачами может исключить некоторые координаты из рассмотрения, если они не меняют или незначительно меняют положение объектов в эко-

60. См.: напр., *Катищук В.Г.* Общая форма закона всемирного тяготения // Приложение к «Вестнику Красноярского ГАУ». Сборник научных трудов. Выпуск № 4. Красноярск, 2009. С. 104.

номическом пространстве. Точно так при составлении политической карты мира третья координата (высота) исключается из рассмотрения, поскольку для определения границ стран достаточно двух координат (широты и долготы).

Построить модель экономического пространства непросто. Дело в том, что мы изначально не знаем размерности экономического пространства и не обладаем единой для всех экономических объектов мерой, наподобие расстояния в евклидовом пространстве.

Несоразмерность экономических объектов вызвана тремя обстоятельствами. Во-первых, различием шкал измерения. Во-вторых, неаддитивностью многих экономических показателей, для которых целое не равно сумме его частей. В-третьих, несопоставимостью единиц и масштабов измерения.

В практике экономических измерений используются четыре типа шкал:

1. Номинальная шкала, отображающая лишь отношение эквивалентности между объектами. Например, разделение стран на классы (группы) по их месту в системе международного разделения труда. Такая шкала служит для сравнения объектов на совпадение. Отношения «больше – меньше» в номинальной шкале не существует. Но возможно упорядочение классов по значимости или количеству объектов.

2. Порядковая шкала, в которой для каждого объекта определяется порядок следования (расположения) сравниваемых признаков. В порядковой шкале существуют отношения «больше – меньше», «лучше – хуже», «полезнее – вреднее» и т.д. Но насколько «больше», «лучше», «полезнее», определить нельзя. Примером может служить потребительский выбор. Можно определить для каждого покупателя порядок предпочтения им одних товаров перед другими. Но нельзя рассчитать, насколько один товар предпочтительнее (полезнее) другого.

3. Интервальная шкала, где, помимо отношений, указанных для номинальной и порядковой шкал, измеряется расстояние между объектами. В интервальной шкале можно определить, насколько один объект больше или меньше другого. Однако точка начала отсчета в интервальной шкале не фиксирована или выбрана условно. Поэтому отношение значений этой шкалы не имеет смысла. В интервальных шкалах измеряются многие экономические показатели: индексы потребительских цен, производительность труда, себестоимость, рентабельность, ликвидность и т.д.

4. В отличие от интервальной шкалы относительная шкала показывает также, во сколько раз один показатель больше другого. Шкала отношений имеет нулевую точку, которая характеризует полное отсутствие измеряемого качества. Относительная шкала допускает преобразование подобия (умножение на константу). С помощью относительной шкалы измеряются объемы продаж, затраты, доля рынка, число покупателей и т.д.

Перевод экономических показателей возможен, хотя и с некоторой погрешностью. Но ведь смысл моделирования экономического пространства состоит не в том, чтобы отобразить его с максимальной точностью, а в том, чтобы определить с допустимой погрешностью положение в нем экономических объектов.

Рассмотрим в качестве примера перевод классов стран Неклессы из номинальной шкалы в порядковую (табл. 1).

Таблица 1. Перевод классов стран А.И. Неклессы из номинальной шкалы в порядковую

№ п/п	Классы стран	Ранги классов
1	Североатлантический Запад, производящий высокотехнологичные товары и услуги	5
2	Промышленный Новый Восток	4
3	Сырьевой Юг	3
4	«Сухопутный океан» Северной Евразии	2
5	Транснациональный Квази-Север, осуществляющий финансово-правовое регулирование глобальной экономики	6
6	«Мировой андеграунд» Глубокого Юга с деструктивной экономикой	1

Упорядочивая группы А.И. Неклессы, самый высокий ранг мы должны приписать «трансатлантическому Квази-Северу, поскольку финансово-правовое регулирование глобальной экономики определяет ее развитие в целом, а также влияет на принадлежность страны к конкретному классу. Самый низкий ранг получает «мировой андеграунд».

Перевод классов стран А.И. Неклессы из номинальной шкалы в порядковую позволяет лучше представить положение России («сухопутный океан» Северной Евразии) в глобальной экономике. Как выше отмечалось, А.И. Неклеса дает весьма спорную оценку положения России. В действительности она оказывается между сырьевым Югом и «мировым адеграундом», что вполне согласуется с экономическими реалиями. С одной стороны, Россия живет за счет экспорта углеводородного сырья, не являясь при этом главным экспортером нефти и газа. С другой стороны, деструктивные элементы в экономике России также весьма значительны. В таких условиях быстрый качественный рывок невозможен. Только при глубоком изменении государственной экономической стратегии, политических и экономических условий в стране возможно медленное вхождение России в класс сырьевых экспортеров, а затем и ее переход в более высокие экономические классы.

Перевод данных из одной шкалы в другую не решает всех проблем. Важно также единство меры измерения. При этом в экономике измерение товаров в одних и тех же мерах часто оказывается бессмысленным. Например, количество нефти принято измерять в баррелях, а алмазов — в каратах. Но будет ли экономический смысл в том, что мы приведем нефть и алмазы к единой мере, например, будем измерять нефть в каратах? Что даст нам их сумма?

Можно было бы, конечно, измерять все экономические объекты по их стоимости. Но с демонетизацией золота единую меру стоимости мы потеряли, а долларовые цены из-за разницы между национальными курсами долла-

ра и паритетом покупательной способности валют не дают сопоставимых оценок. Кроме того, долларовые цены отражают лишь текущую ситуацию на рынке западных стран.

Не решает проблемы и часто применяемый в международной статистике метод «сопоставимого» уровня цен, согласно которому уровень цен в США принимается за базовый и относительно него рассчитываются уровни цены в других странах. Получаемые величины зависят от набора товаров, входящих в индекс, различий в структуре потребления, стоимости рабочей силы, сырья, перевозок и т.д.

Не годятся и индексы физического объема, которые хотя и позволяют элиминировать влияние цен на размеры производства и потребления и получить сопоставимые величины по странам, но только в отношении базисного периода. Переход к другому базису может привести к существенным различиям в оценке текущего периода.

Однако приведение всех экономических показателей к единой и адекватной мере измерения в целях обеспечения однородности и, следовательно, метрируемости экономического пространства возможно. Оно носит название стандартизации и включает две последовательно применяемые процедуры: центрирование и нормировка экономических данных, независимо от того, в какой форме они представлены.

Центрирование означает ориентирование всех показателей относительно нулевой точки осей координат. Для этого по каждому экономическому показателю рассчитывается среднее значение его вариантов и затем это среднее значение вычитается из конкретных значений вариантов показателя. Нормировкой называется деление каждого конкретного значения показателей на их стандартное отклонение, измеряющее разброс конкретных значений показателя вокруг его среднего значения.

Итогом стандартизации являются приведенные к единому масштабу значения показателей. Поскольку стандартное отклонение выражается в тех же единицах измерения,

что и варианты ряда, то при делении единицы измерения сокращаются и ряд получается «безразмерным». Формальная сопоставимость стандартизованных данных не должна ввести исследователя в заблуждение. Напротив, она предъявляет дополнительные требования к отбору показателей и их интерпретации, поскольку в качественном плане ряд стандартизуемых данных может оказаться неоднородным.

Приведем в качестве примера стандартизацию экономических показателей стран СНГ, характеризующих основные стороны народного хозяйства: производство, торговлю, транспорт, внешнеэкономические отношения, образование (табл. 2).

Таблица 2. Стандартизация экономических показателей СНГ за 2010 г.

1. Фактические данные

Страны	ВВП в млрд долл.*	Внешне- торговый оборот, млн долл.*	Сальдо внешней торговли в млн долл.*	Внешний долг, млн долл.*	Орошаемая земля, кв. км	Инвестиции в собствен- ную эконо- мику, млн долл.	Длина железных дорог, км	Расходы на образование, млн долл.*
Азербайджан	42,51	27924	15 960	3440	14550	7226,7	14550	807,7
Армения	8,683	4794,3	-1 138	4470	2860	2891,4	869	259,1
Белоруссия	49,04	60100	-5 062	19740	1310	17654,4	5537	2550,1
Казахстан	107	89000	6 993	106300	35560	29853,0	15079	2996,0
Киргизия	4,681	4780	-210	2480	10720	1235,8	470	229,4
Молдавия	5,328	1243,5	-565	3844	3000	1156,2	1190	436,9
Россия	1232	648415	68 850	387700	469050	232848,0	87157	48 048,0
Таджикистан	4,741	3857,8	-330	1771	7220	990,9	680	165,9
Туркмения	16,24	4969	3081	5000	18000	2013,8	2980	633,4
Узбекистан	30,32	21842	5588	4053	42810	7913,5	3645	2850,1
Украина	115,7	85440	-9309	94300	22080	18627,7	21684	1151,7
Средние	146,9312	86578,69	7623,418	57554,36	57014,55	29310,1	13985,55	5466,2
Станд. отклон	345,1912	180445,0	20359,14	110598,7	130925,7	64982,0	24139,27	13505,1

* По официальному обменному курсу.

** В % к ВВП.

2. Стандартизованные данные

Страны	ВВП	Внешне- торговый оборот	Сальдо внешней торговли	Внешний долг	Орошаемая земля	Инвестиции в собственную экономику	Длина железных дорог	Расходы на образование
Азербайджан	-0,2884	-0,3099	0,3904	-0,4665	-0,3092	-0,3240	0,0223	-0,3289
Армения	-0,3819	-0,4321	-0,4103	-0,4576	-0,3944	-0,3876	-0,5181	-0,3676

Окончание табл. 2

Страны	ВВП	Внешне- торговый оборот	Сальдо внешней торговли	Внешний долг	Орошаемая земля	Инвестиции в собственную экономику	Длина железных дорог	Расходы на образование
Белоруссия	-0,2704	-0,1399	-0,5941	-0,3260	-0,4057	-0,1710	-0,3337	-0,2059
Казахстан	-0,1103	0,0128	-0,0295	0,4202	-0,1562	-0,0080	0,0432	-0,1744
Киргизия	-0,3929	-0,4322	-0,3669	-0,4748	-0,3371	-0,4119	-0,5338	-0,3697
Молдавия	-0,3911	-0,4509	-0,3835	-0,4630	-0,3934	-0,4131	-0,5054	-0,3551
Россия	2,9971	2,9687	2,8674	2,8462	3,0006	2,9865	2,8902	3,0063
Таджикистан	-0,3927	-0,4371	-0,3725	-0,4809	-0,3626	-0,4155	-0,5255	-0,3742
Туркмения	-0,3610	-0,4312	-0,2127	-0,4531	-0,2841	-0,4005	-0,4347	-0,3412
Узбекистан	-0,3221	-0,3421	-0,0953	-0,4612	-0,1034	-0,3139	-0,4084	-0,1847
Украина	-0,0863	-0,0060	-0,7930	0,3168	-0,2544	-0,1567	0,3041	-0,3046
Средние	0	0	0	0	0	0	0	0
Станд. отклон	1	1	1	1	1	1	1	1

Стандартизация позволяет нам избавиться от различий в масштабах и единицах измерения, одинаково ориентировать все данные относительно начальной точки координатного пространства и тем самым сделать их сопоставимыми.

Стандартизованные показатели вполне пригодны для измерения расстояния в экономическом пространстве. Нужно только понимать расстояние в более широком смысле: как степень близости между двумя объектами.

Теперь нам следует определить, с каким типом пространства мы имеем дело. Самым простейшим является евклидово пространство. Для того, чтобы мера близости, определенная на паре объектов, была евклидовым расстоянием, она должна удовлетворять следующим четырем аксиомам:

$$d(a, a) = 0, \quad (1)$$

$$d(a, b) \geq 0, \quad (2)$$

$$d(a, b) = d(b, a), \quad (3)$$

$$d(a, b) + d(b, c) \geq d(a, c). \quad (4)$$

Первая аксиома означает, что объект идентичен сам себе. Вторая аксиома означает, что если два объекта не идентичны, то расстояние между ними больше нуля. Если же оно равно нулю, то оба объекта идентичны. Третья

аксиома означает, что расстояние от первого объекта до второго равно расстоянию от второго объекта до первого. Четвертая аксиома (правило треугольника) означает, что сумма расстояний от первого объекта до второго и от второго до третьего больше или равна расстоянию от первого объекта до третьего.

Евклидово пространство трехмерно. Если размерность пространства иная, то мы имеем дело с гильбертовым обобщением евклидова пространства.

Пространство, в котором определены расстояния между любой парой объектов, называется метрическим. Например, расстояние d между объектами a и b в трехмерном евклидовом пространстве вычисляется следующим образом:

$$d_{a,b} = [\sum (x_a - x_b)^2 + (y_a - y_b)^2 + (z_a - z_b)^2]^{1/2},$$

где x , y и z – координаты.

В табл. 3 приведены евклидовы расстояния между странами СНГ, рассчитанные на основе стандартизованных переменных, приведенных в табл. 2.

Таблица 3. Евклидовы расстояния между странами СНГ

	Азербайджан	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Молдавия	Россия	Таджикистан	Туркмения	Узбекистан	Украина
Азербайджан	0	0,985	1,092	1,121	0,959	0,961	8,940	0,961	0,774	0,698	1,503
Армения	0,985	0	0,506	1,324	0,080	0,046	9,516	0,063	0,244	0,496	1,330
Белоруссия	1,092	0,506	0	1,078	0,551	0,534	9,202	0,551	0,592	0,655	0,972
Казахстан	1,121	1,324	1,078	0	1,332	1,329	8,350	1,341	1,223	1,124	0,846
Киргизия	0,959	0,080	0,551	1,332	0	0,070	9,506	0,029	0,197	0,449	1,365
Молдавия	0,961	0,046	0,534	1,329	0,070	0	9,518	0,049	0,219	0,482	1,345
Россия	8,940	9,516	9,202	8,350	9,506	9,518	0	9,520	9,366	9,126	8,734
Таджикистан	0,961	0,063	0,551	1,341	0,029	0,049	9,520	0	0,208	0,467	1,366
Туркмения	0,774	0,244	0,592	1,223	0,197	0,219	9,366	0,208	0	0,298	1,339
Узбекистан	0,698	0,496	0,655	1,124	0,449	0,482	9,126	0,467	0,298	0	1,353
Украина	1,503	1,330	0,972	0,846	1,365	1,345	8,734	1,366	1,339	1,353	0

Из данных этой таблицы видно, что Россия находится «дальше» всех стран СНГ, что связано в первую очередь с «размерами» ее экономики, а также сохраняющейся достаточно высокой диверсификацией производства, наличием ряда высокотехнологичных отраслей. Наименьшее «расстояние» наблюдается между Таджикистаном и Киргизией, где главную роль играет не производство товаров, а торговля, включая реэкспорт дешевых китайских изделий, а также трудовая миграция. В 2009 г. денежные переводы мигрантов из Киргизии на родину составили 21% ВВП, а из Таджикистана – 60% ВВП страны.

Довольно близки друг к другу Армения и Молдавия, где большую роль играет производство и экспорт сельскохозяйственной продукции: винограда, виноградных вин, овощей и фруктов (в 2009 г. 22% ВВП Армении и 30% ВВП Молдавии).

Армения и Молдавия близки к Киргизии и Таджикистану, где также большую роль играет сельское хозяйство. Объединяет эти четыре страны отрицательный внешне-торговый баланс и внушительная внешняя задолженность.

Таким образом, исчисление евклидовых расстояний между парами объектов позволяет дать обобщенную сравнительную оценку размеров экономики и уровня развития двух стран. Однако при большом количестве объектов анализ матрицы расстояний затруднителен и следует использовать математический аппарат многомерного анализа данных.

В 1911 г. польский антрополог К. Чекановский предложил стратегию структурной классификации, основанную на выделении компактных групп объектов⁶¹. В 1939 г. в Лондоне и Нью-Йорке была опубликована книга Р. Триона (R.G. Tryon) «Кластерный анализ»⁶². В начале 1950-х годов

61. *Czekanowski, J.* Objectiv kriterien in der ethologie. Korrespondenz-blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie, und Urgeschichte. 1911. № 42: 1–5.

62. *Tryon R.C.* Cluster analysis. – London: Ann Arbor Edwards Bros, 1939; Tryon R.C. Cluster Analysis. New York: McGraw-Hill. 1939.

появились публикации Р. Льюиса (R. Lewis), Е. Фикса и Дж. Ходжеса по иерархическим алгоритмам кластерного анализа. Однако настоящий кластерный «бум» начался с 1970-х годов в связи с развитием компьютерной техники⁶³. В это же время кластерный анализ получил широкое распространение и в нашей стране⁶⁴.

Кластерный анализ не требует априорных предположений о наборе данных, не накладывает ограничения на представление исследуемых объектов, позволяет анализировать показатели различных типов данных (интервальных, частотных, бинарных и др.). Однако выбор переменных должен отвечать задачам исследования.

В настоящее время кластерный анализ включает в себя более 100 различных методов и алгоритмов. Они подразделяются на иерархические и неиерархические. Иерархические методы, в свою очередь, подразделяются на агломеративные (Agglomerative Nesting, AGNES) и дивизимные (делимые) методы. Агломеративные методы состоят в последовательном объединении исходных объектов и соответствующем уменьшении числа кластеров. Дивизимные методы подходят к совокупности объектов как к одному кластеру, который на последующих шагах разделяется на меньшие кластеры.

Неиерархические методы заключаются в разделении набора данных на определенное количество отдельных кластеров. Существует два подхода. Первый заключается в определении границ кластеров как наиболее плотных участков в многомерном пространстве исходных данных, т.е. определение кластера там, где имеется большое сгущение точек. Второй подход заключается в минимизации меры различия объектов.

Все эти группы методов и алгоритмов имеют свои области применения, в которых они доказали свою эффек-

63. *Sneath Peter H. A., Sokal Robert R.* Numerical Taxonomy. The principles and practice of numerical classification. W.H. Freeman and Co, San Francisco, 1973.

64. *Мандель А.Д., Миркин Б.Г.* Кластерный анализ и смежные вопросы. Краткий обзор направлений // Автоматика. 1987. № 2. С. 72–82;

тивность. Следует учитывать, что некоторые методы стремятся создавать кластеры определенных форм, даже если в исследуемых объектах таких кластеров на самом деле нет. Поэтому, проводя кластеризацию, следует учитывать особенности избранного метода, чтобы избежать неверных результатов.

Существует также проблема определения числа кластеров. Иногда их число можно определить априорно. Например, в нашем случае заметно, что Россия далека от всех стран СНГ, включая Белоруссию, Украину и Казахстан. Поэтому она образует отдельный кластер. Но в большинстве случаев число кластеров определяется в процессе агломерации (или разделения) объектов.

Важно также учитывать сложность выбора характеристик объектов, на основе которых проводится кластеризация. Необдуманный выбор приводит к неадекватному разбиению на кластеры и, как следствие, — к неверным результатам.

На рис. 1 приведены результаты иерархического агломеративного кластерного анализа стран СНГ, проведенного методом «ближайшего соседа». Согласно этому методу, первоначально каждый объект рассматривается как отдельный кластер. Объединяются кластеры, расстояние между которыми минимально. При каждом объединении производится пересчет матрицы расстояний: строки и столбцы объединенных в кластер объектов вычеркиваются из исходной матрицы, а вместо них появляется строка и столбец расстояний кластера. Эта процедура повторяется до тех пор, пока не будут объединены все кластеры.

Это можно изобразить при помощи дендограммы (рис. 1).

Как видно из данных рисунка, расстояние между Россией и остальными странами СНГ настолько велико, что их можно разделить на два кластера. Если же исключить Россию, то выделятся в отдельный кластер Украина и Казахстан. Без них отдельным кластером становит-

ся Азербайджан, а без него – Белоруссия. Затем идет Узбекистан, а вслед за ним – Туркмения. Без этих семи стран остаются кластеры, состоящие из пар стран: Армения и Молдавия, Киргизия и Таджикистан, Туркмения и Узбекистан, Белоруссия и Казахстан, Украина и Россия.

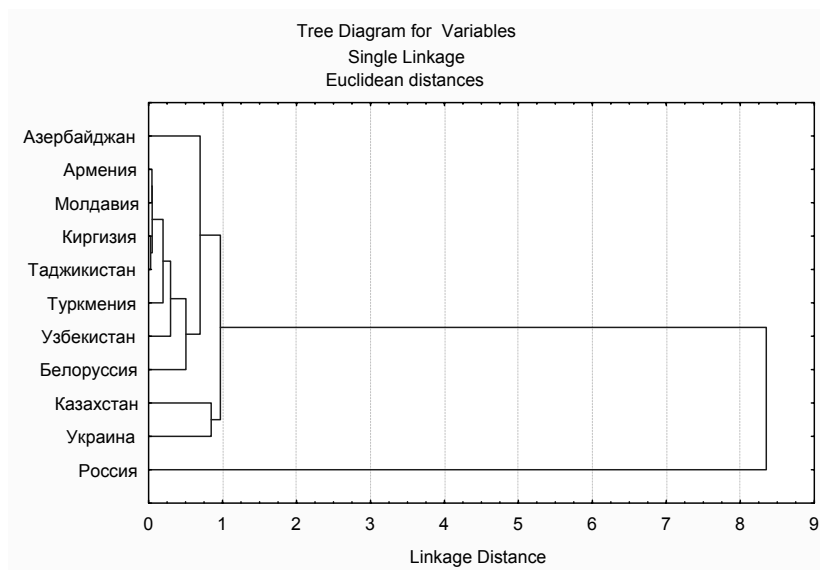

Рис. 1.

Такая картина у нас получилась не только из-за размеров экономик стран, но и благодаря избранному методу кластеризации и отобранным показателям, по которым вычислялись расстояния. Насколько все это соответствует реальному соотношению экономик стран СНГ, мы можем установить, изменив методику расчета и исключив из исходных данных одни показатели, введя в замен другие.

Если, например, мы исключим оборот и сальдо внешней торговли, заменив их на экспорт и импорт, длину железных дорог заменим на протяженность шоссе, а расчет произведем методом взвешенного попарного среднего, то евклидовы расстояния немного изменятся, но в качественном плане картина останется прежней.

Совсем иная картина будет, если мы вместо объемных данных используем относительные. В качестве таковых мы отобрали:

- 1) плотность населения, чел./кв. км;
- 2) доля работоспособных, %;
- 3) ВВП на душу населения по ППС, тыс. долл.;
- 4) производство электроэнергии за год, в квт/ч на душу населения;
- 5) потребление нефти на душу населения, баррелей в год;
- 6) внешнеторговый оборот, в % к ВВП;
- 7) экспорт в отношении к ВВП, %;
- 8) импорт в отношении к ВВП, %;
- 9) сальдо внешней торговли, в % к ВВП;
- 10) внешний долг, в % к ВВП;
- 11) орошаемая земля, в % к территории;
- 12) инвестиции в собственную экономику на душу населения;
- 13) прямые иностранные инвестиции на душу населения;
- 14) длина железных дорог в отношении к территории;
- 15) протяженность шоссе в отношении к территории;
- 16) расходы на образование на душу населения, тыс. долл.;
- 17) производительность труда, тыс. долл.;
- 18) расслоение (индекс Джини);
- 19) доля потребителей интернета, %.

Результаты приведены на рис. 2.

В первый кластер выделяется Азербайджан, который имеет самые высокие показатели доли работоспособных, экспорта и сальдо внешней торговли в отношении к ВВП, доли орошаемой земли, плотности железных и шоссейных дорог. По ВВП на душу населения Азербайджан уступает только России, а по плотности населения – Армении и

Молдавии. По прямым иностранным инвестициям на душу населения Азербайджан значительно обгоняет Россию, уступая только Белоруссии и Казахстану.

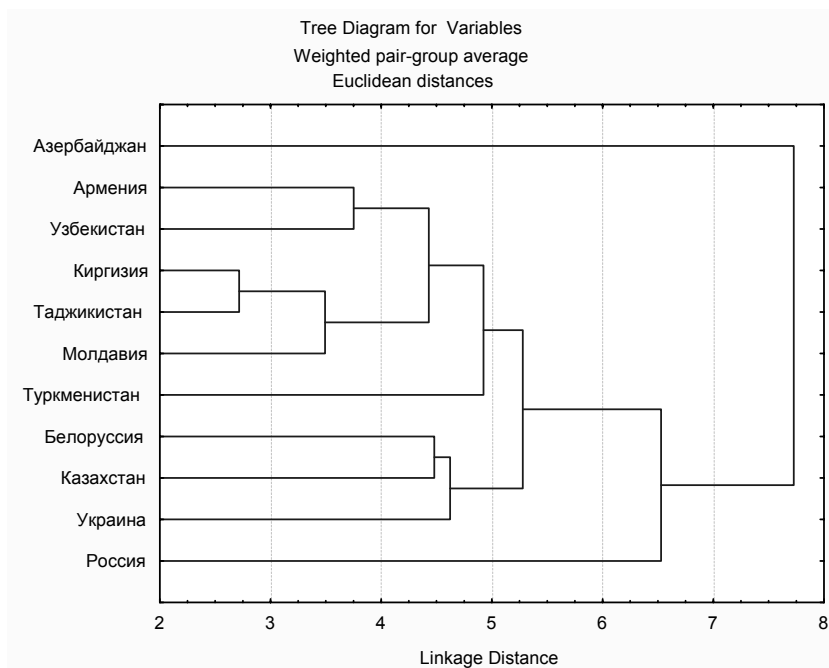

Рис. 2

Однако есть, по меньшей мере, четыре причины, препятствующие использованию евклидовых расстояний при конструировании экономического пространства. Во-первых, многие экспериментальные данные свидетельствуют о том, что для многих удобных мер близости аксиомы евклидова пространства не соблюдается. Особенно часто нарушается правило треугольника. Во-вторых, в отличие от физического пространства экономическое пространство не остается неизменным, а меняет свою конфигурацию со временем. В-третьих, с помощью евклидова пространства невозможно моделировать сложную структуру экономического пространства. В-четвертых, в отличие от «пассивного» эвкли-

дова пространства экономическое пространство «активно». Оно не только среда, в которой существуют экономические объекты, но и полноправный участник экономических процессов.

Идея моделировать объекты с помощью геометрии так, чтобы их сходство описывалось пространственной близостью, восходит еще к И. Ньютону. Однако тогда не было методов анализа данных для построения таких пространственных моделей. И только в конце 1930-х годов группа математиков из Принстонского университета взялась за решение этой проблемы.

В 1938 г. М.У. Ричардсон предложил свой вариант построения пространственных моделей, названный им «многомерной психофизикой»⁶⁵. В 1941 г. ее попытался усовершенствовать и использовать для изучения отношений между государствами Ф.Л. Клинберг⁶⁶. Но в целом эти методы не получили распространения. Они не могли дать гарантии в том, что найденное решение является наилучшим.

Разработанный в те же годы метод Дж. Янга и А.С. Хаусхолдера также оказался непригодным для практики, поскольку мог применяться только в случае достоверных, свободных от ошибок измерения данных.

Наконец, в начале 1950-х годов У. Торгерсон (W.S. Torgerson) разработал приемлемый для практических расчетов метод, получивший название многомерного шкалирования⁶⁷. С конца 1950-х годов многомерное шкалирование получило интенсивное развитие в работах Р. Шепарда (Shepard), Краскэла (Kruskal) и др.⁶⁸.

65. *Richardson M.W.* Multidimensional psychophysics. *Psychol. Bull.*, 1938, № 35, p. 659.

66. *Klingberg F.L.* Studies in measurement of the relations among sovereign states. *Psychometrika*, 1941, № 6, p. 335–352.

67. *Torgerson W.S.* Multidimensional scaling: I Theory and method. *Psychometrika*, 1952, v. 17, N 3, p. 401–419; *Torgerson W.S.* Theory and methods of scalig. New York, 1958.

68. *Shepard R.N.* Stimulus and response generalization: A stochastic model relating generalization to distance in psychological space. – *Psychometrika*, 1957, v. 22, p. 325–345; *Shepard R.N.* Stimulus and response generalization: Tests of a model relating generalization to distance in

Многомерное шкалирование представляет собой набор методов для изучения сходства или различия объектов с помощью пространственных моделей, а также методов для оценки соответствия этих моделей фактическим данным. Созданное для анализа психологических тестов, многомерное шкалирование оказалось полезным и в других областях: антропологии, педагогике, географии, социологии и т.д.

Суть метода такова. На основе выбранной исследователем меры близости составляется матрица парных расстояний между характеристиками изучаемых объектов. Затем на основе этой матрицы строится n -мерное координатное пространство, в котором каждое значение матрицы является точкой с n координатами. Размерность пространства выбирается так, чтобы расстояния между этими точками, определяемые по выбранной мере близости, наилучшим образом соответствовали исходным различиям между объектами. Для построения такого координатного пространства используется аппарат линейной или нелинейной оптимизации. Наконец, вводится критерий качества отображения, называемый «стрессом» и измеряющий степень расхождения между исходными различиями D_{jk} и результирующими расстояниями d_{jk} . Ищется такая конфигурация точек, которая давала бы минимальное значение этому «стрессу». Значения координат этих точек и являются решением задачи.

psychological space. – J. Experimental Psychology, 1958, v. 55, p. 509–523; *Shepard R.N.* The analysis of proximities: Multidimensional scaling with an unknown distance function. I & II. – Psychometrika, 1962, v. 27, p. 125–140, 219–246; *Shepard R.N.* A taxonomy of some principal types of data and of multidimensional methods for their analysis. – In: Multidimensional scaling: Theory and applications in the behavioral sciences, v. I. Theory, New York, 1972, p. 21–47; *Shepard R.N., Romney A.K., & Nerlove S.* Multidimensional scaling: Theory and applications in the behavioral science, v. 1. Theory, New York, 1972; *Kruskal J.B.* Multidimensional scaling by optimizing goodness of fit to a nonmetric hypothesis. – Psychometrika, 1964, v. 29, p. 28–42; *Kruskal J.B. & Wish M.* Multidimensional scaling, Beverly Hills, 1978; Geometric models and Carroll J. D., Chang J. J. Analysis of individual differences in multidimensional scaling via an N-way generalisation of «Eckart – Young» decomposition. – Psychometrika. 1970, v. 35, № 3, p. 283–321; *Johnson R.M.* Pairwise nonmetric multidimensional scaling. – Psychometrika, 1973, v. 38, N 1, p. 11–18; *Indow T.* Applications of multidimensional scaling in perception. – In: Handbook of perception, v. 2, New York, 1974, p. 493–531; *Holman E.W.* Completely nonmetric multidimensional scaling. – J. Mathematical Psychology, 1978, v. 18, p. 39–51.

Методы многомерного шкалирования могут использоваться для определения размерности экономического пространства; поиска латентных (т.е. скрытых, непосредственно ненаблюдаемых) переменных, объясняющих структуру расстояний (различий) между экономическими объектами; сжатия исходного массива данных с минимальными потерями в их информативности.

В экономике число анализируемых объектов n велико: порядка нескольких сотен или тысяч. Поэтому исходные данные представляются квадратной матрицей попарных различий большой размерности ($n \times n$). Решение задачи многомерного шкалирования позволяет перейти от формы исходных данных типа «объект – объект» к более удобной для изучения форме исходных данных типа «объект – свойство», одновременно сократив объем массива исходных данных с $n \times n$ до $n \times k$, где k – число латентных переменных, объясняющих дифференциацию объектов. Число таких переменных совпадает с размерностью пространства, которая намного меньше числа n .

Независимо от того, какого типа задача решается, многомерное шкалирование всегда можно использовать как инструмент наглядного представления (визуализации) исходных данных. Это значительно облегчает понимание экономической действительности.

Вернемся к матрице, приведенной в табл. 3. Чтобы определить по этой матрице размерность пространства, необходимо установить, сколько линейно независимых строк (или столбцов) она содержит. Строки (столбцы) $\{A_1, \dots, A_n\}$ линейно зависимы, если существуют числа $\alpha_1, \dots, \alpha_n$, хотя бы одно из которых отлично от нуля, такие что $\alpha_1 A_1 + \dots + \alpha_n A_n = 0$. Если же это равенство возможно только при $\alpha_1 = 0, \dots, \alpha_n = 0$, то система рядов называется линейно независимой.

Число линейно независимых строк (или столбцов) матрицы называется ее рангом. Выше говорилось, что в

декартовой системе координат размерность пространства определяется максимальным числом прямых линий, которые можно провести под прямым углом друг к другу через одну и ту же точку пространства. Это число равно рангу матрицы.

Совокупность линейно независимых строк (столбцов) матрицы называется базисом этой матрицы. Множество всевозможных линейных комбинаций строк (столбцов) матрицы называется ее линейной оболочкой. При фиксированном базисе матрицы любой ряд из ее линейной оболочки можно представить в виде линейной комбинации базисных рядов и такое представление единственно.

Таким образом, задача сводится к переходу от матрицы евклидовых расстояний D к матрице линейно независимых осей R , несущих информацию о координатах изучаемых объектов в n -мерном пространстве.

Для расчета матрицы R используются разные методы.

Виртуально-пространственный метод позволяет также извлечь из источников скрытую от непосредственного наблюдения информацию. Для этого можно воспользоваться факторным анализом или методом главных компонент. В основе этих методов лежит представление о том, что множество корреляций между изучаемыми объектами можно объяснить небольшим количеством латентных факторов.

Подвергнем матрицу, приведенную в табл. 3, обработке методом главных компонент. Выделяются три независимые компоненты (координаты) экономического пространства (табл. 4). Остальные компоненты вносят лишь незначительные изменения в виртуальную пространственную конфигурацию стран СНГ.

Чтобы получить из этих компонент корреляцию между странами, надо рассчитать скалярное произведение их значений. Например, корреляция между Россией и Азербайджаном будет равна:

$$D_{ra} = (0,953*0,670)+(0,071*-0,072)+(0,210*0,698) = 0,780.$$

Таблица 4. Компоненты экономического пространства стран СНГ

Страны	Component		
	1	2	3
Азербайджан	0,670	-0,072	0,698
Армения	0,925	0,331	-0,110
Белоруссия	0,680	0,583	0,355
Казахстан	0,828	0,514	-0,131
Киргизия	0,856	-0,472	-0,093
Молдавия	0,808	0,042	-0,535
Россия	0,953	0,071	0,210
Таджикистан	0,864	-0,392	-0,096
Туркмения	0,762	-0,596	-0,063
Узбекистан	0,814	-0,546	0,101
Украина	0,761	0,604	-0,182

Визуальный анализ позволяет интерпретировать эти компоненты (рис. 3).

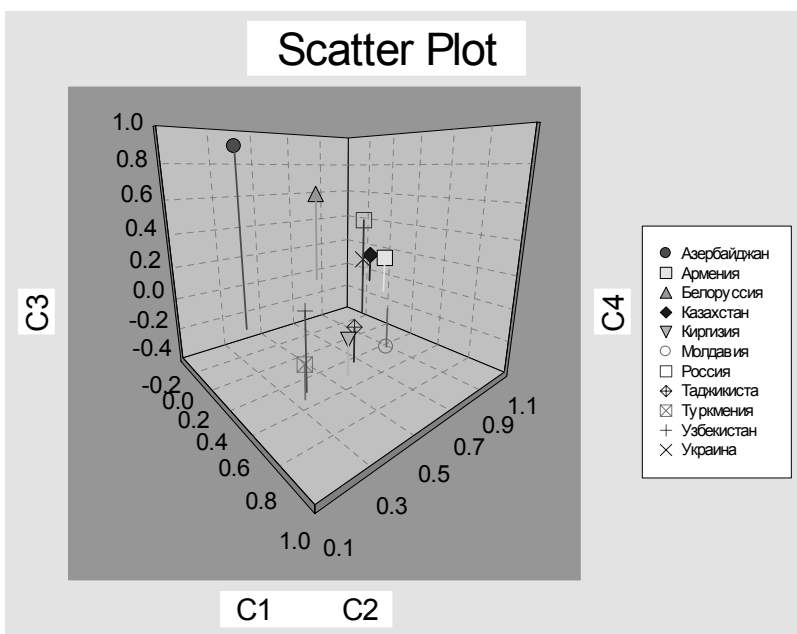

Рис. 3

Первая компонента содержит очень высокие нагрузки по всем странам СНГ. Ее можно интерпретировать как показатель их экономического единства. Самая высокая нагрузка у России, которая является стержневой для всего объединения страной. На втором месте Армения, для которой пребывание в СНГ имеет крайне важное значение для сохранения ее экономики. Самые низкие нагрузки у Азербайджана, который имеет хорошие экономические связи с зарубежными странами, и Белоруссии, из-за постоянных противоречий с руководством России, что отражается на экономических связях двух стран. Единое таможенное пространство пока еще не оказывает на эти связи большого влияния.

По второй компоненте высокие нагрузки имеют Украина, Белоруссия и Казахстан. Это своего рода необъявленный союз самых сильных экономически стран после России, выражающий некоторое центробежное движение внутри СНГ.

Третья компонента содержит высокую нагрузку по Азербайджану, что подчеркивает его особое положение в рамках СНГ.

Таким образом, виртуально-пространственный подход позволяет не только упростить интерпретацию данных, но и получить новое знание, которое содержится в исходных данных только в латентной (скрытой) форме.

Часть II

Историографические
и исторические
проблемы
экономической
компаративистики

Г.Д. Гловели,
д.э.н., зав. сектором истории
экономической мысли
Института экономики РАН

Элементы
компаративистики
российской
экономической мысли
XIX — начала XX в.

Введение

Сравнительный анализ экономических систем как отдельное направление исследований сложился во второй половине XX в. Факторами становления экономической компаративистики стали такие события, как признание жизнеспособности советской плановой системы, или «командной экономики» (победа СССР во Второй мировой войне и возникновение социалистического лагеря); «макроэкономическая революция» в ведущих странах Запада и утверждение «смешанной экономики»; демонтаж корпоративно-тоталитарных западных моделей на основе доктрин неолиберального толка («чистые хозяйственные типы»); распад колониальной системы империализма и опыт (часто неудачный) «догоняющей модернизации» молодых независимых государств; переоценка «традиционных» способов хозяйствования в «третьем мире», основанных на преобладании земледелия и животноводства. Однако перечисленная проблематика не означает, конечно, что в экономической мысли более давнего времени отсутствовали элементы компаративистики. Особенно это касается российской политической экономии, изначально озадаченной проблемами приложимости к национальному хозяйству категорий, выработанных западной наукой, а также оценки последствий внедрения в России западных технологий и институтов.

Уже к началу XIX в. — т.е. ко времени рецепции идей «классической школы» А. Смита и Ж.-Б. Сэя — для россий-

ских государственных деятелей, политэкономов и — добавим — агрономов, стали очевидными неизбежные расхождения (не сводимые к крепостному состоянию русского крестьянства) между западной и российской практикой во всех трех главных сферах народного хозяйства.

В *земледелии* обнаружилось трудности перехода от господствующей и малопродуктивной системы трехполья к хорошо изученным передовыми учеными и хозяевами-практиками (на английском и прусском опыте) высокоурожайным многопольно-плодосменным севооборотам.

В *мануфактурной промышленности*¹ главными организаторами предприятий оказались не городские «средние слои», как на Западе, а землевладельческое дворянство и крестьяне-кустари.

В торговле признание учения А. Смита «руководством в созерцании государственных сил» не сопровождалось отказом от «разума тарифа» (Н.П. Румянцев).

Правда, официальная политэкономия в лице наставника великих князей академика **А.К. Шторха** и камерюнкера **А.И. Бутовского** настаивала на таком отказе. Шторх и Бутовский — либералы в духе французских эпигонов Смита, единственное расхождение с которым допущалось в трактовке производительного труда. Для российских экономистов-царедворцев, разумеется, было неприемлемо уподобление «шотландским мудрецам» деятельности «слуг общества» непроизводительному труду домашних слуг. Критический заряд «Богатства народов» против традиционных сословных иерархий стерся в учении Шторха «о внутренних благах», которое через сочинение француза

1. Стоит подчеркнуть, что понятия «мануфактура» и «фабрика» появились в России одновременно во времена петровских реформ (Смирнов 1910) и употреблялись как синонимы, подразумевавшие обрабатывающую промышленность — «рукодельню» (гл. обр. текстильную), при которой «огонь не занимает первого места» (см. «Толковый словарь» Даля). Различие между мануфактурой как системой детализированного ручного труда и фабрикой как системой крупного машинного производства было введено К. Марксом (1867), в чем, как будет показано ниже, его опередил А.К. Корсак (1861).

Дюнуайе в «обратной транскрипции» превратилось в учение Бутовского о «невещественном капитале».

В своем «*Курсе политической экономии*» (1815), изданном по-французски в Петербурге, Шторх с блеском (гораздо более ярко, чем сам Смит) развил мысль о взаимосвязи богатства наций с резервами углубления труда в разных отраслях и сформулировал — ранее Рикардо! — принцип сравнительных преимуществ во внешней торговле. Но практическим выводом из этих теоретических достижений стала рекомендация «уступления» Россией мануфактурной промышленности и внешней торговли передовым странам.

Шторх отметил весьма интересный признак *распространения цивилизации*: уравнивание прибыли из возделывания земли с целями пропитания людей либо получения корма для скота, т.е. уравнивание рыночных цен на хлеб и мясо. Это уравнивание отражает установление *соразмерности двух главных отраслей сельского хозяйства*: «рост поголовья скота и улучшение земельного фонда есть две вещи, обязанные идти в ногу и не имеющие право опережать друг друга».

Воплощение требуемого равновесия Шторх находил в английской (норфолкской) многопольно-плодосменной системе земледелия: обильное удобрение навозом и чередование культур (пшеница, ячмень, турнепс, клевер) «без пускания земли под пар». Отмечая, что в большинстве губерний России хорошо унавоженные земли занимают не более трети или четверти, а то и двадцатой части угодий, Шторх описал норфолкский плодосменный севооборот в специальном приложении как ориентир «расстояния, которое должна преодолеть Россия», чтобы достигнуть успехов английского земледелия.

Но, несмотря на явное отставание России в культуре «засеивания», Шторх отстаивал торговую специализацию России именно на земледелии. Поскольку российский зерновой хлеб, производимый при господстве оторванной от

животноводства системы парового трехполья, приблизительно в тех же ценах и качестве, что и английский. А вот английские мануфактурные товары гораздо дешевле русских при той же степени добротности. Превосходство передовых наций нагляднее всего проявляется там, где значительно больше эффект разделения труда, — в промышленности и торговле. Отсюда вывод о целесообразности для отсталых стран специализироваться на земледелии, «отдать на откуп» богатым нациям ту часть своей торговли, которую они могут осуществлять с меньшими издержками, т.е. внешнюю торговлю, и покупать у них мануфактурные изделия, производимые по гораздо более низкой цене (Шторх 2008, с. 313).

Что до распространенного в массе русских крестьян сочетания хлебопашества с домашними промыслами, Шторх порицал это явление, считая его не более чем результатом «невежества и искаженного понятия о выгодах» со стороны земледельцев, не желающих уступить заработок ремесленникам и торговцам (там же, с. 115).

О невежестве крестьян, которые «живут *на авось*» (не заботятся ни об улучшении орудий, ни о выборе семян, не сохраняют навоз в кучах), писал и Бутовский в своем «*Опыте о народном богатстве*» (1847), отпечатанном в типографии Е.И.В. канцелярии. Бутовский считал русскую безалаберность главной причиной жалоб на недостаток в земледобрых средствах и сохранения отдельности земледелия (трехпольного) от скотоводства (выгонного). На западе иное — в Германии и во Франции уже рассматривают рогатый скот, мызе или ферме принадлежащий, как необходимую составную часть предприятия, и судят о сметливости земледельца по тому, как он содержит навозную кучу; а в Англии и Голландии «хлев и пашня сливаются совершенно» (Бутовский 1847, с. 402).

Бутовский все же не ограничился констатацией своего «плохого» и иноземного «хорошего», а ввел в постановку вопроса историко-географическую ретроспективу: значение «*сжатой населенности земледельческой*» как эко-

номической основы европейской образованности. Когда оседлая Европа, спасенная Россией от монгольских орд, возмужала и оградилась огнестрельным оружием, уплотнение населения подтолкнуло к соединению земледелия и скотоводства. «Животные перестают блуждать по выгонам; они остаются постоянно заключенные в просторных и к тому приспособленных помещениях, чтобы ни малейшая частица их тука не была потеряна для земли» (там же, с. 394–395).

Но, как и Шторх, указывая на архаичность структуры российского сельского хозяйства, Бутовский отстаивал сохранение зерновой специализации страны во внешней торговле, уповая на «золотое дно» широкой полосы черноземных почв и отрицая целесообразность покровительства отечественной мануфактурной промышленности. Два периода либерализации тарифной политики в России в XIX в. были непосредственно связаны с деятельностью Шторха и Бутовского; влияние первого на принятие недолго сохранившегося тарифа 1819 г. и пребывание второго в должности директора Департамента мануфактур и внутренней торговли (1859–1877) Министерства финансов во время общеевропейской «эры фритредерства».

Альтернативная фритредерству Смита – Сэя и манчестерской школы доктрина «воспитательного протекционизма», сформулированная Ф. Листом, нацеливала экономическую политику на содействие *структурным изменениям* в национальном хозяйстве, переходу на более высокую стадию торгово-промышленного развития. В России в таком контексте вопрос о протекционизме первым поставил в полемике со Шторхом **Н.С. Мордвинов**. В «*Некоторых соображениях по предмету мануфактур в России и о тарифе*» (1815) он доказывал, что России с ее местоположением между Европой и Азией и «многообразием» угодий предназначено быть народом «вместе и земледельческим и ремесленно-фабричным».

Географический аргумент Мордвинов привлек и в

защиту крестьянских промыслов, считая их необходимым подспорьем и источником дополнительных доходов ввиду невольной праздности населения, обусловленной кратким сроком земледельческих работ, и низкой урожайности посевной земли во многих губерниях. Ведь Россия, «оледеневшая в течение почти половины года», «пространна землями по географическому токмо исчислению; но скуднее она всех других государств по площадному содержанию нив, вспахиваемых и засеваемых»; «по числу же земледельцев наших нет державы, где бы так мало зажинаемо было хлеба».

В середине XIX в. обширный материал о влиянии географической среды на своеобразие экономического развития России был собран и осмыслен корифеями отечественной историографии – Н.И. Костомаровым, С.М. Соловьёвым, А.П. Шаповым; а «первооткрыватель» русской сельской общины А. фон Гастгаузен и «первооткрыватель» статистики русских национальных производительных сил Л. Тенгоборский сходились на том, что «подспорные» кустарные промыслы русского крестьянства могут предохранить от «язвы пролетариатства» крупной фабричной промышленности западного типа. Одновременно развернулись многоаспектные споры между западниками и славянофилами о наличии или отсутствии особого «самобытного» пути России. На этом фоне появилась работа, которую можно считать первым в России опытом экономической компаративистики: *«О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России»* (1861) А.К. Корсака.

А.К. Корсак: по ту сторону
западничества и славянофильства

Александр Казимирович *Корсак* (1832–1874), которого М.И. Туган-Барановский считал самым выдающимся

русским ученым-экономистом 1860-х годов, происходил из семьи ссыльнопоселенца-поляка в Томской губернии. Корсак закончил гимназию в Иркутске (1852), учась в одном классе с сыном Сергея и Марии Волконских Николаем (впоследствии сенатором) и получая материальную поддержку от семьи декабриста. Затем Корсак учился в Казанском университете у И.К. Бабста и вслед за ним уехал в Москву, защитив свое исследование как магистерскую диссертацию в Московском университете. Если Бабст был «глашатаем» идей исторической школы в политэкономии в России, то трактат Корсака стал первым оригинальным произведением исторического направления в российской политэкономии.

Свою главную задачу Корсак определил как проверку сложившегося мнения, что сельская (кустарная) домашняя промышленность, как правило, слитная с земледельческим бытом, является своеобразным хозяйственным укладом России, который позволит ей избежать «язвы пролетариатства».

Признавая неодинаковость судеб промышленности у разных народов, Корсак сделал обобщения о различиях западной и российской цивилизаций, *укорененных в географии и истории* и отразившихся в хозяйственном быте.

1. Простор и однообразие российской территории, долгое отсутствие крепкой оседлости и затруднительность торговых сообщений затормозили развитие городской жизни. На обширных лесных пространствах, прорезанных реками и озерами, блуждали звероловы; реки, разливаясь от таящего снега и льда, превращали во многих местах поля в болота, и т.д.; подсечно-огневое земледелие, обеспечивая богатую жатву, толкало к перемене мест (ту же картину «расходчивости» русского населения мы видим в трудах Соловьева, Шапова, Костомарова).

2. Русские города возникали преимущественно из административных и военных соображений; они не стали, как на Западе, самоуправляемыми общинами с сословно-

корпоративным оформлением экономического значения ремесленно-торговых классов и средоточиями богатеющего среднего сословия.

3. Западное ремесло, укрытое за стенами городов, создало традицию *специализированного* и привилегированного, объединенного в цехи ремесленного *мастерства*, гарантирующего качество продукции. Русское ремесло не оформилось в городское цеховое мастерство, не стало достоянием отдельного класса населения с монопольными правами и сословной гордостью; оно рассеивалось среди поселян — без плотных союзов, без каких-либо привилегий и цехового совершенствования навыков.

4. Мануфактуры и фабрики на Западе вытеснили цеховое ремесло, когда благодаря наемному труду достигли соединения качества с дешевизной. Первые мануфактуры, которым трудно было производить *недорогие* изделия, возникали в странах с географически удобным местоположением для привоза заграничного сырья и выгодного экспорта (Италия и Нидерланды) и ориентировались на отдаленный международный сбыт предметов роскоши (прежде всего — тонких сукон и шелков). Позднее, с одной стороны, умножились отрасли «изысканной промышленности» мануфактурного типа под покровительством монархов (особенно во Франции и германских княжествах), а с другой стороны, — из занятий, подходящих по условиям сельской жизни, развилась домашняя система производства наиболее употребляемых изделий из местных материалов. Тем, что домашняя выработка была побочным трудом земледельцев, работавших по заказу скупщиков-предпринимателей, она обеспечивала дешевизну продукции. Таким образом, домашняя система производства не является уникальной особенностью России.

5. Но на Западе в ходе *индустриальной революции* крупная фабрика вытеснила как старое ремесло и мануфактуру, так и домашнюю систему производства, хотя далеко не везде (полностью только в Англии). В России

сельское домашнее производство продолжало распространяться «ничтожными в отдельности, но сильными в массе» кустарными промыслами крестьян. Оно ориентировалось не на качество, а на дешевизну несложных изделий, основная часть которых находила только *отдаленный* сбыт. Поэтому целые деревни, удобно расположенные у больших дорог, становились центрами *оптовых ремесел*. Жители одной деревни целиком занимались кузнечным ремеслом, другой — тележным, третьей — ткацким, четвертой — красивым и т.д.

6. Живучести русской кустарной промышленности способствовали суровые климатические условия холодного и континентального климата. Они препятствовали специализации работников *исключительно* на земледелии, были помехой переходу к улучшенным *плодопеременным* системам полеводства и одновременно, сжимая сроки полевых работ, вынуждали крестьян к поискам дополнительных — помимо земледелия — занятий на срок до 6–8 месяцев и дополнительных источников доходов. Благодаря тому, что крестьяне посвящали «рукоделию» время, свободное от обработки небольшого участка земли, их продукция могла конкурировать с фабричной, дешевизна которой в России часто трудно достижима; кроме того, разнообразие сельских рукоделий часто покрывает иные потребности, чем товары, производимые фабричным способом.

7. Царская власть, вследствие недостатка ремесленных искусств в массах, исстари сводила мастеров в казенные слободы, привлекала иностранцев для промышленных заведений, пока, наконец, Петр I не захотел разом перенести почти все существовавшие в его время на Западе отрасли промышленности на русскую неподготовленную почву. Он насаждал мануфактуры и фабрики «несчастливыми мерами» монополий и отягощением крепостного права с приписными крестьянами. Многие купцы строили «мануфактуры» только для виду, а на самом деле для того, чтобы владеть крестьянами. «На Западе промышленные

заведения стали начатками свободы — у нас они только усилили рабство».

8. В отдельных случаях сельская домашняя промышленность, которую стали называть *кустарной*, благотворно повлияла на крестьянское довольство (село Иваново Владимирской губ., село Вохны Богородского уезда Московской губ. и др.), дала импульс более изощренным занятиям, как, например, изготовление замков в с. Павлово на Оке, выделка сафьянов в с. Ягодном на Волге и т.д. Поэтому, хотя распространенность кустарной промышленности — следствие замедленного экономического развития России, есть основания надеяться на «смешанное» ремесленно-земледельческое состояние русских работников, предохраняющее от скопления населения вокруг огромных фабрик и заводов в городах, где бросаются в глаза темные стороны «рабочего быта бескапитальной массы».

В книге, вышедшей в год падения крепостного права, Корсак лишь однажды упомянул о русской поземельной общине — чтобы высмеять ее «первооткрывателя» А. фон Гакстгаузена, вообразившего, что русские сельские ремесла суть «...ассоциации, которые напоминают собою учение сен-симонистов». Но Корсак не торопился признать фабричную систему с ее воспроизводством многочисленного «класса беспомощных людей, который мы называем пролетариатом», единственно возможной формой промышленного прогресса. Подчеркивая *насильственный* характер образования безземельного пролетариата в крупных странах Запада (Англия, Пруссия) и приводя примеры успешного развития домашней формы производства в малых странах (Швейцария, Швеция), Корсак солидаризовался с «ассоциативными» идеями таких западных прожектеров, как немец Ф. Шульце-Делич (1808–1883) и француз А. Одиганн (1814–1875). Корсак считал осуществимым создание в России новой формы промышленности, которая подтянула бы сельские промыслы к уровню фабричного производства. При условиях: кооперативного объединения для оптовой

покупки материала и для сбыта произведений; устройства показательных общественных мастерских; обеспечения доступного мелкого кредита; борьбы с некультурностью и с паразитическим диктатом посредников-кулаков.

Таким образом, А.К. Корсака можно считать полит-экономом, поднявшимся над крайностями славянофильства и западничества. Заслуживает быть отмеченным также следующее.

1. Корсак первым в русской экономической мысли использовал категорию *индустриальная революция*, заимствовав ее у немецкого химика и социального прожектера Марло (псевдоним К.-Г. Винкельблеха, 1810–1865) и связав воедино различные стороны:

- инновационную – прогресс технологий на основе достижений *механики* и *химии* и расширение кредита;
- технико-экономическую – соединение *многих* рабочих, взрослых и малолетних, вокруг *единой* системы механизмов, приводимых в действие центральной двигательной силой;
- социально-экономическую – урбанизация и пауперизм.

2. Корсак (1861) ранее К. Маркса (1-й том «Капитала», 1867) провел четкое различие между мануфактурой и фабрикой как логическими и историческими ступенями капиталистической промышленности. Более того, Корсак предвосхитил и уточнение, внесенное в анализ генезиса капитализма германской «молодой» исторической школой: ее представитель А. Гельд (1844–1880) показал, что первым типом крупного капиталистического промышленного предприятия была не централизованная мануфактура (рассмотренная Марксом), а система рассеянного надомного производства, организованного скупщиками-предпринимателями.

Дальнейшая судьба А.К. Корсака не сложилась, но его труд был использован и получил высокую оценку в ставших классическими трудах по стадийной истории русской про-

мышленности: М.И. Туган-Барановского «Русская фабрика» (1898) и Вл. Ильина (В.И. Ульянова-Ленина) «Развитие капитализма в России» (1899)². Эти труды увенчали полемику марксистов с легальным народничеством. Народники намечали контуры альтернативной капитализму формы производства по пунктам, близким к тем, что перечислил Корсак, но в отличие от него связывали судьбу этой гипотетической формы с русской общиной. «Неомарксисты» вслед за Корсаком указывали на отсталость кустарной промышленности и, в отличие от него, не видели какой-либо альтернативы городскому крупному фабричному производству. Однако в дискуссии о судьбах капитализма в России была упущена сознаваемая Корсаком связь между географическими особенностями России и трудностями для перехода к улучшенным *плодопеременным* системам полеводства, который сделал на Западе возможным сочетание специализации деревни на сельскохозяйственных занятиях с ускоренным ростом городской промышленности.

«Легальный марксизм»: от «разгрома» народничества к типологии капитализма

По сравнению со спорами западников и славянофилов, либералов и революционных демократов самая громкая дискуссия в российской политэкономии XIX века — между «легальным народничеством» и «неомарксизмом» (определения двух направлений получены каждым из них от противоположной стороны) — замечательна своим конкретно-стадиальным экономическим содержанием. Спор шел не просто о принципиальном сходстве с западным или «самобытности» русского пути развития, а о возможности/

2. Благодаря цитированию Ульяновым-Лениным Корсак не был забыт и в советское время, хотя в приснопамятной многотомной «Истории русской экономической мысли» его имя не упоминается (как, впрочем, и в халтуре-новоделе «Экономическая мысль России в лицах»).

невозможности миновать конкретные *стадии* капиталистической промышленности — мануфактуру и фабрику.

К поиску путей «обхода» этих «средних стадий» призвал Н.К. Михайловский, уповавший вместе с идейными соратниками на унаследованные от российского прошлого институты сельской общины и кустарных промыслов и на общественное служение «критически мыслящей» интеллигенции. Известно, что именно благодаря «легальным народникам» появились русский перевод «Капитала» К. Маркса и категория «капитализм» в обиходном русском языке; и что сам К. Маркс не смог выработать четкой позиции по вопросу, сможет ли община дать России шанс на пути к социализму в «обход средних стадий». Как заметил М.И. Туган-Барановский, российский «ранний марксизм и Маркса как-то укладывал в «особые пути» (цит. по: Клейнборт 2008, с. 206). Этот «ранний» марксизм олицетворяли как раз В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон, приверженцы трудовой теории стоимости и идеологи «народного производства», которых сторонники «основного тождества русского экономического развития с западноевропейским» (Г.В. Плеханов, П.Б. Струве и др.), выступившие как «неомарксисты», окрестили легальными («либеральными») народниками, «субъективистами» и «сисмондистами». Прямым предшественником «неомарксистов был **Н.И. Зибер** (1844–1888), а единомышленником — Ф. Энгельс, оставивший в прошлом допущения Маркса по поводу «общинного» шанса возрождения России и говоривший в начале 1890-х годов, что «шестерня капитализма уже крепко врезалась местами в русскую экономику» (Русанов 1988, с. 72).

Зибер, сказавший как-то Михайловскому: «Пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не будет», — написал два капитальных труда в обоснование положения о несамобытности российского пути развития. В «Очерках первобытной экономической культуры» (1883), привлекая обширный этнографический материал, Зибер доказывал наличие стадии общинно-коллективного

хозяйства у всех народов и неизбежное разложение общины под воздействием прогрессирующего разделения труда. А в книге «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885) – капиталистический характер российских кустарных промыслов как разновидности надомной (рассеянной) мануфактуры. Выделенные Марксом стадии капиталистического способа производства Зибер интерпретировал как необходимую последовательность *естественных фаз*: «Невозможно перескочить из ремесла, помимо мануфактуры, в фабрику» (Зибер 1959, с. 406).

В дискуссиях 1890-х годов «неомарксисты» – как те, которых впоследствии назвали «*легальными марксистами*» (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков), так и революционные социал-демократы (Г.В. Плеханов, Вл. Ильин и др.), – вслед Зиберу доказывали неизбежность и прогрессивность расслоения русской общины и природу российских кустарных промыслов как рассеянной мануфактуры. Причем и дифференциацию крестьянства на бедноту и меньшинство крепких, приспособленных к товарному производству хозяев (П. Струве), и «интересный закон параллельного разложения мелких производителей в промышленности и земледелии» (Вл. Ильин) «неомарксисты» рассматривали как процесс «роста производительных сил».

Наиболее значительным вкладом в экономическую компаративистику из работ «неомарксистов» следует признать докторскую диссертацию М.И. Туган-Барановского «Русская фабрика». Она была полемикой не только с экономистами-народниками, но и с либеральным историком П.Н. Милюковым, снискавшим известность своими работами «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого» (1892) и «Очерки по истории русской культуры» (ч. I, 1896). В них Милюков акцентировал искусственность насаждения «продолжительным и усиленным покровительством» крупной

промышленности в России — «стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и покупателей» (Милюков 1896, с. 84).

Туган-Барановский, возражая Милюкову и народникам, указал на своеобразие эволюции крупной и мелкой промышленности в России. В России не сложилось традиции независимого городского ремесла, выпестовавшей на Западе «средний класс» (мелкую буржуазию). Но в Московском царстве было достаточно крупного торгового капитала, не проявлявшего склонности к вложениям в промышленность, где царило примитивное мелкое производство, но под давлением Петра все же ставшего *базисом, на котором основалось крупное производство*, — инициированные имперским государством фабрики и крупные мастерские (Туган-Барановский 1998, с. 86). И именно в этом крупном производстве, а не в старинных доморощенных промыслах, надо видеть истоки русского кустарничества (наиболее впечатляющий пример — хлопчаткачество села Иванова): «фабрики раздробились в кустарную промышленность». Пока фабрика основывалась на ручном и крепостном труде, с ней успешно конкурировала кустарная изба.

Добавим к сказанному Туган-Барановским, что эта эволюция русской промышленности отразилась в языке. Слово «кустарь» произошло от «обрусения» средненижненемецкого «*kunstener*» — «знаток искусства, ремесла» (Фасмер 2006, с. 432). А знаменитый «Толковый словарь» В.И. Даля приводит характерную фразу, отражающую реальность первой половины XIX в.: «нас кустари одолели, говорят фабриканты». Но с внедрением машин и отменой крепостного права фабричное производство стало вытеснять кустарные промышленные станы.

П. Струве в статье «*Научная история нашей крупной промышленности*» (1898), резюмируя исследование Туган-Барановским генезиса российского капитализма, ввел понятие *децентрализованного товарного производ-*

ства для оценки своеобразия формирования внутреннего рынка в России. Струве считал, что для Запада характерен был процесс роста товарного хозяйства из местных рынков, связывающих городское корпоративное ремесло с сельской округой. А для России – формирование внутреннего рынка на основе оптовых деревенских ремесел, подчиненных действующему на громадной территории торговому капиталу. Искусное и специализированное западноевропейское ремесло технически подготовляло капитализм, но при этом сопротивлялось ему корпоративным правом, ограничивавшим свободу предпринимательства. Российское децентрализованное товарное производство было технически отсталым, но зато свободным от цеховых стеснений предпринимательства: «при крепостном праве полное *laissez faire*, смягченное высоким помещичьим оброком и чиновничьими взятками» (Струве 1903, с. 443).

Вывод о сравнительно-исторических различиях *предпосылок* капитализма на Западе и в России Струве сочел, однако, с мнением о нивелирующей тенденции *зрелой* капиталистической формы производства в разных странах. В нашумевших «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России» (1894) Струве предполагал, что «выучка у капитализма» повлечет достаточно быстрое приближение доли земледельческого населения в России (80%) к таковой в США (40%)³ и российского сельского хозяйства – к американской фермерско-хуторской системе (Струве 1894, с. 240, 253, 281). Однако специальное исследование западного опыта в работах третьего видного представителя российского «легального марксизма» – С.Н. Булгакова – поставило под сомнение унифицирующую тенденцию капиталистического производства.

С задором включившись в полемику с народничеством книгой «О рынках при капиталистическом производстве» (1897), Булгаков был согласен со Струве в том, что нищета

3. Неправомысленность такого уподобления двух стран была отмечена в переписке Ф. Энгельса и Н. Даниельсона (Даниельсон 1967, с. 660, 663).

и бедность «могут быть уречены только капитализмом» и Россия страдает не столько от капитализма, сколько от его недостаточного развития. Монография «*Капитализм и земледелие*» (2 тома, 1900) была задумана Булгаковым как трактат по сравнительному анализу *аграрной эволюции* главных стран Западной Европы, подтверждающему марксистский закон концентрации производства. Однако углубление в проблему привело Булгакова к иным — ревизионистским — выводам.

1. Развитие Англии, вопреки Марксу, не составляет «нормального типа» капитализма. Созданная там самая ранняя форма крупного предприятия была наследием средних веков и результатом насильственной экспроприации крестьянства с превращением мелкого производителя в наемного рабочего, повторившейся отчасти только в Пруссии в первой половине XIX в.

2. Крупное предприятие в сельском хозяйстве не имеет тех технических преимуществ, как в промышленности; «теплицей для крупного земледелия» было «абсолютное» *предкапиталистическое* перенаселение, а с ростом капитализма и «исчезновением свитых крепостным правом гнезд» проявляется тенденция к разложению крупного земледелия в мелкое крестьянское хозяйство.

3. Причина *предкапиталистического* перенаселения — «распрявление пружины» размножения народной массы после отмены крепостного права; раскрепощение сразу увеличивает деторождение и создает, таким образом, абсолютное перенаселение, избыток рабочей силы; сформулированный Марксом закон относительного капиталистического перенаселения Булгаков отрицал, полагая, что самостоятельное значение народонаселения (и перенаселения) как могучего фактора социального развития осталось Марксом непонятым.

Выводы Булгакова по аграрному вопросу, с одной стороны, вливались в течение *аграрного ревизионизма*, получившее на рубеже XIX и XX вв. распространение в

германской и австрийской социал-демократии, с другой стороны, стали переломными в идейной эволюции этого мыслителя от «легального марксизма» к «христианской философии хозяйства». Уже после поворота «от марксизма к идеализму» Булгаков написал для серии «Религиозно-общественная библиотека» *«Краткий очерк политической экономики» (1906)*, где вернулся к критике универсализации английского опыта капитализма и одновременно выдвинул положения, воспроизводящие аргументы российских сторонников «народного производства». Хотя Булгаков не отказался от своих прежних выводов об исторической необходимости фабрично-заводского капитализма в России и об угнетенном состоянии «пасынков капитализма» — кустарей, он соглашался теперь с наличием географических факторов живучести кустарничества и с желательностью «соединения промыслов с земледелием» в будущем хозяйственном строе России (Булгаков 1906, с. 79–81). Наконец, Булгаков признал правоту народников в критике российского *бюрократического капитализма*, насаждаемого казенными заказами в отрыве от внутреннего рынка, а также в акценте на важности внешних рынков на начальном этапе национального капиталистического развития.

Соотношение роли внешних и внутреннего рынков Булгаков принял в качестве критерия разных типов капитализма. Первый тип, «не повторившийся» — английский: страна с островным положением, верховенством на морях, доминирующей ролью в мировой торговле и денежном обороте, «односторонним развитием экспортирующей индустрии за счет земледелия». Второй тип — континентально-европейский (Германия и Франция) с гораздо более значительной ролью внутреннего рынка. Третий тип — североамериканский, «колониальный», с наличием большого массива свободных земель, широкими возможностями населения для заведения собственного хозяйства, «прибоем» иммиграции и рабством негров.

Схема Булгакова, кроме эволюции его собственного мировоззрения, отразила влияние на русскую экономическую мысль новых веяний со стороны германской исторической школы в политэкономии. Десятилетие «полемического вдохновения» и раскола российского «неомарксизма» (1893–1902) совпало с важным поворотным моментом в эволюции германской исторической школы переходом к стадильному анализу. Трактаты К. Бюхера «Происхождение народного хозяйства» (1893) и В. Зомбарта «Современный капитализм» (1902) снискали в России широкую популярность и привлекли пристальное внимание как бывших «легальных марксистов»⁴, так и социал-демократов, обращавшихся к книгам немецких авторов за материалом при разработке марксистской формационной «политэкономии в широком смысле» (А.А. Богданов, И.И. Степанов). Но прямым последователем исторической школы и глашатаем *экономической истории* как отдельной науки стал в России в начале XX в. петербургский экономист И.М. Кулишер, не связанный с «неомарксизмом» конца XIX в.

И.М. Кулишер: сравнение стадий промышленной эволюции стран Запада и России

Историко-экономические труды И. Кулишера (1878–1933), получившие международное признание еще в 1920-е годы (оставшееся на Западе и позднее⁵), были недавно воскрешены из советского забвения, хотя смена знака тенденции в их трактовке едва ли имеет смысл⁶. Не

-
4. «В экономической науке давно не было такого праздника, как когда Бюхер опубликовал свои замечательные этюды» (Струве 1903, с. 427).
 5. Известны высокие оценки, данные работам Кулишера лидерами французской школы «Анналов» (Бродель 1992, с. 9).
 6. В предисловии к современному изданию главного труда Кулишера в противоположность изданию советского Госиздата (1926) говорится: «в первом абзаце нужно поменять минус на плюс: «сочинение это не совсем строго отражает идеологию марксизма, в этом, несомненно, его [сильная сторона]» (Кулишер 2004, с. III).

будучи марксистом и внося существенные коррективы в Марксову оценку «исторической тенденции капиталистического накопления», Кулишер тем не менее согласился с логическим выделением Марксом особой мануфактурной стадии капитализма. Для компаративистики наибольший интерес имеет как раз впервые осуществленное Кулишером развернутое сопоставление мануфактурного периода во всех крупнейших европейских странах. На основе проделанного анализа Кулишер сделал вывод, что в закономерностях экономической эволюции России и Западной Европы больше общего, нежели противоположного. Категоричные обобщения А. Корсака и П. Милюкова о «несчастных мерах» Петра I по искусственному насаждению в России мануфактур с опорой на принудительный труд и привлечение иностранцев не учитывали сходных явлений в Западной Европе.

Кулишер показал, что, во-первых, принудительный труд играл огромную роль не только в русских посессионных и вотчинных, но и в первых западноевропейских мануфактурах, которые — при отсутствии крепостного права — создавались в тюрьмах, приютах и т.п. местах как исправительные «работные дома» (Кулишер 1908, с. 132–134).

Во-вторых, приглашение иностранцев с предоставлением им привилегий было общим правилом для введения новых отраслей. Даже Англия началом своего промышленного лидерства была обязана голландцам и фламандцам, получавшим патенты от короны и внедрявшим производство шерстяных тканей, ярких красок⁷, мыла, селитры, оконного стекла, проволоки, часов с маятником и мн. др. (Кулишер 2004, т. 2, с. 105). Французская промышленность с ее изящным вкусом и красивыми изделиями была создана итальянцами, прусская — гугенотами.

Многочисленные факты инновационного вклада иммигрантов (особенно нидерландских и французских протестантов)

7. Один из самых выдающихся изобретателей XVII в. (подводная лодка, микроскоп и др.) голландец Корнелиус Дреббель, придворный механик первых Стюартов, был оценен за изготовление новой алой краски для сукон.

стантов) в мануфактурную промышленность разных стран Европы интересны в связи с современной проблематикой роли *диаспор* в мировой экономике, по словам Кулишера, — «растекания промышленных элементов населения».

Наконец, Кулишер, отражая общую для исторической школы переоценку меркантилизма⁸, настаивал на пересмотре отрицательных вердиктов государственному вмешательству в промышленность («кольбертизму») как в России, так и в крупнейших континентальных странах Европы.

Кулишер указал на значение в формировании национальных хозяйств тесной связи мануфактурной промышленности — не только централизованной, но и кустарной — с военными нуждами государства. Появление с XVI в. больших европейских армий вызвало расширенный по сравнению с городским ремеслом спрос, но с гарантированным потребителем — государством; а тем самым — массовое производство и новую организацию снабжения, направляемую поставщиками-скупщиками. Отличительными особенностями производства для потребностей армии были однородность вырабатываемых изделий и необходимость скорой доставки их большого количества. Поэтому рядом с производством вооружения и снаряжения развивались не только крупные предприятия, стимулировавшие прогресс металлургии и станкостроения, но и массовое надомное производство форменной одежды, парусины и т.д., ставшее основной формой мануфактурной промышленности даже в рамках французского кольбертизма (Кулишер 2007, с. 87).

Недолговечность же многих субсидированных государством предприятий, по мнению Кулишера, не означала безрезультатности усилий по стимулированию промышленного роста, который следовал с интервалом в несколько десятилетий от меркантилистского правительственного почина. Без петровских реформ не было бы подъема горнозаводских и обрабатывающих отраслей, ставшего техниче-

8. См.: Шмоллер Г. Меркантильная система и ее историческое значение // Научное обозрение. 1901. № 10. Эту переоценку поддерживает Р. Камерон (Камерон 2001, с. 163).

ской основой русского великодержавия при Екатерине II – отвечал Кулишер на вопрос известной полемичной статье Е.В. Тарле «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?» (1910).

Указывая на то, что экстенсивная мощь русской империи в конце XVIII столетия не могла не иметь экономического фундамента, Е.В. Тарле считал «стереотипную фразу о натуральном хозяйстве и экономической зависимости и отсталости России» перенесением на XVIII в. ситуации XIX в., когда Россия в самом деле не поспела за ускорившимся темпом экономического развития сначала в Англии, потом отчасти во Франции и т.д. (Тарле 1910, с. 27). Современник Е.В. Тарле и И.М. Кулишера экономист-аграрник Н.П. Огановский также считал помехой правильному взгляду на историческое развитие форм хозяйства перенесение на них опыта XIX в. Но Огановский ставил вопрос более широко, критикуя историко-хозяйственную систематику К. Бюхера за односторонний подход, «замазывающий» своеобразие хозяйственной жизни прошлых эпох и аграрных стран «яркой краской индустрии, залившей экономическую жизнь Запада в XIX веке» (Огановский 1911, с. 540). В полемике с исторической школой и марксизмом, а также с позитивистским эволюционизмом, Огановский разработал оригинальную теорию аграрной эволюции, ставшую наиболее масштабным вкладом российской общественной мысли в экономическую компаративистику.

Н.П. Огановский: сравнение стадий аграрной эволюции стран Запада и России

Николай Петрович **Огановский** (1874–1938) – земский статистик, кооператор, политический деятель, один из зачинателей российской экономической географии и экономической истории, был выдающимся представителем *обновленного народничества*. Это направление (как

и «старое» народничество) стремилось обосновать некапиталистический путь развития, но не впадало в «капиталистический пессимизм» Воронцова — Даниельсона, выясняя возможные условия — структурные и институциональные — такого роста «рыночности» и индустрии, который в наибольшей степени благоприятствовал бы крестьянскому семейно-трудовому хозяйству.

Взгляды Огановского сформировались во время обследования им в начале XX в. крестьянской общины по земским переписям 250 уездов 30 российских губерний. Собранный материал показал ошибочность расхожих мнений как противников, так и сторонников общинного землевладения; первые абсолютизировали тормозящее влияние общины на аграрные технологии; вторые были неправы в том, что община препятствует расслоению крестьян. Сделанный вывод, что прогресс сельского хозяйства не задан формами земельной собственности, а связан с глубже лежащими особенностями уплотнения населения и развития аграрных технологий, определил направление исследований Огановского, подытоженных в главном труде *«Закономерность аграрной эволюции» (3 тома, 1909—1914)*.

Уточнение, что его поиск «руководящего начала» в истории аграрных отношений ограничен странами умеренного климатического пояса, дает основание отнести Огановского к крупнейшим представителям российской геополитической экономики (Гловели 2009). Сам он выступал от имени *сельскохозяйственной* экономики, критикуя школы *политической* экономики — классическую, историческую и марксистскую. Однако сформировавшаяся в XIX в. в Германии и России школа сельскохозяйственной экономики была ориентирована на крупное частнопредпринимательское земледелие «прусского» типа. Лишь в начале XX в. наметился поворот российской сельскохозяйственной экономики к теории мелкого — но кооперативно объединенного — крестьянского хозяйства. Сказались воздействие

земского народничества и примеры успехов, достигнутых крестьянским хозяйством в странах континентальной Европы (Италии, Франции, Германии и особенно Дании) благодаря различным формам кооперации и вопреки мировому аграрному кризису 1874–1895 гг.

Н.П. Огановский вслед за идейным лидером земского и университетского народничества А.И. Чупровым стремился выяснить различия социальных последствий эволюции сельского хозяйства и промышленности, обусловленные технико-организационными особенностями. Он считал марксистскую схему обобществления труда целиком верной в технико-производственном (*концентрация* разнородных механизированных приемов на мануфактурах и фабриках), но лишь отчасти – в классовом отношении. Процесс концентрации капитала не был результатом дифференциации класса ремесленников: классы капиталистов и пролетариев образовались не внутри этого небольшого по численности класса, «а *над* ним и *под* ним» (Огановский 1909, с. 150). Дальнейшее накопление капитала в индустрии представляет собой «*одностороннюю подвижку вверх*»: увеличение социального расстояния между господствующим и рабочим классом при медленном и неровном повышении благосостояния последнего (относительное, но не абсолютное ухудшение положения пролетариата).

Для сельскохозяйственных же предприятий Огановский считал закономерной тенденцию к средним размерам и к интеграции (а не дифференциации) трудовых операций, но эта тенденция осложнена историческим наследием и земельной колонизацией. Критикуя однофакторную «менювую концепцию» экономического прогресса, выдвинутую германской исторической школой, Огановский построил свою многофакторную теорию экономического прогресса.

Ее ключевыми положениями стали:

- критерий *равновесия* между количеством населения и количеством жизненных средств, доставляемых сельским хозяйством;

- несовпадение эволюции технико-производственных форм с эволюцией *распределения* средств производства, на которую влияют политические и психологические факторы.

Суммируя накопленный сельскохозяйственной экономией XIX века опыт классификации *систем земледелия* по ступеням *интенсивности*, Огановский определил *три* главных *фазы* эволюции сельскохозяйственного производства: 1) доземледельческую, 2) *экстенсивного* земледелия и 3) *интенсивного* земледелия, интегрированного с животноводством.

Доземледельческая фаза – потребление даровых благ природы в лесных (охота, бортничество, речное рыболовство) и степных (тебеневочное кочевое скотоводство) районах. Фаза экстенсивного земледелия проходит два основных периода: 1) *подвижной подсечно-переложной системы* и 2) *оседлого трехполья* с чередованием участков под озимые и яровые злаки и пар. Именно *паровое трехполье* с *консервативным восстановлением плодородия* почвы составило многовековой базис феодального строя Европы с крепостным правом. При незначительности пара как естественного регулятора плодородия земля истощалась и вынуждала к расширению площади пашни за счет пастбищных угодий для скота – к *нарушению равновесия между земледелием и скотоводством*. Равновесие между почти не растущим количеством продовольственных средств, доставляемых трехпольем, и количеством населения поддерживалось в силу высокой смертности из-за войн, усобиц, эпидемий и ограничений на численность крестьянских семей, налагаемых крепостной зависимостью.

Раскрепощение, по мнению Огановского, вызвало резкий прирост народонаселения, который выбил трехполье из многовековой колеи. Пока не был найден путь к интенсификации сельского хозяйства, голод провоцировал аграрные возмущения и революции (в середине XVII в. –

Англия; в конце XVIII в. — Франция; в середине XIX в. — Германия; в начале XX в. — Россия). Интенсификация заключается в исчезновении пара и изменении структуры посевов: к преобладавшим почти исключительно в экстенсивных системах злакам прибавляются кормовые травы, корнеклубнеплоды, бобовые, масличные. Плодородие почвы восстанавливается преимущественно искусственным путем — усиленным удобрением. При отсутствии паров и выгонов кормовые травы вместе с отбросами корнеплодов обеспечивают скоту пищу на круглый год; скот запирается в стойла и начинается эра его качественного улучшения — мясистой, молочности и т.д. Таким образом, при интенсивном — *многопольно-травяном и плодосменном* — земледелии восстанавливается и обеспеченное обилием кормов скотоводство, в свою очередь, содействующее росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений.

Выводы.

1. Одна фаза аграрной эволюции вырастает в другую и вытесняет ее постепенно.

2. Мальтузианский «закон убывающего плодородия» сказывается только тогда, когда не произошла назревшая замена наличной системы полеводства, достигшей своих пределов.

3. Эволюция сельского хозяйства (в отличие от промышленности) сопровождается не упрощением, а *усложнением* приемов (севообороты, обработка, уход за растениями и животными, внесение удобрений).

На эволюцию *систем полеводства* накладываются особенности эволюции *распределения* земли, обусловленные политическими и психологическими факторами.

Становление феодальных отношений с крупным поместным хозяйством, притянутым к монастырским стенам и феодальным замкам, происходило одновременно с переходом населения от подвижной переложной системы к оседлому трехполью; потребность монархов в подвижном

классе профессиональных воинов диктовала привлечение на службу раздачей земель; образовалась лестница власти над землею и над сидящим на ней трудовым населением, которому вменялось в обязанность «кормление» военно-служилого класса, становившегося и классом крупных землевладельцев.

Сельская община первоначально, по мнению Огановского, складывалась на земельном просторе, но когда возможности экспансии перелога были исчерпаны, а политический фактор обусловил *одностороннюю подвижку вверх* — концентрацию земли в высших слоях, «утесненная» община выработала уравнильно-передельный механизм, и крестьянское землепользование застыло на много веков в подворно-чересполосной форме. Общинные леса и выгоны постепенно сокращались в силу, с одной стороны, расширения пашни под трехполье, с другой стороны — захватного землевладения феодалов. С развитием городов и оживлением торговли, особенно международной, феодалы из «пожирателей ренты», часто не очень значительной, стали отчасти превращаться в предпринимателей; этому способствовала реорганизация военного дела с заменой ставших ненужными рыцарей ландскнехтами (наемниками). Исчезновение политического феодализма и формирование абсолютизма с превращением дворянства в придворную знать сопровождалось развитием нового коммерциализированного типа крупнопоместного хозяйства — в форме английского лендлордизма со стадом крестьян с земли ради разведения овец для экспорта шерсти или восточноевропейского магнатства с отягощением крестьян барщиной ради наращивания экспорта зерна.

Особенности эволюции земледелия после начала европейской индустриализации мы считаем уместным свести в таблицу, где слева воспроизведены выводы Огановского, а справа — некоторые дополнения к ним из истории экономических учений.

Дворяне кое-что сделали для перехода к интенсивным системам земледелия, особенно в Англии.	Тот самый «норфолкский» образец севооборота для всей Европы, который описывал в своем «Курсе» А.К. Шторх.
Но в целом крупнопоместное хозяйство, обогащая своих владельцев, усугубляло трудности населения, связанные с истощением экстенсивного земледелия. Еще в начале XIX в. под паром оставались около трети пашни во Франции и в Германии; значительные площади были отведены под охотничьи парки и т.п.	В Германии, где сложились свой вариант многопольно-плодосменного земледелия, его внедрение, как и в Англии, стало поводом для экспроприации земли у крестьян. Крупное частновладельческое («юнкерское») хозяйство «прусского типа» дало начало сельскохозяйственной экономии (А. Тэер, Й.Г. Тюнен).
Прекращение давления политических факторов в пользу крупного нетрудового хозяйства и переход борьбы между неразмержными формами землевладения в чисто экономическую плоскость упрочили тенденцию «стягивания к середине».	С.Н. Булгаков эмоционально приветствовал продажу прусских юнкерских владений «взрадробь» вследствие того, что они не могли удерживать рабочей силы после экспансии дешевого заокеанского хлеба и стали проигрывать крестьянскому хозяйству.
В течение XIX столетия урожайность в Европе повысилась в среднем в 2 – 2,5 раза (после почти 1000-летнего колебания вокруг одного и того же уровня); исчезли резкие подъемы и падения урожаяев, зависимость от капризов климата и страх голода.	Рост урожайности стал следствием внедрения травосеяния, плодосмена, минеральных туков (Чупров 1907, с. 80). По урожайности пшеницы с единицы площади Россия в нач. XX в. уступала странам Европы минимум в 2,5 раза (Дании – в 4) (Озеров 1909, с. 6).
<i>Демократизация</i> парламентарного законодательства в Западной Европе – решение с.-х. союзов; завоевание крестьянством при помощи <i>кооперации</i> денежного капитала и кредита, доступного ранее только крупным владельцам, благоприятствуют реализации преимуществ среднеразмержных крестьянских хозяйств.	Законы о синдикатах во Франции (1884) и о товариществах в Германии (1889) содействовали росту в этих странах с.-х. кооперации, развивавшейся также в Англии, Италии и особенно Дании, которую в России рассматривали как страну «мелких фермеров», «крестьянских товариществ» и образец для подражания.

Если во всей Европе к началу XX в. утвердилось интенсивное многопольно-плодосменное земледелие, то в России продолжало господствовать «выбалтывающее землю» трехполье⁹. В объяснение этого Огановский на первый план выдвинул два фактора: давление внешнего рынка (доминирование зерновых в экспорте) и обширная внутренняя колонизация, делавшая возможной «попятную» эволюцию к преобладанию экстенсивного земледелия.

9. За исключением западных – остзейских и привислинских – губерний (см. Карышев 1894).

Выделяя вслед за В.О. Ключевским 5 периодов русской истории как истории *колонизации*, Огановский конкретизировал эти периоды по типам полеводства и распределения земель (Огановский 1909, с. 24–25). В киевский период (1) экстенсивное переложное земледелие постепенно стало в преимущественно лесопромышленное хозяйство, служившее основным источником первоначального накопления *движимых* капиталов в руках господствующих классов; в верхневолжский период (2) богатство стало определяться преимущественно *земельным захватом*; в московский период (3) произошло окончательное обособление замкнутых сословий крестьян и нетрудовых землевладельцев, трехполье вытесняло перелог, и экстенсивное земледелие распространялось на захваченные территории Поволжья и Прикамья; в имперско-дворянский период (4) крупное товарное помещичье хозяйство использовало возможности нового крымско-новороссийского колониационного пояса; в предреволюционный период (5) трехполье окончательно исчерпало себя в великороссийском центре («перепаханность» угодий, «оскудение»), но колонизация продвинулась в новый пояс – на Северный Кавказ, в Сибирь и Среднюю Азию.

«Самобытность» русской истории в сфере сельскохозяйственного производства и распределения выразилась в том, что *простор* колонизируемых земель растянул на дополнительные периоды три фазы аграрной эволюции. Колониационный размах, разреживая население и создавая вовлечением новых и часто более производительных почв широкие возможности для экстенсивных форм вплоть до возвращения к залежи, консервировал трехполье.

В том же направлении действовал и фактор внешнего рынка – наращивание экспорта зерновых. Торговый капитал брался охотно лишь за сбыт тех продуктов, которые не требовали забот и расходов по хранению и первичной переработке. В районах Черноморско-Каспийского кольца – Новороссии, Нижнем Поволжье и Северном Кавказе –

посевные площади в конце XIX — нач. XX в. быстро росли и давали с каждой десятины в 2–3 больше валового сбора, чем в остальной России. Но эти результаты достигались за счет ускоренного развития хищнического зернового хозяйства, основанного почти исключительно на выращивании двух злаков — пшеницы и ячменя — с ориентацией на мощное расширение внешнего сбыта. Небывалый нигде в Европе засев более 90% площадей одними зерновыми культурами все более усугублял неравновесие между земледелием и животноводством, — отбирая у скотоводства не только ячмень, но и ценные концентрированные корма (жмыхи). Одновременно далеко зашло несоответствие между отсталой системой земледелия и быстрым ростом населения за полвека после отмены крепостного права (Огановский 1914, с. 13).

Исправление сложившейся ситуации Огановский связывал с демократизацией политической жизни России; сельскохозяйственной помощью населению для превращения в систему тех «обрывков» интенсивного земледелия, к которым подталкивает крестьян уплотнение населения; «оборудованием транспортного дела» правительством и изменением внешнеторговой политики для структуры экспорта в пользу интенсивных культур и продуктов животноводства.

В определении насущных задач аграрно-экономической мысли — составление *«организационного плана крестьянского хозяйства»* и организация сбыто-снабженческой кооперации для борьбы с паразитарным посредничеством хищнического торгового капитала — Огановский был един с экономистами-кооператорами организационно-производственной школы, вместе с ними работал в Лиге аграрных реформ, вместе с А.В. Чаяновым редактировал «Статистический справочник по аграрному вопросу» (1917). Обоснованную позднее Чаяновым концепцию некапиталистической вертикальной концентрации сельского хозяйства («кооперативной коллективизации») можно рассматривать

как конкретизацию вывода Огановского о том, что в собственно сельском хозяйстве средние предприятия обладают преимуществами в интенсивности и выгоды; но техническая *переработка* сельскохозяйственной продукции и *элементы обмена* (кредит, сбыт, покупка) подчинены закономерностям концентрации. Но, как и Чайанов, Огановский рассчитывал, что концентрации в сельском хозяйстве и смежных с ним отраслях можно придать не крупнокапиталистическую, а кооперативную форму.

Политическая деятельность Огановского как энеса и эсера, члена Предпарламента и Учредительного собрания привела к остроконфликтным отношениям с Советской властью, за которыми последовало примирение и десятилетие (вплоть до пресловутого процесса ТКП) деятельности Огановского как «спеца»-профессора, читавшего первый в Московском университете курс экономической географии. В послереволюционных работах – наиболее отчетливо в книге «Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке» (1924) – Огановский дополнил свою концепцию экономического прогресса включением в нее категории *устойчивого развития производительных сил*. Ее можно считать предвосхищением концепции перехода к самоподдерживающемуся (*sustainable*) экономическому росту, выдвинутой в рамках теорий модернизации во 2-й половине XX в. (Нуреев 2008, с. 41–46).

Огановский показал, что интенсификация земледелия на основе многопольно-плодосменных севооборотов, начавшаяся в Нидерландах и Англии и охватившая к концу XIX в. всю Западную Европу, не только восстановила утраченное при трехполье равновесие (соразмерность) между земледелием и животноводством, но стала *необходимой агротехнологической предпосылкой* индустриализации и перехода к поступательному расширенному воспроизводству. Многополье обеспечило продукты для откорма скота (кормовые травы, бобовые, турнепс, свекловичный жом) и для продажи в качестве промышленного сырья

(свекла и картофель). Скот благодаря увеличению количества кормов стал объектом селекции (50-пудовые свиньи, высокоудойные коровы и проч.) и источником товарной мясомолочной продукции для растущего промышленного населения городов. Город с его индустриальными предприятиями принимал избыточное сельское население и, предъявляя растущий спрос на продукцию плодосменного земледелия, давал необходимые для интенсификации усовершенствованные с.-х. машины, искусственные удобрения, для развития — транспортно-складскую сеть, кредит и т.д. Чередование посевных культур прекратило «выбалтывание» земли, а применение минеральных туков — повысило ее плодородие; в свою очередь, обеспеченное обилием кормов скотоводство содействовало росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений.

Но описанный механизм *прямых и обратных рыночных связей* как *внутри* сельского хозяйства, так и *между* его главными секторами и городской промышленностью, не мог сложиться в России, где удерживалось господство трехполья. Зачинатели российских экономико-географических и экономико-геополитических концепций В.П. Семенов-Тянь-Шанский и П.Н. Савицкий отмечали невозникновение интенсивного земледелия в России (Семенов-Тянь-Шанский 1928, гл. XVIII) и «неизбывное трехполье» (Савицкий 1997, с. 336) на ее территории как важнейшее цивилизационное отличие от Западной Европы.

Формационный подход марксизма полностью проигнорировал выясненное Огановским всемирно-историческое значение агротехнологических изменений в Западной Европе, обеспечивших процесс связного роста интенсивного сельского хозяйства, «рыночности» и индустрии — и отрыв западной индустриальной цивилизации от остального мира. Эти изменения были отмечены представителями исторической школы за пределами Германии (англичанин Т. Роджерс, француз П. Манту, И. Кулишер), но их подход был чисто фактографическим. Опираясь на рабо-

ты историков-экономистов, А. Маршалл в приложении к своим «Principles of Economics» возводил истоки экономического лидерства Англии не только к завоеванию первенства в океанической торговле, но и к «сельскохозяйственной революции»: повсеместное использование турнепса и клевера (т.е. многопольно-плодосменных севооборотов) и систематическое улучшение пород мясомолочного скота благодаря «гению» селекционера Р. Бэйкуелла (Маршалл 2007, с. 696).

На наш взгляд, концепция Огановского в методологическом отношении является вершиной исторического направления в политэкономии. Она нашла подтверждение в двух крупных достижениях конца XX в. — разработки С.В. Онищук концепции «преодоления компенсационного барьера для увеличения доли несельскохозяйственного населения» (Онищук 1995) и обоснования Л.В. Миловым природы крепостного права и общины на Великой русской равнине как «компенсационных механизмов выживания» (Милов 1998). Онищук, не зная о своем предшественнике, углубил во всемирно-историческом контексте предложенную Огановским аграрную типологию по критерию степени *интеграции* (дезинтеграции) *земледелия с животноводством*. Милов, поставивший в центр своего исследования *судьбы паровой системы земледелия* и сделавший вывод, что жители Великой русской равнины были резко ограничены в возможностях интенсификации агропроизводства, уделил внимание и наступлению пашни на пастбище (включая ковыльные степи) как причине недоразвития продуктивного скотоводства в России.

Хотя Огановский преувеличивал преимущества «среднеразмерных» хозяйств и значимость оборотного капитала в сельском хозяйстве, правильность указанного им критерия агротехнологического прогресса — переход от экстенсивных систем к интенсивным формам, *интегрирующим* обработку земли и животноводство, — подтвердила «вторая аграрная эволюция» XX в. (Ван дер Вее 1994, с. 71–72).

Наконец, концепция Огановского представляет большой интерес в свете перспектив развития — особенно применительно к России — мир-системного анализа, наиболее мощного современного направления сравнительных историко-экономических исследований. Теоретики МСА уделяют главное внимание проблемам торговой, промышленной и финансовой гегемонии. Вместе с тем они отмечают, что одним из главных преимуществ стран европейского северо-западного «ядра» в возникшей капиталистической мир-системе было достижение *разнообразия сельскохозяйственной специализации* (Валлерстайн 2001, с. 37). А «сползание в периферию» Российской империи, вошедшей в мир-систему «при шпаге» полупериферийной великой державой (Валлерстайн 1996, с. 38), проявлялось в наращивании *одностороннего зернового экспорта* (Кагарлицкий 2004, с. 301). Но, как следует из работ Огановского, разнообразие западноевропейского «ядра» и односторонность российской сползающей «полупериферии» в сельском хозяйстве были результатом интенсификации земледелия и интеграции с животноводством в первом случае и неравновесия экстенсивной «несчастной трехполки» с «горемычным» животноводством во втором случае.

Остается добавить, что значение перехода к интенсивному интегрированному агропроизводству для установления самоподдерживающегося экономического роста проигнорировано во всех отечественных сумбурных учебниках экономической истории, а в единственном переводном вскользь упомянуто в одном абзаце (Камерон 2001, с. 209). Поэтому представляется целесообразным научное переиздание фундаментального труда «Закономерность аграрной эволюции» Н.П. Огановского и других его работ.

Библиография

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Время мира. М.: Прогресс, 1992. Т. 3.

Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. М.: Тип. и лит. В.А.Тиханова, 1900. Т. 1–2.

Булгаков С.Н. Краткий очерк политической экономии. М.: Тип. А. П. Поплавского, 1906.

Бутовский А.И. Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. СПб.: Изд. Е.И.В. канцелярии, 1847. Т. 1.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2100 // Свободная мысль. 1996. № 5.

Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука, 1994.

Гловели Г.Д. Теория аграрной эволюции Н.П. Огановского и геополитическая экономия исторического процесса // Вопросы экономики. 2009. № 2.

Даниельсон Н.Ф. Письма К. Марксу и Ф. Энгельсу // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967.

Зибер Н.И. Избранные социально-экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1959. Т. 1.

Камерон Р. Краткая экономическая мира от палеолита до наших дней. М.: РОССПЭН, 2001.

Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004.

Карышев Н.А. Земледелие (экон.). Системы хозяйства // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894. Полутом 23.

Клейнборг Л.Н. Встречи. М.И. Туган-Барановский // Неизвестный М.И. Туган-Барановский / Под ред. Л.Д. Широкограда, А.А. Дмитриева. СПб.: Нестор-история, 2008.

Корсак А.К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М., 1861.

Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум, 2004.

Кулишер И.М. Крупная промышленность в XVII и XVIII веках: Франция, Германия, Россия // *Анналы экономической и социальной истории*. М.: ИД «Территория будущего», 2007.

Кулишер И.М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. СПб.: Типолит. А.Г. Розена, 1908. Т. 2.

Маршалл А. Основы экономической науки (Антология экономической мысли). М.: ЭКСМО, 2007.

Милов А.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб.: Мир божий, 1896. Ч. I.

Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008.

Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1909. Т. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции.

Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1911. Т. 2. Очерки по истории земельных отношений в России.

Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. М.: Задруга, 1914. Т. 3. Обновление земледельческой России.

Огановский Н.П. Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке. М.: Изд-во ВСНХ, 1924.

Озеров И.Х. Атлас диаграмм по экономическим вопросам. Вып. VIII. Россия в мировой семье. М., 1909.

Онищук С.В. Исторические типы общественного производства. Политическая экономия мирового исторического процесса. М.: ИФВА РАН, 1995.

Русанов Н.С. Мое знакомство с Энгельсом // *Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе*. М.: Политиздат, 1988. Т. 2.

Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.—Л.: Госиздат, 1928.

Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. № 2.

Струве П.Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894.

Струве П.Б. На разные темы. СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902.

Тарле Е.В. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной // Русская мысль. 1910. № 5.

Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1998.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель АСТ, 2006. Т. 2.

Чупров А.И. Мелкое земледелие и его основные нужды. СПб.: Изд. Г.Ф. Львовича, 1907.

Шторх А.К. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М.: ИД «Экономическая газета», 2008.

А.В. Мамаев,
к.и.н., ст. научный сотрудник
сектора экономической истории
Института экономики РАН

Опыт Пруссии и Англии
в планах реформы
муниципальных финансов
в России к 1917 г.

Накануне революции 1917 г. одним из наиболее острых для городского самоуправления был вопрос о реформе городских финансов. К началу революции заметным стало несоответствие между увеличившимся масштабом деятельности, требующим значительных финансовых средств, и узкой налоговой базой самоуправлений.

Согласно Городовому положению 1892 г. основой городских финансов должен был стать оценочный сбор с недвижимых имуществ, дополнительный сбор с промышленных свидетельств, с трактиров, извозного промысла, экипажей и ряд подобных мелких сборов. Размер оценочного сбора был ограничен 10% с доходности или 1% стоимости. Помимо оценочного сбора с недвижимости в пользу городов взимался аналогичный сбор в государственный и земский бюджеты, что сужало финансовую базу муниципалитетов. На городские кассы при этом были возложены обязательные государственные расходы по воинско-квартирной повинности, содержанию правительственных учреждений, общей полиции и тюрем в пределах муниципалитетов.

Доходы муниципальных бюджетов к 1917 г. можно разделить на ряд групп: доходы общественно-правового характера (налоги, сборы, пошлины); частно-правового характера (от городских имуществ и предприятий); пособия из казны; доходы от займов, специальных капиталов, возврат расходов; прочие поступления. На практике значимость оценочного сбора и вообще поступлений общественно-правового, налогового характера в бюджетах российских городов постепенно падала. Большинство горо-

дов проводили политику муниципализации, в результате чего муниципальные предприятия начали приносить существенный доход. В 1912 г. доходная база городских бюджетов в России складывалась в основном из неналоговых поступлений. Доходы от городских предприятий составляли 31% муниципальных доходов 971 города Российской империи в 1912 г., пособия и возврат расходов — 23,7%, доходы от городских имуществ и оброчных статей — 17,8%, в то время как оценочный сбор с недвижимого имущества давал лишь 14,2%, сбор с торговли, промыслов — 5,8% бюджетов¹.

Современники и даже само правительство признавали, что положение с коммунальными финансами в России близко к кризисному².

Очевидным способом улучшения ситуации в сфере муниципальных финансов считалось принятие законодательных мер. Экономисты и общественные деятели активно участвовали в обсуждении планов муниципально-финансовых преобразований, подготовке законодательных проектов. В качестве основы рассматривался зарубежный опыт.

В Европе сложились две базовые модели организации местного самоуправления: англосаксонская и континентальная. Континентальная модель характеризуется высокой степенью влияния государства на местное самоуправление и наличием у государства значительных контролирующих функций, возможностей вмешиваться в деятельность местных органов власти. Англосаксонской модели свойственна высокая степень независимости от центральных органов власти, наличие большого количества специфических демо-

-
1. *Архипкин И.В.* Местное самоуправление в России: историко-экономический аспект. М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2010. С. 136; Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 г. Департамент окладных сборов. Министерство финансов. Пг, 1917. С. XXXI — XXXII.
 2. Труды Первого Всероссийского Съезда представителей городов по вопросам улучшения городских финансов. Киев, 1914. С. 323; Навроцкий В. Закон 5 декабря 1912 г. об улучшении земских и городских финансов. СПб., 1913. С. 74 — 75.

кратических институтов (комиссии, собрания местных сообществ, прямая законотворческая инициатива и пр.). Городское самоуправление при этой модели представляет собой как бы «государство в государстве» со своими независимыми финансами, законами³.

Финансовая база местного самоуправления в Англии основывалась на реальных налогах: в первую очередь налогах с недвижимых имуществ, также поступали средства в виде доходов с городских имуществ и предприятий, налогов с доходов и капиталов, квартирного налога, штрафов, взысканий, сборов на бедных, школьного сбора, акцизных лицензий, дотаций и субвенций. Финансовые операции могли производиться муниципалитетами независимо от административного контроля, за исключением вопросов о займах и отчуждении имуществ. Английские муниципалитеты не пользовались подоходным налогом, доходы от него шли государству.

В Пруссии коммунальные финансы покоились на обложении недвижимой собственности, промысловом обложении, доходах с городских имуществ и предприятий, добавочных налогах к государственным (подоходному, промысловому), косвенных налогах, дотациях и субвенциях⁴. Прусское законодательство о коммунальных финансах 1893 г. исходило из того, что основой местных бюджетов должны быть реальные налоги. Передача реальных налогов городам в Пруссии не означала отказа муниципалитетов от взимания надбавок к государственному подоходному налогу, наоборот, города превратили этот налог «...в одно из главнейших орудий своего денежного хозяйства». На практике соотношение поступлений от реальных и личных налогов было примерно равное, причем никакой верхней границы для этих налогов законодательно не было установлено, однако если ставки повышались

3. Саначев И.Д. Сравнительный анализ моделей местного самоуправления в России, США и Западной Европе. Владивосток: Изд-во ВГУЭС. 2004. С. 56.

4. Протопопов Д.Д. Спутник городского гласного. Пг., 1917. С. 44, 46.

сверх определенного предела, на это требовалось согласие правительства.

Исследователи пристально изучали успехи и неудачи в муниципальной практике крупнейших и наиболее развитых государств Западной Европы, особенно Германии⁵, что давало возможность сравнения приобретенного за рубежом опыта с точки зрения применимости к российским реалиям. Как отмечал М.А. Курчинский, «...Пруссия представляет собой ту страну, к которой невольно обращаются взоры исследователя, как только речь заходит об изменении финансового строя общинной жизни...»⁶.

Вопрос о разработке реформы городских финансов приобрел актуальность в связи с планами общей реформы городского самоуправления, которые с начала XX в. вынашивались правительством, либеральной общественностью, городскими думами и партиями, представленными в Государственной думе. В 1904 г. правительство открыто заявило о готовности пересмотреть Городовое положение 1892 г. при участии общественности, однако до 1912 г. действия власти в этой сфере были малоактивными. На состоявшемся в 1913 г. Первом Всероссийском съезде представителей городов по вопросам улучшения городских финансов муниципальные деятели во весь голос заявили о неотложной необходимости реформы местных финансов. В 1913–1916 гг. правительство и Государственная дума подготовили проекты нового Городового положения, однако до революции 1917 г. они не были внесены на рассмотрение в Думу⁷.

5. Гензель П. Новейшие течения в коммунальном обложении на Западе. М., 1909; Кулишер И.М. Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. СПб., 1914; Кулишер И.М. Местное обложение в иностранных государствах. Ч. 1, 2. СПб., 1911; Курчинский М.А. Городские финансы. СПб., 1911; Твердохлебов В. Обложение городских недвижимостей на Западе. Часть II. Одесса, 1909.

6. Курчинский М.А. Городские финансы. СПб., 1911. С. XIV.

7. Далина О.А. Проблемы городского самоуправления в деятельности правительства и Государственной думы в начале XX века. Диссертация на соиск. уч. степ.канд. ист.н. М., 2004. С. 161–163.

При разработке реформы использовался в первую очередь опыт Пруссии. Как отмечалось в журнале «Известия Московской городской думы», правительственный проект «...является попыткой осуществить у нас городское самоуправление по прусскому образцу»⁸.

К разработке финансовой части законопроекта о муниципальной реформе, поступившего в комиссию по городским делам Государственной думы в 1916 г., были привлечены такие видные ученые-экономисты, как М.А. Курчинский, В.Н. Твердохлебов, М.И. Фридман, от Общества финансовых реформ были приглашены А.А. Журавлев, М.П. Федоров. Ответственным докладчиком по городским финансам был назначен Л.А. Велихов⁹. После начала революции разработка реформы сосредоточилась в созданной 26 марта 1917 г. Комиссии по местным финансам Сопровождающая реформе местного самоуправления и управления, образованного при МВД. Ее председателем стал В.Н. Твердохлебов, а членами — Н.Н. Авинов, А.А. Журавлев, В.П. Иванов, В.Ф. Караваев, А.А. Никитский, Д.Д. Протопопов, В.А. Ржевский, М.А. Курчинский, И.М. Кулишер. Вопросами реформирования городских финансов в 1916–1917 гг. накануне и после начала революции занимались примерно одни и те же ученые.

Сравнение ситуации с местными финансами в Англии, Германии и в российских муниципалитетах показывало крайнюю недостаточность финансовой базы городов России, высокий уровень централизации средств в казне: так, в Англии размер местных бюджетов составлял 83% от общегосударственного, в Германии — около 50%, в России же лишь 15%. Как делал вывод в своем докладе на Съезде 1913 г. по городским финансам киевский городской голова председатель съезда И.Н. Дьяков: «Если мы допустим, что вышеприведенные цифры бюджетов общин других стран

8. Неволин Я. К вопросу о пруссификации русского городского самоуправления // Известия Московской городской думы. Отдел общий. 1916. № 8. Август. С. 65.

9. Далина О.А. Проблемы городского самоуправления... С. 129–130.

можно принять за сумму неизбежных трат, при которых общинное хозяйство может стоять на должной высоте, то получим... что... бюджеты русских общин должны увеличиться в 6 с половиной раз»¹⁰.

Образцом муниципально-финансовой реформы для председателя съезда городских деятелей 1913 г. И.Н. Дьякова (Киев), Г.Д. Журули (Тифлис) являлась реформа министра финансов Микеля в Пруссии 1893 г., ее положения предлагалось развивать и в России: передача части подоходного, государственного реального и специального обложения в ведение городов, освобождение муниципалитетов от обязательных общегосударственных расходов, земских сборов, субсидирование расходов городов на нужды общегосударственного характера (образование, медицина, общественное призрение). Как отмечал Г.Д. Журули по поводу размера дотаций, «...В Англии и Пруссии в 1902–1903 гг. при массе других благоприятных условий... эти дотации доходили до 27 процентов всех расходов коммун. Очевидно этот размер участия казны в расходах наших городов должен быть выше...»¹¹. Заявил о необходимости дотаций в форме субвенций со ссылкой на опыт Англии и Пруссии и докладчик Н.Ф. Страдомский, кроме того, он предложил отграничить сферу применения дотаций и средств от обложения местного населения. Н.Ф. Страдомский согласился с выводом комиссии по местному обложению Англии (1896–1901 г.) и министерской инструкцией к закону 1893 г. в Пруссии о том, что средства на выполнение общегосударственных потребностей должно давать правительство при большем или меньшем участии городов.

Положенную в основу прусской реформы идею передачи реальных налогов (т.е. налогов с ценности или дохода той или иной вещи, входящей в состав данного податного района в течение определенного промежутка времени,

10. Труды 1-го Всерос. Съезда городов по вопросам улучшения городских финансов. Киев, 1914. С. 18.

11. Там же. С. 18, 139–143.

например, дома, земли, фабрики, торгового предприятия) городам отстаивал на съезде депутат Государственной думы, издатель журнала «Городское дело» Л.А. Велихов. Он критиковал высокие ставки введенного в 1910 г. государственного налога на недвижимые имущества в городах, отмечая, что в Пруссии его совсем не существует, он был всецело передан общинам, в Англии же налог был более чем вдвое ниже российского¹².

Ссылки на опыт Пруссии и Англии приводились для обоснования тезиса о необходимости серьезного увеличения источников муниципальных бюджетов¹³. Так, делегат съезда по городским финансам 1913 г. из Киева Н.Ф. Страдомский рассчитал: чтобы довести расходы русских городов до уровня расходов городов в Германии, необходимо увеличить их бюджеты с 229 млн руб. до 546 млн руб., т.е. в 2,4 раза, более чем на 300 млн руб.¹⁴

Идеи, высказанные докладчиками, были включены в принятые делегатами резолюции Общего собрания Съезда представителей городов. Съезд высказался за предоставление части подоходного налога, который планировало ввести правительство, городским самоуправлениям, отмену предельности обложения городских недвижимых имуществ¹⁵.

Правительство не разделяло в полной мере той возторженности по отношению к опыту Пруссии в вопросе местных финансов, которое наблюдалось в среде городских деятелей. Оно признавало, что в теории при проведении реформы в первую очередь на места следует отдать именно реальные налоги, «...как доступные более других видов обложения самостоятельному использованию местными учреждениями и затрагивающие последние непосредственно...»¹⁶.

12. Труды 1-го Всерос. Съезда городов по вопросам улучшения городских финансов. Киев, 1914. С. 30.

13. Напр., в докладе Г.Д. Журули // Там же. С. 136–137.

14. Там же. С. 144.

15. Там же. С. 188–189, 323–324.

16. *Навроцкий В.* Закон 5 декабря 1912 г. об улучшении земских и городских финансов. СПб., 1913. С. 77.

Однако фактическая ситуация, как полагало правительство, гораздо сложнее. По мнению властей, реформа Микеля в Пруссии 1893 г. оказалась успешной в первую очередь из-за того, что в тот период времени Пруссия находилась «в исключительно благоприятном финансовом положении», а реальные налоги не имели той значимости в бюджете, какая наблюдалась в России. По мнению властей, передать все реальные налоги на места — означало «допустить широкую брешь в государственном финансовом хозяйстве». Сторонникам передачи на места реальных налогов предлагалось вначале подождать первых результатов от планировавшегося введения в России подоходного налога.

Сомнения у правительства вызывала сама концепция того, что местное обложение должно быть построено исключительно на принципе «услуги-возмездия», а государственное — на платежеспособности. Передача реальных налогов на места по прусскому образцу — в виде предоставления органам местного самоуправления права устанавливать обложение — по мнению властей, привела бы к дезорганизации и неуравновешенности¹⁷.

Отдельно правительство рассмотрело вопрос о выделении городам субсидий из госбюджета. Особенно активно система выделения городам субсидий была распространена в Англии, но имела место и в Пруссии. В России практика дотаций городам имела весьма слабое распространение: к 1917 г. городам компенсировалась лишь часть расходов на образование и содержание полиции, войск. В 1912 г. в городах, где было введено Городовое положение 1892 г., поступления из казны составили в среднем 6,5% от их бюджетов¹⁸. В вопросе предоставления пособий от государства российским городам правительство заняло консервативную позицию: выступало против субсидий «на общие нужды» и против расширения «целевых» пособий на определенные

17. *Навроцкий В.* Ук. соч. С. 79, 82–83.

18. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 г. Департамент окладных сборов. Министерство финансов. Пг, 1917. С. XXXI – XXXII.

надобности до тех пор, пока не будет собран «...надлежащий материал и не обсужден в подробности вопрос... о тех потребностях, кои требуют пособий... о размере их и организации...»¹⁹.

Вместо этого правительство в своей записке к законопроекту 1912 г. об улучшении городских финансов предложило обратиться к опыту Англии и Германии в области специального обложения: в Пруссии, Вюртемберге, Бадене и др. немецких городах, в Англии были введены специальные добавочные сборы (Beitrage, в Англии — коммунальные сборы *betterment special tax*) «на покрытие расходов по устройству того или иного... городского предприятия или сооружения, доставляющего особую выгоду владельцам определенных недвижимостей или торгово-промышленных предприятий, например, на устройство канализации, сооружение мостов». Власти отмечали, что такие сборы «имеется уже в виду установить и у нас».

Еще один предлагаемый к введению налог, «значение и справедливость» которого, по мнению правительства, «будут вполне ясны для каждого», — налог на прирост ценности недвижимых имуществ, введенный к 1913 г. более чем в 150 немецких городах (*Wertzuwachssteuer*). Он взимался при приросте недвижимостей в ценности одновременно при переходе имущества, носил прогрессивный характер и учитывал продолжительность владения имуществом. Власти обещали, что предположения об этих новых источниках местного обложения будут представлены в законодательные учреждения²⁰.

В 1916 г. обсуждение предстоящей реформы Городового положения активизировалось. Свой проект реформы городских финансов предложил Комиссии по городским делам Госдумы В.Н. Твердохлебов. Он не предполагал передачу всех реальных налогов городам, как в Пруссии, а разви-

19. *Навроцкий В.* Закон 5 декабря 1912 г. об улучшении земских и городских финансов. СПб., 1913. С. 86–89.

20. Там же. С. 91–93.

вал идею единого базиса налоговой системы государства и местного самоуправления. Проект предусматривал введение самостоятельного оценочного сбора или надбавки к государственному налогу с недвижимых имуществ (с раздельной оценкой земли и строений, с возможностью освобождать строения от налога), надбавки к промысловому и подоходному налогам, квартирного налога, а также получивших распространение в Пруссии налогов на чистый прирост ценности с недвижимых имуществ и специальных сборов с собственников недвижимостей и предприятий, получающих особые выгоды от производимых городом сооружений и улучшений. В.Н. Твердохлебов, по примеру grants to aid и education grants в Англии²¹, отводил в городских бюджетах довольно серьезную роль пособиям от казны, которые должны были устанавливаться согласно особым узаконениям. Их размер должен был устанавливаться в виде определенной доли от производимых городом расходов на соответствующие цели, «причем доля казны в расходах должна быть обратно пропорциональна поступлениям в каждом городе подоходного налога на душу населения»²².

В.Н. Твердохлебов критиковал являвшийся до того времени аксиомой тезис о необходимости передачи реальных налогов городам, составлявший «догмат германской финансовой науки». При этом практика в Пруссии сильно отличалась от теории. Как отмечал В.Н. Твердохлебов, «Прусские коммунальные финансы и после реформы 1893 г. базируются столько же на подоходном налоге, сколько и на реальных — надбавки к подоходному налогу превышают даже поступления от поземельного, домового и промыслового обложения». «Английская система местных налогов, — заявлял В.Н. Твердохлебов, — ...объясняется своеобразными условиями исторического раз-

21. Твердохлебов В.Н. Пособия государства местным союзам. СПб, 1912. С. 5–37, 74–75.

22. Реформа Городового положения. Законодательные материалы // Городское дело. 1916. № 8. С. 397–399; Твердохлебов В.Н. Пособия государства местным союзам. СПб, 1912. С. 88–89.

вития, она крайне нецелесообразна, вызывает в течение столетия всеобщие нарекания, ожесточенную борьбу и требования коренной реформы...»²³. Применение принципа «услуги и возмездия» в городском самоуправлении, как полагал В.Н. Твердохлебов, неверно, потому что «большая часть городских расходов имеют общегосударственный характер», а противопоставление общегосударственных задач задачам местных союзов «звучит анахронизмом». В.Н. Твердохлебов отмечал, что «существующие в большинстве стран реальные налоги не пропорциональны выгодам собственников недвижимости или торговцев от деятельности местных союзов». Экономист пришел к выводу, что нет необходимости в строгом разграничении источников государственных и местных налогов²⁴. С позицией В.Н. Твердохлебова соглашался П.П. Гензель: «Нельзя слепо копировать Микелевскую реформу и вырывать у нашей государственной казны главные существующие источники прямого обложения. Лучше усилить систему дотаций органам местного самоуправления...»²⁵. «...Прусская реформа не оправдала возлагавшихся на нее надежд, — полагал и экономист М.А. Сиринов. — Общины не создали совершенного кадастра для обложения переданных им объектов; они не осуществили принципов равномерности и справедливости в обложении; реформа открыла широкие двери местному политиканству и т.д. Ярче всего провал ее обнаружился в отношении обложения торговли и промышленности». Поэтому рекомендовать такую же реформу для России казалось профессору М.А. Сиринову «делом в высокой степени нецелесообразным». Вместо этого для усиления местных финансов М.А. Сиринов предлагал развивать дотации и субвенции²⁶.

23. *Твердохлебов В.Н.* Финансовые очерки. Вып. I. Пг., 1916. С. 144–145.

24. Там же. С. 145–147.

25. *Гензель П.П.* Перечень мер к немедленному осуществлению в области денежного обращения и государственного кредита // Финансовая реформа в России. Вып. III. Пг., 1917. С. 99.

26. *Сиринов М.А.* Земские налоги. Юрьев, 1915. С. III, VII, 340.

В апреле 1916 г. на заседаниях комиссии по городским делам Госдумы рассматривался и был принят проект о городских финансах, составленный Л.А. Велиховым, отстаивавшим идею разделения налоговой базы городов и государства. Согласно ему в пользу городов должен был быть установлен оценочный сбор, причем параллельно либо государственный налог с недвижимых имуществ в пределах городской черты совсем уничтожался, либо поступления от него передавались в доход городов. В виду тяжелого положения государства комиссия не нашла возможным поднимать вопрос о передаче городам, хотя бы частично, других реальных налогов: промыслового, поземельного²⁷. В целом, проект комиссии по городским делам Госдумы оказался весьма умеренным.

К февралю 1917 г. проблема реформирования муниципальных финансов и пополнения городских бюджетов за счет новых налоговых источников по-прежнему не была решена. В условиях революции 1917 г. вопрос о реформе муниципальных финансов встал еще более остро. Либеральные общественные деятели, экономисты получили возможность в рамках работы в Комиссии по городским финансам при МВД непосредственно заняться подготовкой правительственного проекта реформы, которую города ждали с нарастающим нетерпением.

На VI Съезде Всероссийского союза городов в апреле 1917 г. была принята резолюция на основе доклада А.А. Соколова о реформе городских финансов (в подготовке доклада принял участие П.П. Гензель). В ней была зафиксирована мысль, что «...местным самоуправлениям должно быть предоставлено право на участие в лично-прогрессивных налогах, — общеподоходном и общепоимущественном, а также в дополнительном промысловом налоге и налоге наследственном», кроме того, как полагал А.А. Соколов, «...задача демократических местных само-

27. Городские финансы в Государственной думе // Городское дело. 1916. № 9. С. 430–434.

управлений будет заключаться в развитии обложения земельной ренты и незаслуженного прироста ценности...». Резолюция по проекту А.А. Соколова предполагала либо полностью передать оценочный сбор в пользу городов, отказавшись от государственного налога, либо направить муниципалитетам хотя бы его часть. Во многом проект А.А. Соколова повторял проект В.Н. Твердохлебова.

Особенностью составленной А.А. Соколовым программы Союза городов было предложение направлять средства, полученные в виде определенного процента отчислений от государственного подоходного налога, предполагавшегося общепоимущественного, дополнительного промыслового, наследственного налогов, не непосредственно в города, а в «общеимперский коммунальный эквализационный фонд». Распределением средств в фонде должны были, согласно проекту, заниматься Всероссийский земский и городской союзы²⁸.

Идею создания муниципального эквализационного фонда пропагандировал в России П.П. Гензель. Эти взгляды экономиста основывались на опыте Англии, где в конце XIX в. было создано несколько фондов для выравнивания доходов, получаемых с разных территорий. Так, в 1894 г. был создан Equalisation Fund с целью содействовать выравниванию коммунального податного бремени в Лондоне, крупные средства распределялись государством между местными самоуправлениями на народное образование²⁹. П.П. Гензель полагал, что смягчить муниципально-финансовый кризис могла только дотационная политика государства³⁰. По мнению П.П. Гензеля, демократический парламент мог бы определять из общего размера поступлений от новых личных налогов (подоходного, поимущественного, наследствен-

28. Резолюции, принятые VI Съездом Союза городов. IV. По вопросу о реформе городских финансов (по докладу А.А. Соколова) // Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 43–44. С. 66–67.

29. Гензель П.П. Новейшие течения в коммунальном обложении на Западе. М., 1909. С. 49–52.

30. Там же. С. VI–VII.

ного) сумму ассигнований из центра на нужды местных самоуправлений³¹.

Работа Комиссии по местным финансам Совецания по реформе местного самоуправления и управления при МВД шла довольно медленно, тщательно обсуждался и согласовывался каждый пункт положения о муниципальных финансах. На фоне углубления революции и демократизации самоуправления взгляды членов Комиссии оказались весьма умеренными. Заботясь о сохранении государственных доходов в условиях войны, Комиссия по местным финансам признала неосуществимой передачу самоуправлениям хотя бы некоторых налогов, поступавших в казну. Усилить местные финансы планировалось за счет новых надбавок к государственным налогам, а также путем формирования из части поступавших налогов общегосударственного фонда для распределения его средств между органами местного самоуправления согласно их потребностям³².

Итогом полугодового обсуждения стало принятое Временным правительством 21 сентября Положение о финансах, которое предоставило самоуправлениям ряд новых налогов, среди которых основные: добавочный к государственному подоходному, специальный с городских недвижимостей, квартирный. И.М. Кулишер, участвовавший в разработке этого закона, озвучил взгляды Временного правительства, не решившегося радикально увеличить доходы городов. Как констатировал И.М. Кулишер, правительство решило отказаться от прусского варианта реформы с передачей всех реальных налогов на места. В пользу занятой правительственными экономистами позиции приводились те же доводы, что и в объяснительной записке Министерства финансов и МВД к закону 1912 г.: одного установления государственного подоходного налога было недостаточно для возмещения сумм госбюджета, потерянных из-за отказа

31. Гензель П.П. Перечень мер к немедленному осуществлению в области денежного обращения и государственного кредита // Финансовая реформа в России. Вып. III. Пг., 1917. С. 99–103.

32. Вестник Временного правительства. 1917. 30 мая.

от всех реальных налогов в пользу местных общин. «Мы не находимся в том положении, — полагал И.М. Кулишер, — в котором была Пруссия в 1891 г.»³³.

Передача хотя бы части реальных налогов также, по мнению И.М. Кулишера, была невозможна. Обложение денежных капиталов не имело никакого отношения к местной жизни и муниципальному хозяйству, суммы промышленного налога распределились бы между городами крайне неравномерно, почти все суммы получили бы крупные, столичные города. И.М. Кулишер объяснил и отказ от идеи эквализационного фонда, первоначально одобренной Комиссией: «...налог превратился бы в дотацию, и органы самоуправления лишены были бы возможности использовать его соответственно потребностям и нуждам каждой данной местности»³⁴.

Предпринятые Временным правительством в области муниципальных финансов меры означали, что «...разграничение между источниками государственных доходов и источниками местного обложения, которое провозглашено было в Пруссии... у нас не проводится в настоящее время. Источники доходов в обоих случаях одни и те же — это те же реальные налоги и тот же подоходный налог»³⁵.

Согласно Положению от 21 сентября 1917 г. повышение оценочного сбора было весьма умеренным: в 2 раза — до 20% с доходности или 2% стоимости, переоценка должна была производиться каждые 5 лет.

Изначально Комиссией по местным финансам было предположено вообще не допускать земских и городских надбавок к подоходному налогу, так как государственные ставки и так были слишком высоки, кроме того, обращалось внимание на крайнюю неравномерность поступлений от надбавок к подоходному налогу по отдельным городам

33. Кулишер И.М. Реформа городских финансов // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 40. С. 405.

34. Там же. С. 405—406.

35. Там же. С. 406.

и на то, что на быстрое поступление средств, в чем так нуждались города, от подоходного налога рассчитывать было нельзя. Однако в итоге в Комиссии под давлением городов, которые указывали на государственный характер многих функций органов городского самоуправления, на то, что отказ от передачи городам части подоходного налога будет означать однородное и неравномерное распределение местного податного бремени, которое не коснулось бы доходов с денежных капиталов, было решено ввести городскую надбавку к государственному подоходному налогу. Он был прописан в Положении о местных финансах от 21 сентября 1917 г.³⁶ Сбор должен был быть не больше 10% от государственного оклада в столичных городах и 8% в остальных, но с ограничениями, при несоблюдении которых он понижался до, соответственно, 5 и 4%.

В пользу городов передавался квартирный сбор, который взимался как с лиц, живших в собственных домах, так и проживавших в наемных помещениях, суммы сбора колебались в зависимости от размеров платы за помещения³⁷.

Закон от 21 сентября 1917 г. не соответствовал ожиданиям муниципальных деятелей, политиков, экономистов. Критиковались «излишняя детализация податных норм», игнорирование в законе местных особенностей, отказ от введения ряда налогов, практиковавшихся в Пруссии и Англии, например, на прирост ценности, наследственного на недвижимость. Как отмечал в одном из своих докладов на съезде Союза городов (14 – 17 октября 1917 г.) экономист А.А. Соколов, в результате реформы доходы городов выросли на 100 млн руб., что недостаточно, так как только в Москве дефицит 1917 г. составил 85 млн руб.

Накануне и во время революции 1917 г. в России активно прорабатывались проекты реформирования город-

36. Кулишер И.М. Ук. соч. С. 408–409.

37. Местное самоуправление в России: отечественный исторический опыт. М.: МОНФ, 1998. С. 273–300.

ских финансов с целью серьезно увеличить муниципальные доходы за счет повышения их налоговой составляющей. Эти проекты разрабатывались с опорой на теоретический и практический опыт прежде всего Пруссии и Англии, чьи модели финансирования местного самоуправления сильно различались и, следовательно, представляли собой богатый материал для размышлений. Исследование показало, что о полном копировании прусских законов в сфере муниципальных финансов не шло речи в проектах экономистов, правительства, Госдумы, Всероссийского союза городов и в принятом в итоге Положении от 21 сентября 1917 г. Скорее можно говорить о том, что имели место осмысление и творческая переработка отдельных аспектов как законодательного, так и практического опыта Пруссии и Англии, применительно к российским условиям. Отталкиваясь от опыта зарубежных стран, российские экономисты выступали с предложениями, которые представляли собой новое слово в экономической науке, помогали избежать тех недостатков, которые наблюдались в сфере муниципальных финансов, казавшихся на первый взгляд образцовыми, Англии и Пруссии.

В.В. Холодков,
к.э.н., ст. научный сотрудник
сектора исследований корпоративных
систем Института экономики РАН

Корпоративные
традиции на Западе
и кооперативные
традиции в России

Генезис корпоративных традиций в условиях западноевропейской культуры

Римская идея — закон (право) возникла на основе религиозного миропонимания римлян еще в эпоху их язычества. Отношения римлян с их богами носили характер юридического договора. Такого рода отношения с божествами не просто отражали суть господствующих в римском обществе отношений между людьми, но и способствовали возведению в культ регулирующего их юридического закона. Все отношения римлян как в частной, так и в общественной жизни, регламентировались нормами, которые имели как религиозное, так и государственно-правовое значение.

Действие юридического закона, как, например, закона об усопших (*jus manium*), осуществлялось посредством обряда с жертвоприношением, которое, в сущности, представляло собой переход частного или государственного имущества в собственность божества (*sacrum*). Древнейшим способом купли-продажи являлись манципации (*mancipatio*) — торжественный обряд передачи права квинритской собственности (собственности римских граждан), обставленный рядом формальностей¹. Государство через своих пред-

1. См.: Новицкий И.Б. Римское право. Изд. 6-е стереотипное. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание» «ТЕИС», 1996. С. 88–89; Покровский И.А. История римского права. Вступ. статья, переводы с лат / Научн. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад». С. 41–45, 327–333.

ставителей — понтификов (жрецов) осуществляло строгий надзор за совершением обряда. Слияние религиозных и государственно-правовых норм при регулировании отношений между людьми создавало условия для культового почитания юридического закона.

Развитие культа закона в Древнем Риме во многом было обусловлено тем, что правосознание римлян в основном сформировалось в дохристианскую эпоху. Ориентация в правотворчестве на не одухотворенные христианской моралью естественные права вела к усилению индивидуализма и эгоистических склонностей. «Естественные» потребности приобретали самодовлеющий характер, превращаясь для человека в самоцель. Создавалось впечатление, что только закон (право) как внешняя по отношению к воле человека сила в лице государства в принудительном порядке может урегулировать отношения между людьми, действующими в соответствии со своекорыстными интересами, обеспечить формально точное выполнение сторонами договорных обязательств. Если же права человека возникают не из его нравственных обязанностей перед Богом, а на основе его потребностей, то они вытекают из юридического закона, регулирующего эти права, т.е. в сущности становятся тождественными ему. Кроме того, отказ от нравственного источника естественных прав вел к несправедливости юридических законов, которые создавались в пользу влиятельных лиц. Таким образом, в Древнем Риме сложилось представление о «юридической» (а не нравственной) природе государства и права.

Юридический характер был присущ всем отношениям римлян как в общественной жизни, так и внутри рода и даже семьи². Правовое мышление римлян обусловило тот факт, что юридический характер носили их отношения и с языческими богами. Последние в отличие от греческих божеств, которые в мифологии изображались как живые

2. См.: Штаерман Е.М. История крестьянства в Древнем Риме. М.: Наука. С. 56–58, 62–64.

личности, воспринимались как абстрактные существа, партнеры по юридическому договору³. Будучи средством богообщения, римское право, таким образом, приобретало сакральный характер. Глубоко проникая во все сферы жизни, сакральное право формировало правосознание римлян, по крайней мере, вплоть до начала республики (VI в. до н. э.), оказав влияние даже на период особого расцвета римского права (I – III вв.) в эпоху классических юристов, результатом чего и явилось укрепление правового мышления римского народа.

Рецепция римского права странами Западной Европы в средневековый период привела к тому, что правовое мышление стало характерной чертой западного менталитета. В результате христианство постепенно получило, в известной мере, юридическую трактовку, завет Бога с человеком стал рассматриваться как нечто юридическое, речь шла чуть ли не о равноправии сторон.

Юридическое прочтение христианства на Западе наиболее яркое выражение нашло в принципиально отличном от православного католическом учении о спасении. Согласно учению «О сверхдолжных заслугах Святых и об индульгенциях», чтобы спасти свою душу, человеку необходимо совершить определенное количество добрых дел. При выполнении этого условия человек получает от как бы обязанного ему Бога вечное блаженство как заслуженное, как нечто должное за его труды. Те, у кого добрых дел не хватает, с помощью индульгенций могут покрыть их недостаток из сокровищницы людей (святых), у которых таких дел в избытке.

При юридическом характере отношений с Богом человек, однако, утрачивает подлинную свободу, т.е. возможность нравственного выбора. Теперь ему приходится делать добро не по своей воле, в соответствии со своим внутренним побуждением, а в силу необходимости, для

3. См.: Постернак А.В. История Древней Греции и Древнего Рима (Курс лекций). М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1996. С. 110–112.

того, чтобы выполнить свои обязательства перед Богом. Доброделание из акта милосердия и любви превращается в средство достижения человеком своего собственного блага как самоуслаждения. Внешне нравственный поступок по существу принимает эгоистический характер. Нарушается изначально присущее христианству качественное тождество доброделания и вечного блаженства, земной и небесной духовно-нравственной жизни.

Совершая благие дела, добрый католик уподобляется **наемному работнику**, выполняющему за определенную плату работу, которую он по возможности хотел бы себе облегчить, забывая о духовно-нравственной работе над собой, о том, что перед Богом ценен не сам по себе внешний поступок, а постоянное расположение души человека. Несмотря на обличение католичества, в ходе Реформации протестантизму и самому не удалось выйти за рамки правового мышления. Отвергнув католическое учение о спасении за дела, протестанты попали в другую крайность, развив теорию спасения только за веру. Однако, как известно, крайности нередко сходятся. Если в католичестве Бог спасает человека за его собственные заслуги, то в протестантизме — за заслуги Христа. Но и в том, и в другом случае человек получает **право** на вечную жизнь, которое ему **обязан** обеспечить Бог, если за это **заплачено** чьими-то заслугами. Нравственное совершенствование как результат бескорыстного доброделания при этом не упоминается. В связи с этим доминирующую роль в западном обществе играли правовые (внешние по отношению к воле человека), а не нравственные регуляторы жизни людей⁴.

4. См.: *Высокопреосвященнейший Иоанн*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб.: Издательство «Царское дело» 1995. С. 170; *Архимандрит Сергей*. Православное учение о спасении. Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основе св. писания и творений святоотеческих. Издание второе. — Казань. Типо-литография Императорского Университета. 1898. С. 14–37; *Иллюстрированная история религий* / В 2 т. /Под ред. проф. Д.П. Шантепи де ля Соссей. Издание второе. Том второй. М.: Издательский отдел Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1992. С. 327–328, 343–357; *Ильин И.А.* Сущности правосознания. / Подготовка текста и вступительная статья И.Н. Смирнова.

Такое положение вещей нашло отражение и в хозяйственной сфере. Отсутствие нравственного механизма регулирования трудовых отношений обусловило тот факт, что основной организационно-правовой формой предприятий на Западе стала корпорация в том или ином ее виде, базирующаяся на общей долевой собственности в той или иной форме.

Объединение имущества частными собственниками на праве общей долевой собственности в западном обществе всегда имело не просто глубокие исторические корни, но и широкое распространение. Отработка принципов функционирования общей долевой собственности началась еще в простых товариществах в последний период Римской республики. Впоследствии эти принципы использовались в германской Марковой общине, средневековых полных товариществах и ремесленных цехах, которые носили корпоративный характер. Доходы участников этих объединений определялись размерами имущественных долей, и

М.: «Рарогъ», 1993. С. 21–225; Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Издательство А.С. Яковлевой, 1994. С. 343–345; *Момзен Т.* История Рима. СПб.: Лениздат, 1993. С. 25–27; *Токарев С.А.* Культ. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 592–593; *Туманов В.А.* Право. Там же. Т. 20. С. 475–478; Рецепция права и Рецепция римского права. Там же. Т. 22. С. 67; *Протоиерей Митрофан Зноско-Боровский.* Православие, Римо-католичество, Протестантизм и Сектанство. Сравнительное богословие. Издание 2-е, исправленное и дополненное: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 61; Католическая церковь. В кн.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Томъ II. Издательство П.П. Сойкина, Типография, Спб. Стремянная, 12, собств. д. Репринтное издание, Концерн «Возрождение», М., 1992. С. 1232–1233; *Медлов М.П.* Христианство. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 28. М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 386; *Епископ Александр (Семёнов Тян-Шанский).* Православный катехизис. М.: Издание Московской Патриархии, 1990. С. 105–106; Православный противокатолический катехизис. Харьков. Епархиальная Типография, Каплуновская, №4. 1916, с. 21–24; Индульгенция. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 266; *Новицкий И.Б.* Ук. соч. С. 6–27; *Тихомировъ Л.А.* Монархическая государственность. СПб.: Российский имперский союз-орденъ, 1992. С. 419–424, 604–607; *Покровский И.А.* Ук. соч. С. 52–54; *Постернак А.В.* Ук. соч. С. 103–169; *Туманов В.А.* Естественное право. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 9. – М.: Советская энциклопедия 1972. С. 101–102; *Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый.* Русская Церковь перед лицом Запада. Мюнхен, Обитель преп. Иова Почаевского, 1994. С. 119–135.

потому им не приходилось сообща осуществлять оценку трудового вклада каждого участника в общее дело, как это происходило впоследствии при общинно-артельной организации производства у народов Российской империи. Тем более что во всех отраслях производства времен Римской республики применялся рабский труд, а цеховые мастера средневековья пользовались по существу наемным трудом подмастерьев и учеников⁵.

Не случайно развитие крупной промышленности привело к необходимости широкого применения системы наемного труда. Например, в США в 1780 г. 80% трудящихся (исключая рабов) были независимыми производителями. К 1980 г., напротив, 80% из них стали уже наемными работниками⁶. В условиях отсутствия традиций оценки трудового вклада каждого самими работниками возникла необходимость использовать для этой цели рыночный механизм. Путем делегирования части прав собственности наемному персоналу работодатели стремятся привлечь работников к выполнению некоторых функций предпринимательской деятельности и тем самым повысить прибыльность компаний. Однако распространение системы участия трудящихся в акционерном капитале вовсе не ставит своей целью преодоление наемного характера труда.

Не составляют исключения на Западе и так называемые самоуправляющиеся предприятия. По своей внутренней структуре они во многом напоминают закрытое акционерное общество. Однако в результате «расщепления» права собственности решающим набором правомочий обладает акционерное общество как юридическое лицо,

5. См.: *Момзен Т.* История Рима. СПб.: Лениздат, 1993. С. 117; *Нечаев В.М.* Товарищество. В кн.: Энциклопедический словарь. Томъ XXXIII, 65-й полутомъ. Издатели: Ф.А. Брокгаузь (Лейпциг). И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Типо-Литография Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгаузь-Ефронъ. 1901. С. 387–390; *Корхов Ю.А.* Цехи. В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. / Гл. ред. А.М. Румянцев. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 382–384.

6. См.: *Симмонс Д., Мэрс У.* Как стать собственником. Американский опыт участия работников в собственности и управлении / Пер. с англ. М.: Аргументы и факты, 1993. С. 275.

интересы которого представляет администрация предприятия. В сущности, на тех же принципах действуют и предприятия, преобразованные в соответствии с американской программой ESOP⁷. В принципе мало чем отличаются от наемных работников, участвующих в акционерном капитале «своих» фирм, и члены производственных кооперативов, типа существующих в Мондрагоне (Стране басков в Испании)⁸.

Чтобы полнее раскрыть суть акционерных обществ, следует обратиться к тем организационно-правовым формам, из которых они развились. Исторически предтечей акционерных обществ, а также других юридических лиц (так называемых товариществ на вере или коммандитных товариществ, товариществ с ограниченной ответственностью и т.д.) были *простые товарищества*. Последние как товарищества в собственном смысле этого слова не были юридическими лицами, т.е. представляли собой хозяйственные союзы *определенных лиц*, основанные на прямом соглашении лиц между собой и продолжающиеся лишь до тех пор, пока эти лица состоят членами предприятия. Тогда как юридические лица — это союзы *с изменяющимся составом лиц* и носят название товариществ только потому, что исторически вышли из простых товариществ⁹. Суть же юридического лица заключается в том, что создатели такого союза, *объединяющие* часть своего имущества или труда для достижения той или иной хозяйственной цели, устанавливая права и обязанности в пользу членов этого союза, передают функции управления процессом дости-

7. См.: Эллерман Д. Внутрифирменная демократическая программа продажи акций служащим компании / Пер. с англ. Н.Я. Поповой. Всесоюзный центр переводов, 1989; Лунд М. Привлекать ли рабочих к управлению. Опыт американских фирм // Экономика и жизнь, 1991, № 49. С. 8; Рудык Э. О собственности работников без гнева и пристрастия // Октябрь, 1992, № 9. С. 146–147.

8. См.: Эллерман Д. Ук. соч., с. 13-14.

9. См.: Нечаевъ В.М. Товарищество. В кн.: Энциклопедический словарь. Томъ XXXIII, 65-й полутом. Издатели: Брокгаузъ Ф.А. (Лейпцигъ), Ефронъ И.А. (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Брокгаузъ — Ефронъ, 1901. С. 387.

жения этой цели специальному органу (общему собранию акционеров, совету директоров, правлению). Управление союзом осуществляется с помощью принципа, согласно которому каждый должен подчиняться воле большинства¹⁰.

В связи с этим необходимо отметить неполноту определения юридического лица, которое дано в Гражданском кодексе РФ (ст.48). Оно не включает в себя ни особенности отношений внутри организации, ни характера имущественной ответственности ее членов. А комментарии к данной статье ограничиваются признаком (одним из четырех) «организационного единства» юридического лица¹¹.

Так, согласно русскому праву, в отношениях с третьими лицами *полное* или *открытое товарищество* (торговый дом) выступало подобно юридическому лицу как таковое, а не в лице отдельных товарищей. Все юридические сделки заключались на имя товарищества. Своим имуществом оно отвечало по ним прежде имущества отдельных товарищей. Подсудность товарищества определялась по месту нахождения его фирмы, и отдельные товарищи выступали на суде в качестве представителей товарищества, а не как частные лица. При ликвидации полного товарищества его кредиторы получали преимущество по сравнению с личными кредиторами отдельных товарищей, удовлетворяясь из имущества товарищества. И лишь при его недостатке взыскание обращалось и на имущество отдельных товарищей. Однако, несмотря на наличие данных признаков юридического лица, полное товарищество согласно закону таковым не являлось. Ибо статусу юридического лица не соответствует ни принцип единогласия, ни солидарная имущественная ответственность полных товарищей¹².

10. См.: Нечаевъ В.М. Юридическое и физическое лицо. В кн.: Энциклопедический словарь. Томъ XII, 81-й полутом. Издатели: Брокгаузь Ф.А. (Лейпцигъ), Ефронъ И.А. (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Брокгаузь—Ефронъ, Прачешный пер., 1904, №6. С. 416 – 417.

11. См.: Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // М.: Хозяйство и право, 1995. С. 93.

12. См.: Нечаевъ В.М. Товарищество. Ук. соч. С. 388–389.

Особенности внутренних отношений и характер имущественной ответственности субъектов организационно-правовой формы во многом зависит от той формы собственности, на которой базируется данное предприятие.

Согласно римскому праву простое товарищество было основано на чистой форме общей долевой собственности. При этом правомочия отдельных собственников по использованию, владению и распоряжению объектом общего обладания были ограничены их взаимным соглашением между собой. По своему усмотрению каждый из участников объединения мог использовать лишь те права, осуществление которых не затрагивало интересов других членов товарищества. В связи с этим объектом общей долевой собственности являлась не непосредственно сама вещь и не реальная, или как это нередко предполагали, идеальная ее часть, а определенная доля приносимых ею выгод и доходов¹³. В соответствии с характеристикой, данной отношению общей собственности римским юристом Цельзом, каждый из сособственников «имеет долевое право собственности на всю вещь в целом». Следовательно, ему принадлежит не доля вещи, а доля права на вещь¹⁴.

Римское право давало возможность каждому сособственнику самостоятельно распоряжаться своей долей. Без согласия других сособственников он мог передать свое право на вещь, заложить его и предоставить пользование принадлежащими ему доходами и выгодами постороннему. Каждый сособственник имел также право владения и непосредственного доступа к вещи, поскольку это согласовывалось с правами других сособственников. Для переделки вещи, ее улучшения, как и в иных случаях, требовалось *единогласное решение* всех сособственников. В том случае,

13. См.: В.Н. Общая собственность. В кн.: Энциклопедический словарь. Том XXIа, 42-й полутом. Издатели: Брокгаузъ Ф.А. (Лейпцигъ), Ефронъ И.А. (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Типо-Литография И.А.Ефрона, Прачешный пер., 1807, №6 С. 602.

14. См.: Новицкий И.Б. Римское право. Изд. 6-е, стереотипное. М., 1996, с. 100; Дигесты Юстиниана, 13-я книга, 6-й титул, 5-й отрывок (фрагмент). С. 15.

если общее согласие не могло быть достигнуто, то на всякое противодействие со стороны других лиц собственник мог ответить или владельческим иском, или иском об убытках, или, наконец, иском о разделе общего имущества. У каждого собственника было право без согласия других производить необходимые для сохранности вещи действия, а издержки раскладывать на всех пропорционально их доле. В частности, это касалось защиты от нарушений прав общей собственности со стороны третьих лиц. Таким образом, *принцип солидарной имущественной ответственности* органично вытекал из механизма функционирования простого товарищества.

Иначе говоря, в соответствии с римским законодательством *принципы единогласия и солидарной имущественной ответственности* служили надежной гарантией от ущемления прав частного собственника, временно участвовавшего частью имущества в деятельности простого товарищества, обеспечивая ему статус самостоятельного субъекта права на вещь, не подчиненного воле других собственников¹⁵.

Однако в тех организационно-правовых формах, которые приближались к юридическому лицу и в которых законодательно ограничивались права участников объединения на реализацию их частных интересов, принципы единогласия и солидарной имущественной ответственности начинали «давать сбой». Чтобы эти принципы могли «работать», нужны были специфические личностные отношения между собственниками: кровнородственные, духовно-нравственные и т.д. Как это было, к примеру, в полных товариществах.

До прекращения деятельности товарищества ни один из товарищей не имел права распоряжаться принадлежащей ему долей. Это отнимало возможность у полных товарищей воздействовать друг на друга в направлении дости-

15. См.: В.Н. Общая собственность. Ук. соч. С. 602; Нечаев В.М. Товарищество. Ук. соч. С. 387.

жения единогласия по вопросам, затрагивающим интересы всех участников. Ибо хотя выходящий товарищу и нес определенную ответственность перед другими товарищами за убытки, причиненные несвоевременным прекращением деятельности предприятия, досрочная ликвидация последнего, очевидно, была никому не выгодна. Та же ситуация складывалась и с солидарной ответственностью. В условиях, когда во внешнем обороте полное товарищество выступало подобно юридическому лицу как целостный союз, а не в лице отдельных товарищей, его кредиторы получали преимущество перед кредиторами последних. И, конечно, в случае ликвидации полного товарищества его участники отнюдь не были заинтересованы остальным своим имуществом в первую очередь рассчитываться по долгам предприятия, а не по своим собственным. Неслучайно поэтому, что исторически полные товарищества создавались на основе капиталов небольшого круга лиц, которые были связаны между собой либо родственными узами, либо единством взглядов на ту или иную деятельность, либо полученным наследством, и не хотели дробить оставленный им капитал и т.д. И первообразом полного товарищества в германских и итальянских средневековых городах послужили именно товарищества братьев и ближайших родственников, не желавших делиться после смерти главы дома¹⁶.

В связи с этим там, где стала появляться потребность в создании более крупных предприятий, между участниками которых уже не могло быть достаточно тесных личных отношений, начали образовываться объединения, принимающие на себя форму юридических лиц.

Характерной организационно-правовой формой, отражающей трансформацию собственно товариществ в юридические лица, было *коммандитное товарищество*, или *товарищество на вере*: от *accomandare* — (итал.) доверять¹⁷. Оно состояло из полных товарищей и вкладчиков.

16. См.: Нечаев В.М. Товарищество. Ук. соч. С. 388–389.

17. См.: Коммандитное товарищество. В кн.: БСЭ, 3-е изд., т. 12. М., 1973. С. 517.

Первые вели все дела предприятия и отвечали за это лично и всем своим имуществом. Вторые по существу служили лишь источником имущественных средств, необходимых для функционирования товарищества, и получали за это некоторые дивиденды. При этом они были полностью отчуждены от управления предприятием. Ни о каком единогласии и солидарной имущественной ответственности между полными товарищами и вкладчиками уже не могло быть и речи. Еще более четко различие между полными товарищами и остальными участниками проявилось в командитных товариществах на акциях, или акционерных командитах. Имущественные вклады полных товарищей не отчуждаются и потому в акциях не выражаются. Тогда как акционеры, получив за свои взносы акции, в значительной мере теряли связь со своими имущественными долями. Возникнув в X в. в городах на побережье Средиземного моря командитные товарищества, таким образом, постепенно развились до таких организационно-правовых форм, которые вплотную подошли к акционерным компаниям¹⁸.

Однако между полными и командитными товариществами, с одной стороны, и акционерными обществами, с другой, на самом деле стоит еще *товарищество с ограниченной ответственностью*. Последнее обладало всеми признаками юридического лица. Во внешнем обороте его представлял директор-распорядитель, избранный либо из числа участников, либо из посторонних лиц единогласным решением товарищей. Вместе с тем, если это не было специально оговорено в договоре, выборы заместителя директора-распорядителя осуществлялись большинством голосов. В отличие от полного товарищества ограниченная имущественная ответственность позволяла промышленни-

18. См.: *Нечаевъ В.М.* Командитное товарищество. В кн.: Энциклопедический словарь. Томъ XV, 30-й полутом. Издатели: Брокгаузъ Ф.А. (Лейпцигъ), Ефронъ И.А. (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Типо-Литография Ефрона И.А., Прачешный пер., 1895, №6. С. 853–854; *Гиндин И.Ф.* Акционерная командита. В кн.: БСЭ, 3-е изд., т. I. М., 1970. С. 373.

кам участвовать сразу в нескольких товарищеских союзах и, таким образом, не принимать непосредственного участия в ведении дел каждого из них. Возникнув в соответствии с германским законом 1892 г., товарищества с ограниченной ответственностью (*Gesellschaften mit beschränkter Haftung*) существенно отличались и от акционерных компаний, недостатки которых в хозяйственной практике они были призваны в какой-то мере компенсировать. Сохраняя генетическую связь с собственно (простыми и полными) товариществами, они тем самым предусматривали как личную связь между участниками объединения, так и непосредственную связь имущественных паев с личностями последних. Отчуждение паев могло происходить лишь в форме судебного или нотариального договора¹⁹.

Таким образом, обращение к организационно-правовым формам, предшествующим акционерным компаниям, показывает, что последние исторически развились из объединений, основанных на *общей долево́й собственности*, и уже хотя бы поэтому не могли не сохранить в себе некоторые ее черты. Конечно, не могло не сказаться качественное отличие акционерных обществ от товариществ всякого рода. Доли участников объединения выражались в ценных бумагах — акциях, которые включались в биржевой оборот, в результате чего акционеры в значительной мере отчуждались от имущества, находящегося в хозяйственном процессе²⁰. Управление акционерным капиталом в основном стало осуществляться с помощью органов общества как юридического лица: общего собрания акционеров, совета директоров (наблюдательного совета), исполнительных органов (директора, генерального директора,

19. См.: Яновский А. Товарищество с ограниченной ответственностью. В кн.: Энциклопедический словарь. Том XXXIII, 65-й полутом. Издатели: Брокгауз Ф.А. (Лейпциг), Ефронь И.А. (С.-Петербург). С.-Петербург. Типография Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз—Ефронь. 1901. С. 391-392.

20. См.: Яновский А. Товарищество с ограниченной ответственностью. Ук. соч. С. 391; Акция. — В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред А.М. Румянцев. Т. 1 М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 47.

правления, дирекции)²¹. В связи с этим сложилось, как уже говорилось, впечатление, что возникла некая новая, наряду с частной форма собственности: корпоративная собственность²². Однако это впечатление в известной мере носит обманчивый характер.

Экономическая сущность корпорации состоит в *объединении* капиталов его участниками с целью получения на них соответствующих доходов²³. Существенно и то, что при этом происходит концентрация функций по управлению акционерным обществом в руках членов его выборных и исполнительных органов. Характерно, однако, что передача полномочий по руководству обществом на уровень юридического лица осуществляется в интересах всех акционеров. Несмотря на то, что между учредителями, держателями обыкновенных и привилегированных акций могут возникать определенные конфликты. Ибо все акционеры стремятся получить максимальный доход на вложенный капитал. Поэтому статус юридического лица, дающий акционерному обществу определенные преимущества в хозяйственном обороте, выгоден всем его членам.

Однако замена принципов единогласия и солидарной имущественной ответственности, присущих простым и полным товариществам, на принципы преимущества большинства и ограниченной имущественной ответственности, характерные для юридического лица, произошла во многом и в силу того, что с увеличением численности компаний личные связи между их членами были утрачены. Люди разных взглядов и представлений уже не могли прийти к единому мнению по вопросам, затрагивающим к тому же их насущные материальные интересы. Среди

21. См.: Авсенов М.М. Акционерное общество. В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред. А.М. Румянцев. Т. 1 М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 46

22. См.: Сарычев В.Г. Корпорация. В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред. А.М. Румянцев. Т. 2. М., 1975. С. 269.

23. См.: Акция и Акционерное общество. В кн.: Энциклопедический словарь. Том I. Издатели: Брокгауз Ф.А. (Лейпциг), Ефронъ И.А. (С.-Петербург). С.-Петербург. Семеновская Типо-Литография (И.А.Ефрона), Фонтанка. 1890, №32. С.332.

большого числа участников уже не могла возникнуть такая степень доверия, чтобы они были в состоянии в случае необходимости жертвовать даже личным имуществом в интересах общего дела. Характерно, что именно обособленность интересов частных собственников, желающих получить наибольший доход на свое имущество, одновременно является и причиной возникновения юридического лица, и тем главным препятствием, которое не позволяет долевой собственности окончательно превратиться в собственность этого лица, т.е. в корпоративную собственность.

В этой связи положение Федерального закона Российской Федерации «Об акционерных обществах» о том, что акционерное общество «имеет в собственности обособленное имущество» (Ст. 2, п.2), требует, по меньшей мере, некоторого разъяснения. Ибо, согласно духу и букве российского законодательства, *члены акционерного общества полностью утрачивают право собственности на принадлежащее последнему имущество*. Очевидно, именно это хотели подчеркнуть разработчики Гражданского кодекса Российской Федерации, прописав в последнем норму, в соответствии с которой акционерные общества отнесены «к юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют обязательственные права» (Ст. 48, п.2), а не право собственности на их имущество.

Согласно римскому праву отношения участников простых товариществ также регулировались нормами обязательственного права²⁴. Однако связь «имущественного обладания с личностями членов союза, как в области пользования, так и в ответственности по обязательствам, возникающим из общего имущества», при этом сохранялась, что находило свое выражение в том, что, будучи в составе простого товарищества, долевой собственник мог самостоятельно, хотя и частично, реализовать свое право на пользование, владение и распоряжение вещь²⁵. По пред-

24. См.: Нечаевъ В.М. Товарищество. Ук. соч. С. 387.

25. См.: В.Н. Общая собственность. Ук. соч. С. 602.

ставлению римских юристов, обязательство означало лишь определенную связанность, ограниченность воли человека волей других людей²⁶. Поэтому объединение участниками простого товарищества своих капиталов с целью получения прибыли заставляло каждого из них в известной мере подчинить свою волю путем взаимного соглашения с другими воле всех сособственников²⁷. Однако добровольно уступив часть своих прав собственности товарищу, получая доход на свой вклад, тем самым реализовывал собственность на свою имущественную долю экономически.

Безусловно, в акционерном обществе связь его участников с объединенным имуществом теряется в значительно большей степени²⁸. Тем не менее, и здесь концентрация правомочий по управлению имуществом в руках органов акционерного общества является лишь выражением ограничения прав акционеров в ходе экономической реализации последними их собственности на имущественные доли. Правда, в отличие от товарищества в корпорации отношения между участниками регулируются не путем личной договоренности, а посредством норм права²⁹. Акционерное общество как юридическое лицо как бы получает консолидированный кредит от объединения акционеров, которые экономически собственности на эти средства не теряют³⁰. Хотя юридически право собственности переходит от них к корпорации как юридическому лицу, они сохраняют экономически свою частную собственность, реализуя ее через акции путем присвоения дивидендов и спекулятивных операций на рынке ценных бумаг.

Характерно, что в современной западной литературе все акционеры, в интересах создания видимости демокра-

26. См.: Новицкий И.Б. Римское право. Ук. соч. С. 116–117.

27. См.: В.Н. Общая собственность. Ук. соч. С. 602.

28. См.: Нечаев В.М. Корпорация. В кн. Энциклопедический словарь. Томъ XVI, 31 полутом. Ефрон И.А. (С. - Петербург). С. - Петербург, Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., 1895, №6. С. 329.

29. См.: Яновский А. Товарищество съ ограниченной ответственностью. Ук. соч. С.392.

30. См.: Акция и Акционерное общество. Ук. соч. С.332.

тизации капитала и присвоения средств широких слоев населения, рассматриваются как «собственники корпорации». Однако они — не собственники, поскольку не распоряжаются своей долей акционерного капитала, они не могут ее изъять или продать. Они сохраняют только право присвоения части дохода корпорации. Именно «будучи владельцами собственности корпорации, акционеры имеют право на долю доходов корпорации». Очевидно, в частности, и в связи с этим, по мнению западных юристов, «корпорация в определенном смысле является легализованной фикцией (термин, применяемый юристами для обозначения несообразного или невозможного положения дел, которое, тем не менее, всеми принимается)», поскольку посредством инкорпорации (образования акционерного общества) сособственники создают организацию, *которая юридически и становится собственником объединенного имущества*. С точки зрения закона корпорация представляет собой отдельное юридическое лицо. Она может «быть собственником ссуды и т.д., т.е. «она» наделяется правами гражданина, включая право на участие в судебных процессах.»³¹

Таким образом, если трактовать фикцию согласно «Толковому словарю русского языка» С. Ожегова и Н. Шведова как «построение, не соответствующее действительности», то это, пожалуй, отчасти отразит суть корпорации, если под «действительностью» понимать экономическое содержание. Рассматривать акционерное общество только как юридическое лицо в качестве собственника принадлежащего ей имущества — это в значительной степени упрощать проблему. Тогда как в экономическом отношении доход от имущества корпорации принадлежит акционерам, которые для того его и объединяли, чтобы максимизировать свой доход. И здесь решающую, контролирующую роль играет величина пакета акций и отдельного

31. См.: Хайман Д.Н. Современная микроэкономика: анализ и применение. В 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 319–322.

их собственника. Собственник контрольного пакета акций оказывается в экономическом отношении фактически собственником общего имущества. А юридически право собственности как бы раздваивается: оно частично « уходит » на уровень юридического лица, хотя и в большей степени, чем остается у членов компании (право на присвоение дохода — части прибыли акционерного общества).

Раскрыть многообразие юридических отношений, складывающихся в акционерном обществе, позволяет теория так называемого «расщепления» права собственности, используемая в англосаксонской системе права. Согласно этой системе в понятии права собственности объединяются многие виды этого права, вещные и обязательственные права, частичные правомочия многих субъектов, которые нередко распространяются на один и тот же объект, и т.д. В то время как традиционное континентальное право не включает обязательства в состав права собственности³², что, кстати, и сделано в Гражданском кодексе Российской Федерации.

В акционерном обществе происходит окончательное «расщепление» права собственности. Часть полномочий принадлежит акционерам, часть — компании как юридическому лицу. Более того, «расщеплению» подвергаются даже отдельные правомочия собственника. Так, например, согласно российскому закону «Об акционерных обществах» такое фундаментальное правомочие, как право на отчуждение имущества, в зависимости от его стоимости предоставляется либо совету директоров (наблюдательному совету), либо общему собранию акционеров (ст. 48, 79). Последнее и является органом юридического лица, и хотя состоит оно из отдельных акционеров, последние реализуют через него лишь свои частные права. Право на доход также делится между корпорацией и акционерами. Не

32. См.: Кикоть В.А. Об основных тенденциях развития учения о праве собственности при государственно-монополистическом капитализме. В кн.: Лазар Я. Собственность в буржуазной правовой теории: Пер. с нем. М., 1985. С. 17–18.

выплаченная в качестве дивидендов прибыль называется нераспределенной и идет на развитие предприятия. В том случае, когда акционерами компании являются ее работники, «расщепление» затрагивает и право пользования.

Участие работников в акционерном капитале компании увеличивает долю принадлежащих акционерам правомочий до той черты, за которой уже становится необходимо расширять их права по управлению производством. И хозяйственная практика на Западе объективно привела к возникновению таких организационно-правовых форм, которые позволили бы в известной мере избавиться от недостатков акционерного общества. Однако окончательно им этого сделать не удалось, поскольку они сохранили основные принципы последнего, и главное — опору исключительно на *частную собственность* физических и юридических лиц.

Развившись из собственно товариществ, акционерные общества унаследовали такие характерные их черты, как объединение лишь капиталов участников и использование наемного труда. Доходы участников простых и полных товариществ всегда определялись размерами их имущественных долей. Наемные работники получали заработную плату. Об отработке механизма распределения части дохода в соответствии с трудовым вкладом каждого работника, как это было, к примеру, в российских артелях, в этих условиях, естественно, не могло быть и речи. В связи с этим не предусмотрено такого механизма и в акционерном обществе. Даже в том случае, когда весь пакет акций АО полностью принадлежит трудовому коллективу, работники-акционеры вынуждены отдать наемным менеджерам право на наем рабочей силы, организацию заработной платы. А это в корне подрывает возможность создания эффективного механизма участия работников в планировании объемов выпуска продукции, формировании издержек производства, проведении рациональной технической и инвестиционной политики. Тем самым имеет место прин-

ципиальное сходство всех моделей самоуправляющихся предприятий с акционерными обществами. Что, в свою очередь, накладывает отпечаток на способы участия работников в управлении производством.

На Западе в настоящее время применяются *два способа привлечения работников к управлению производством: через участие в собственности и участие в прибылях компании*. В конце 80-х годов в США свыше 10% занятых (более 12 млн чел.) работали в таких компаниях (численность их дохода до 10 тыс.), собственниками которых стремятся стать все работники. Американских фирм, в которых использовалось участие работников в прибыли, насчитывалось 340 тыс. Они составляли 15% компаний. В них было занято более 17 млн чел. Половина ведущих компаний Великобритании практиковала те или иные формы участия в прибылях. Этой системой было охвачено 16% наемных работников. В середине 80-х годов в Швеции почти 100 фирм в промышленности (1% от общего числа компаний) находились в собственности их работников. С 1967 г. во Франции для всех фирм, с числом занятых более 100 чел., было обязательным участие персонала в прибылях. К концу прошедшего десятилетия в последних участвовало свыше 5 млн чел.³³

Таким образом, в развитых странах Запада мы видим достаточно отчетливо оформившуюся тенденцию. Трудящихся стараются приобщить к предпринимательской деятельности с целью повышения эффективности производства. Причем на основе участия в прибылях это получается гораздо лучше, чем с помощью системы участия работников в акционерной собственности (ЕСОП)³⁴. И это не случайно. Как показывают исследования Национального центра по собственности работников (США), ЕСОП приводит к заметным улучшениям лишь в том случае, когда сочетается с реальным участием работников в повседнев-

33. См.: Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М., 1990. С. 50–51; Современная смешанная экономика / Под ред. В.А. Мартынова. 1992. С. 63–64.

34. См.: Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. Ук. соч. С.52.

ном принятии решений. Но только одна треть всех компаний в Америке, применяющих ЕСОП, привлекает сейчас работников к управлению³⁵.

Формирование кооперативных традиций под влиянием культур народов России

Культурные и хозяйственные традиции Византии и Древней Руси обусловили адекватное восприятие народом того, что христианство несло с собой в жизнь общества новый нравственный закон, механизм действия которого принципиально отличался от действия закона юридического. Все заповеди, данные Христом, и особенно заповедь о любви, были не приказами, а призывами. Их соблюдение было делом свободной воли человека. В Новом Завете с Богом человек обретал подлинную свободу, т.е. возможность нравственного выбора благодаря тому, что оправдание грешника, по слову апостола Павла, происходит не только за добрые дела, но и, главным образом, по милости Божией через веру в Него (Рим. 2, 6; 4, 4–5). Тем самым снимается основание для корыстной заинтересованности в совершении добрых дел и человек как бы приглашается совершать не лицемерно нравственные поступки.

Такого рода отношения с Богом не могли не сказаться на отношениях между самими людьми и, в частности, в хозяйственной сфере. Способность людей регулировать свои экономические отношения на основе нравственных принципов явилась духовной базой широкого распространения производственной кооперации в России. (У нехристианских народов эти принципы в основном базировались на кровнородственных отношениях и также нравственном характере мышления.) Объединение кроме капиталов еще и труда, наряду с юридическим регулированием, требует

35. См.: Лунд М. Собственность работников // Экономика и жизнь. 1991. № 48. С. 6.

еще и такого регулирования. Характерно, что возникновение и развитие производственных артелей в России происходило на обычном праве, представляющем собой совокупность норм поведения, санкционированных государством благодаря тому, что они выполняли функции правовых норм³⁶.

В отличие от римлян греки уже в языческой религии искали руководство для нравственной жизни, хотя и не нашли его. Ибо у греческих богов нельзя было научиться ни справедливости в управлении миром, ни нравственному поведению. Греки создали своих богов идеальными лишь с эстетической, но не с этической точки зрения. Тем не менее, обычай и закон, служившие нормами нравственности, имели религиозную окраску. Сократ открыл внутри человека элемент, который в его глазах имел значение божественного голоса, и назвал его словом, которое переводится как «совесть». Софокл в «Антигоне» и многие другие греческие авторы ставили божественные, не писанные законы выше законов государственных. Софисты и Платон выдвинули задачу найти прочную основу для нравственности. Однако в народном сознании она не была решена. Вместе с тем греческая мифология говорит о том, что в религиозной форме этой нацией были поставлены тонкие этические проблемы, что свидетельствует о нравственном характере мышления народа³⁷.

В этой связи не случайно то, что византийские юридические памятники несут на себе более чем заметные следы славянского обычного права. Ибо самоуправляющаяся сельская община в Византии сложилась и без славянского

36. См.: С. и Р. Кооперация. В кн.: Энциклопедический словарь. Томъ XVI. 31-й полутомъ. Издатели: Ф.А. Брокгаузъ (Лейпцигъ). И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Типо-Литтрафия И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6, 1895, с. 157; *Казимирчук В.П.* Обычное право. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 18. М.: Советская Энциклопедия, 1974. С. 266–267; *Новицкий И.Б.* Ук. соч. С. 15–16.

37. См.: Иллюстрированная история религий: В 2 т. / Под ред. проф. Д.П. Шантепи де ля Соссей. Издание второе. Том второй. М.: Издательский отдел Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1992. С. 317–324.

влияния, что обеспечивало совместимость обычного права разных народов³⁸. В языческие времена славяне не создали самостоятельной религии. Однако их хозяйственная жизнь позволяет говорить о нравственном, хотя в известной мере подчас искаженном языческими обычаями, характере мышления народа³⁹. Социальная жизнь славянских племен, поселившихся в пределах Византийской империи, была основана на двух началах: общинном землевладении и личной свободе крестьян. И в VIII в. византийское законодательство признало крестьянскую общину. Более того, переведенный с греческого на русский в конце XII или начале XIII в. Земледельческий закон, или Устав крестьянский, вошел в состав древнерусских юридических сборников. Устав оказался настолько пригодным для русской жизни в силу того, что он представлял собой кодификацию обычного права славянского населения Византийской империи и потому некоторые его статьи были как будто взяты из древнерусской крестьянской жизни.

Согласно законам Византийской империи крестьянская община обладала государственной землей на праве общинного владения (но не собственности). Отдельный крестьянин имел надел усадебной и пахотной земли в подворном владении. Излишек общинной земли, в четыре и более раз превышавший количество наделной земли, использовался для сдачи в аренду, для пришлых людей, вступающих в общину, для пастбищ и т.п. Главнейший принцип организации общины заключался в неотчуждаемости ее земель. Участок общинной земли мог поступить в продажу, однако преимущественное право на его покупку принадлежало членам общины: сначала семейно-родовой, а затем сельской и волостной. Более того, в действительности продаже подлежал не сам участок, а право пользования им. Купивший его должен был нести падающие на этот

38. См.: Рудаковъ А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1917. С. 174–179.

39. См.: Там же. С. 434.

участок подати и повинности, отбываемые данной общиной. Крестьянское землевладение в общине, таким образом, в значительной мере напоминало эмфитевзис (греч. *emphytéusis*, от *emphytéuo* – прививаю, насаждаю), вечную наследственную аренду земли, субъект которой, эмфитевт, получал право хозяйственного использования земли, передачи участка по наследству и с определенными условиями его **залога, дарения и продажи**. Эта форма обладания землей, нечто среднее между собственностью и арендой, окончательно сложилась в Восточно-Римской империи при Юстиниане I (VI в.).

Как до, так и после развития общинно-уравнительного землевладения члены русской общины также могли закладывать и отчуждать право пользования своими участками. Нравственный характер этой системы заключался в том, что она не давала возможности концентрироваться земле в руках немногих землевладельцев и обеспечивала крестьянам статус реальных хозяев своей деятельности. Таким образом, исконной формой свободного крестьянского землевладения древних славян и на Руси, в частности, была не производная от частной общая долевая собственность (как это подчас пытаются представить), которая предполагает возможность раздела и выдела отдельного крестьянина со своей долей, а общинное владение землей, находящейся в государственной собственности или независимом частном владении (ибо вначале вотчина была не частной собственностью, а аллодом). Право общинного выкупа необходимо было в силу того, что член общины мог продать свое право пользования участком земли стороннему лицу. И тогда общине пришлось бы самой нести подати и повинности, приходящиеся на данный участок. Долевой общине преимущественное право на покупку требовалось потому, что при продаже членом общины своего участка на сторону она вообще утрачивала на него какие-либо права⁴⁰.

40. См.: Козырь М.И. Землевладение // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. I / Гл. ред. А.М. Румянцев. М.: Сов. энцикл., 1972. С.517; Поземельная община.

О том, что ко времени призвания князей во второй половине IX в. родовой строй у восточных славян был еще далеко не разрушен, говорит церковный устав св. Владимира, согласно которому «вступление в брак в запрещенных степенях родства и свойства» подлежало суду Церкви как преступление. Очевидно, именно тот факт, что, осваивая новые земли, восточные славяне селились далеко разбросанными дворами, патриархальными семьями (обособляющимися в рамках племенного союза мелких родами), потребовал защиты увеличившейся территории обитания от внешних врагов. В результате волостные поземельные общины, состоящие из множества одиноких дворов-деревень, стали нести подати и повинности в пользу удельных князей. Причем границы волостей, в которых образовались торговые центры-города (Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Новгород, Ростов и др.), уже не совпадали с древним племенным делением русского славянства. Однако подлинно территориальные общины складывались на основе разрастания мелких родов, которые к тому же увеличивались и за счет пришлых людей. Таким образом, **родовая собственность** на землю у древних славян на Руси превратилась в общинное **владение** землей, принадлежащей державному княжескому роду в целом. Представители его распределяли ее строго в соответствии с

В кн.: Энциклопедический словарь. Том XXVI. 47 полутомъ. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг). И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер. №6, 1898. С. 199–207; *Нечаев В.М.* Общинное землевадение. В кн.: Энциклопедический словарь. Том XXI-А. 42-й полутомъ. Издатели: Ф.А. Брокгаузъ (Лейпцигъ). И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6, 1897. С.635; *Колганов М.В.* Собственность. Докапиталистические формации. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962, с. 326–334, 399; *Новицкий И.Б.* Ук. соч. С. 110–111; *Эмфитевзисъ*. В кн.: Энциклопедический словарь. Том XL. 80-й полутомъ. Издатели: Ф.А. Брокгаузъ (Лейпцигъ). И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Типография Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6, 1904, с. 785; *Эмфитевзис*. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 30. М.: Советская энциклопедия, 1978. С.173; *Удальцова З.В.* Юстиниан I. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 30. М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 421; Проф. М.Ф. *Владимирский-Буданов*. Ук. соч. С. 516–526; *Исаев И.А.* История государства и права России: Учеб. пособие. М.: Юрист, 1993. С.44.

принципом: более старшему брату — более значительная и доходная волость, что ознаменовало собой возникновение Русского государства⁴¹.

Иначе говоря, в отличие от возникновения западноевропейской марки трансформация родовой общины в территориальную общину на Руси не сопровождалась развитием частной собственности на землю. В XI—XII вв. основную массу сельского населения Руси составляли смерды. Это были «свободные крестьяне, жившие на княжеской, государственной земле и обрабатывающие ее своим инвентарем». Смерды снимали участки казенной земли и, после выполнения принятых на себя обязательств по договору аренды с сельским обществом, могли покидать эти участки, переходя из одной общины в другую⁴².

Примерно с XIV—XV вв. при общинно-уравнительном землевладении в русской общине разверстка земли производилась по трудовой или потребительской норме. Равенство по отношению к земле заключалось в том, что каждый дворохозяин получал землю в соответствии с трудовым потенциалом своей семьи или ее потребностями. Каждый мужчина имел возможность самостоятельно обрабатывать свой земельный надел и получать с него доход, соответствующий его трудовому вкладу в эффективное использование общинного земельного фонда.

Вопреки ходячим представлениям, до введения крепостного права, в России в виде свободной русской общины, сидевшей на государственной земле, сложилась производственная структура, оптимально сочетающая в себе экономическую эффективность и социальную справед-

41. См.: Поземельная община. Ук. соч. С. 202–207; В. *Ключевский*. Краткое пособие по русской истории. Частное издание для слушателей автора. Издание пятое. М., 1906. С. 16–52; Проф. М.Ф. *Владимирский-Буданов*. Ук. соч. С. 626–633; *Толстой* М.В. История русской Церкви. Сортавала, о. Валаам. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. С.29; *Данилова* Л.В., *Данилов* В.П. Община. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 18. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 253.

42. См.: В. *Ключевский*. Краткое пособие по русской истории. Частное издание для слушателей автора. 5-е изд. М., 1906 С.40,126; *Греков* Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII века. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С.81, 193, 196, 201, 212, 214, 217.

дивость⁴³. Ее центральным элементом по существу был объективный внутриобщинный экономический механизм оценки трудового вклада домохозяина в эффективное использование всего общинного земельного фонда или в результаты совместного труда. Эволюционное формирование этого механизма стало возможным благодаря удачному сочетанию в свободной русской общине различных форм собственности на средства производства: частной и государственной⁴⁴.

Таким образом, с развитием товарно-денежных отношений на Руси начинают складываться и основные принципы организации производственной кооперации, которая в рыночных условиях позволяет непосредственным производителям стать сохозяевами производства и не превратиться в наемных работников⁴⁵.

Реализация этих принципов в сфере имущественных отношений предполагает определенное равенство людей по отношению к тем материальным благам и ресурсам, которые являются необходимым условием их жизнедеятельности, т.е. известную общность имущества. Об этом говорится и в учении XII апостолов: «Не отворачивайся от нуждающегося, но разделяй все с братом твоим и не говори, что это твоя собственность, ибо, если вы имеете общение в бессмертном, не тем ли паче и в смертных вещах»⁴⁶.

-
43. См.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С. 265–278; Холодков В.В. Православные традиции в российском землевладении // Вопросы экономики, 1993, № 8. С.41–43.
44. См.: Павлов-Сильванский Н.П. Ук. соч. С.52–57, 253–235; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Докапиталистические формации. Изд. 4-е. М., 1956. С.136–137; В. Ключевский. Ук. соч. С. 40, 126; Греков Б.Д. Ук. соч. С.81, 193, 196, 201, 212, 214, 217.
45. См.: Энгельгардт А.И. Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в. М.: 1987. С.202–203; Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1998. С.137–138; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. С. 532–535.
46. См.: Эрн В.Ф. Христианское отношение к собственности. В кн.: Русская философия собственности (XVII–XX вв.). Авторы-составители: К. Исупов, И. Савкин. СПб.: СП «Ганза», 1993. С. 207.

Однако впоследствии такие св. отцы Восточной Церкви, как, например, Василий Великий, Григорий Богослов и др., подчас резко осуждая частную собственность, так или иначе, вынуждены были признать, что полная общность имущества не может быть доступна для широких слоев населения в силу человеческого несовершенства и осуществима лишь в монастырях⁴⁷. Поэтому не следует приписывать абсолютного значения тому или иному виду собственности: частной или общественной. В связи с этим христианство «не дает основания для какой-либо определенной экономической системы, но дает критерий, как в различных случаях судить о собственности. А этот критерий — духовное благо человека»⁴⁸.

Благодаря именно такому взгляду на хозяйственную жизнь в русской общине складывались принципы производственной кооперации, которые позволяли крестьянину и через эту сферу приобщаться к высшим духовным благам: любви и творчеству. Ибо справедливое распределение земли даже и по трудовой норме было связано с объективной оценкой трудового вклада домохозяина в эффективное использование общинного земельного фонда для определения трудового потенциала крестьянской семьи. Оно с необходимостью предполагало такие отношения между крестьянами, которые были проникнуты бескорыстной заинтересованностью в делах друг друга как действенным выражением христианской любви⁴⁹. Более того, установ-

47. См.: *Зейтель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. Перевод с немецкого с предисловием С.Н. Булгакова. Москва. Типография Императорского Московского Университета. 1913. С. 83–102.

48. См.: *Епископ Александр (Семёнов Тянь-Шанский)*. Ук. соч. С. 96; Социальная концепция Церкви. Православная Москва, № 17 (227), сентябрь 2000 г. С. 10; *Чурсин В.Д.* Цикличность как метод в праве и правовой системе. В сб.: Циклы природы и общества / Материалы IV Международной конференции «Циклы природы и общества». Часть первая. Ставрополь: Издательство Ставропольского университета, 1996 С. 6–16; Золотое сечение. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 566.

49. См.: *Тульцева Л.А.* Социально-нравственные аспекты земледельческой обрядности. В кн.: Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 283–297.

ление с помощью переделов прямой зависимости доходов крестьянина от его трудовых усилий и уменьшение влияния природных условий основывалось на христианском понимании главного назначения труда как необходимого средства духовно-нравственного совершенствования человека (2 Фес. 3, 10)⁵⁰.

Общинное владение государственной землей органически сочеталось в ней с частной собственностью крестьян на остальные средства производства. По существу, культивирование равенства по отношению к земле сопровождалось весьма эгоистическим желанием домохозяина получить дополнительный доход со своего участка. Либо за счет его увеличения, либо улучшения. Однако именно это стремление крестьян в условиях, когда доходность земли превышала платежи за нее, заставляло их не скрывать, а раскрывать свои хозяйственные возможности и содействовать выделению адекватного последним земельного надела, и тем самым способствовать усилению равенства по отношению к земле⁵¹.

Рациональная основа общинно-уравнительного механизма, однако, далеко не всегда могла проявить себя в полной мере. Нередко она претерпевала весьма серьезные искажения. Так, например, даже в свободных общинах, там, где плодородие земли было низким, крестьянину невыгодно было иметь максимальный надел, который он был бы в состоянии обработать, поскольку доход, полученный с дополнительного участка земли, мог не покрывать платежей за пользование им. В наибольшей степени отсутствие такой заинтересованности имело место у крестьян, сидящих на владельческих землях. Ведь, допустим, при оброке платежи помещику всегда приближались к максимуму того,

50. См.: *Зейтель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. Перевод с немецкого с предисловием С.Н.Булгакова. Москва. Типография Императорского Московского Университета. 1913. С. 127–137.

51. См.: *Воронцов В.П.* Ук. соч. С. 243; *Холодков В.В.* Ук. соч.; *Николаев А.* Деревенская община. Спб., Типография И. Г. Брауде и К°, Морская, 19. С. 27.

что крестьянин мог произвести на данном участке земли, а иногда и превышали его. В подобных случаях крестьяне стремились «скинуть с себя» часть земельного надела, а вместе с ней и соответствующую долю повинности. С этой целью хозяин специально держал не двух — трех лошадей, а одну, либо отговаривался тем, что ему нечем посеять, и оставлял часть барской запашки необработанной, и т.д.⁵².

Православие усилило роль нравственного начала в жизни русского народа в целом и в его трудовой деятельности⁵³. В отличие от римской идеи русской идеей стал не юридический закон, а закон нравственный⁵⁴. Христианская жизнь укрепила нравственные принципы в отношениях между членами общины⁵⁵. Благодаря этому в русской общине сложилась уникальная система самоуправления, основанная на обычном праве, которое, в свою очередь, оказало значительное влияние на официальное законодательство. Призванный обеспечить определенное равенство полномочных членов общины по отношению к земле, народный обычай обусловил необходимость использования такой формы обладания земельным ресурсом, как общинное владение, что нашло свое отражение в русских законах⁵⁶. Общинное владение не представляло собой ни

52. См.: Павлов-Сильванский Н.П. Ук. соч. С.257–259, 265; Воронцов В.П. Ук. соч. С. 243; Милов Л.В. Ук. соч. С. 430–433; Москвитянин. 1854. № 3–4. Кн. 1–2. С. 24; Николаев А. Ук. соч. С. 26–27; Николаев А.А. История русского крестьянства. (Второе, значительно дополненное и переработанное автором издание). Москва, Совет Всероссийских Кооперативных Съездов, 1917 г. С. 26–27.

53. См.: Кузнецов С.В. Религиозно-нравственные основания земледельческого хозяйства. В кн.: Православие и русская народная культура. Научный сборник (выпуск I), Москва, 1994. С. 31–53; Православный молитвослов. Издание Московской Патриархии, Москва, 1970. С. 12; Архиепископ Серафим (Соболев), Русская идеология. Историко-религиозный очерк. СПб., 1994. Т. II. С. 22–34; Платонов О.А. Ук. соч. С. 19.

54. См.: Архимандрит Сергей. Православное учение о спасении. Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основе св. писания и творений святоотеческих. 2-е изд. Казань: Типо-литография Императорского Университета. 1898. С. 9–20; Ильин И.А. О русской идее. В кн.: Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: В 2 т. Т. I. М.: МП «Рарог», 1992. С. 322–331; Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. Историко-религиозный очерк. СПб., 1994. Т. 2, с. 14.

55. См.: Тульцева Л.А. Ук. соч. С. 283–297.

56. См.: Русский архив. Ук. соч. С. 269; Благова Т.И. Ук. соч. С. 104–105.

юридического лица, ни общей собственности в ее римской или германской формах. Чтобы община с целью более удобного гражданского оборота превратилась в юридическое лицо, а ее члены при этом не утратили статуса субъектов хозяйствования на принципах единогласия и круговой поруки, она должна была стать производственным кооперативом.

Характерно, однако, что прообразом общей совместной собственности (а также общего владения арендованной у государства собственности), которая в подлинном производственном кооперативе занимает свое основополагающее место наряду с общей долевой собственностью, выступало именно общинное владение. Именно общинное владение государственной землей в сочетании с частной собственностью на остальные средства производства составляло ту основу, благодаря которой в общине был выработан механизм приведения в соответствие дохода крестьянской семьи с ее трудовым вкладом в обработку общинного земельного фонда. Непонимание духовно-нравственной составляющей этого внутриобщинного механизма, в частности, такими государственными деятелями России конца XIX — начала XX в., как Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, во многом послужило препятствием для трансформации общины в производственную кооперацию с совместной обработкой земли. Прозападное миропонимание не позволило им понять, что, опираясь лишь на частную собственность, невозможно создать условия для оценки трудового вклада каждого самими членами кооператива, а следовательно, и функционирования действительно свободного труда⁵⁷. Использование механизма найма рабочей силы во все времена и во всех без исключения формах

57. См.: Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. С. 83–91; Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. Спб., 1905. С. 108–129; Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 510–511.

хозяйствования с собственностью работников на Западе является неопровержимым доказательством этого факта⁵⁸. В силу цивилизационных особенностей культуры института общей совместной собственности там не сложилось. Даже в Мондрагонских кооперативах неделимый фонд по существу является собственностью юридического лица. В этой связи в западных производственных кооперативах участие работников в доходах предприятия по существу представляло собой лишь форму получения заработной платы, как при найме рабочей силы. Тогда как использование общей совместной собственности или общего владения арендованного у государства имущества предполагает, что соответствующая часть дохода распределяется самими работниками в соответствии с трудовым вкладом каждого члена кооператива.

Оценка трудового вклада крестьянина в общее дело в русской общине происходила не косвенным, рыночным путем, а прямым способом, т.е. сообща самими полномочными членами. В силу этого кооперация здесь носила не только технологический (русские «помочи»), но и общественно-экономический характер. Ибо разверстка земли по трудовой норме в русской общине по существу означала одновременно распределение и труда. Поэтому община, в сущности, естественным путем эволюционировала в производственный кооператив, которым она во многом уже являлась⁵⁹. В ней сложились основные принципы трудовой этики про-

58. См.: Прокопович С. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. Издание М. и С. Сабашниковых. Москва. 1913. С. 52–58.

59. См.: Твердохлебов В.Н. Финансовая политика России. В кн.: Энциклопедический словарь. Том 36 – часть V. Россия (продолжение). Всекомпросвет – Мособлпечатьсоюз. Ред.-изд. Кооп. Т-во «Русский Библиографический Институт Гранат». М., Тверской бульвар, 25. С. 119; Прив-доц. М.И. Боголепов. Финансы, правительство и общественные интересы (Бюджет и бюджетное право: налоги и налоговая политика; государственный долг). С.-Петербург. Издательство О.Н. Поповой, Невский пр., 54, 1910. С. 143–144; Карышев Н. Землевладение в Западной Европе и в России. В кн.: Энциклопедический словарь. Том XII. 23-полутомъ. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг). И.А. Ефронъ (С.-Петербург). С.-Петербург. Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6. 1894. С. 409; Чернышевский Н.Г. Ответ на Замечания г. Провинциала. Полн. собр. соч. М.: 1948, Т. V. С. 151.

изводственной кооперации как организационно-правовой формы. Это сочетание эгоизма и бескорыстия и, как следствие, взаимоконтроля и взаимопомощи⁶⁰.

Добровольный характер пребывания в общине был утрачен с окончательным закрепощением частновладельческих крестьян и прикреплением государственных к земле⁶¹. В связи с этим первой организационно-правовой формой производственной кооперации в России стала артель. Хотя, в сущности, артель выросла из общины, поскольку у них один корень. Не случайно слово «артель» происходит от тюркского слова «орта» — община⁶².

С разложением родового строя и усвоением православия трудовые отношения в русской общине получили новое нравственное основание. Согласно взглядам отцов древней церкви труд является не просто «правильным средством для приобретения необходимого». Исходя, в частности, из слов ап. Павла: «если кто не хочет трудиться, то и не ешь» (2 Фес. 3, 10), — они наполняют понятие труда и духовно-нравственным содержанием. Очевидно, именно такой труд, по мнению Иоанна Златоуста, очищает и освящает человека⁶³. В соответствии именно с таким пониманием сути трудовой деятельности, несомненно, развивалось и общинно-уравнительное землевладение в России, при котором различие в благосостоянии членов общины в достаточной степени зависело не от природных условий, а от трудолюбия крестьянина. Сущность переделов как раз и заключалась в том, чтобы поставить доход полномочно-

60. См.: Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. В кн.: Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. М.: Республика, 1994. С. 200.

61. См.: Епископ Александр (Семёнов Тян-Шанский). Ук. соч. С. 127; Нечаев В.М. Общинное землевладение. Ук. соч. С. 635; Корецкий В.И. Беляев. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1970.

62. См.: Артель. В кн.: Энциклопедический словарь. Томъ II. Издатели: Ф.А. Брокгаузъ (Лейпцигъ). И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Семёновская Типо-Литография (И.А.Ефрона). Фонтанка, № 92, 1890. С. 184—185; Исаев А. Община и артель (Можно ли считать общину и артель экономическими анахронизмами?) Юрид. вестник, 1884, № 1. С. 9.

63. См.: Зейтель И. Ук. соч. С. 127—137.

го члена общины в прямую зависимость от его трудового вклада в использование общинного земельного фонда.

Как и в общине, в артели имело место сочетание двух форм собственности: частной и общей совместной. Правда, община обладала государственной землей на праве общего владения (а не собственности). Функционирование части артельного капитала в форме общей совместной собственности было обусловлено отрывом артели от общины и практически полным ее включением в сферу рыночных отношений, что подвергало угрозе сам факт ее существования. Ибо при переходе большей части или всего артельного капитала в руки предпринимателя артельщики по существу превращались в единоличных наемных рабочих. Хотя определенная самостоятельность во внутренних отношениях в артели и сохранялась. В связи с этим, несмотря на то, что, начиная с петровских времен, в крупной российской промышленности рабочие трудились привычными для них артелями, удельный вес артельных форм в организации труда на фабриках и заводах постоянно снижался вплоть до самой революции⁶⁴.

Часть артельного капитала находилась в общей совместной собственности членов артели, в частности, в связи с тем, что соответствующая доля дохода распределялась пропорционально трудовому вкладу каждого из участников в результаты хозяйственной деятельности артели. Как и в общине, основанный на самоуправлении механизм оценки трудового вклада отдельного артельщика действовал благодаря тому, что трудовые отношения в артели регулировались не столько правовыми, сколько нравственными нормами, закрепленными в обычном праве. Ибо лишь только

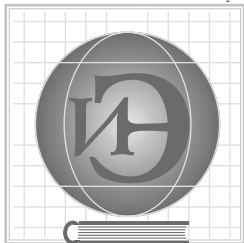
64. См.: Платонов О.А. Воспоминания о народном хозяйстве. Ук. соч. С. 62; Артель. Ук. соч. С. 184–186, 192–193; Сборник материалов об артелях в России. Издание С.-Петербургского отделения Комитета о сельских, ссудосберегательных и промышленных товариществах. Выпуск I. С.-Петербург. № 2. Типография Майкова, в д. Минист. Фин., на Дворц. Площ. 1873. Предисловие; Струве П. Заработная плата. В кн.: Энциклопедический словарь. Томъ XII. 23-полудомъ. Издатели: Ф.А. Брокгаузь (Лепцигъ), И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербург. Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6, 1894. С. 285–286.

на правовой основе данный механизм функционировать не может: никакой суд не в состоянии определить вклад артельщика в общее дело⁶⁵.

В России отработка основных принципов деятельности производственной кооперации, таким образом, относится, по меньшей мере, к XIV в. Уже к этому времени складывается общинно-уравнительное землевладение в общине, и широкое распространение получают артели. Владение государственной землей стало характернейшим явлением не только для русской общины, но и для артелей внутри общин у народов Закавказья и Средней Азии. Остальные средства производства в основном находились в частной собственности. Существенно и то, что, как в русской общине, так и в артелях других народов Российской империи, был отработан механизм прямой объективной оценки трудового вклада крестьянина самими членами общины или артели в обработку общей земли.

65. См.: Артель. Ук. соч. С. 184–185, 190–191; Сборник материалов об артелях в России. Ук. соч.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научное издание

**Компаративные исследования
экономической истории**
(История мировой экономики, вып. I):
Сборник статей.

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

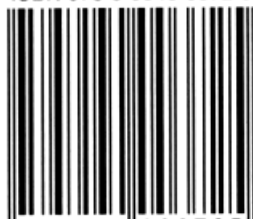
Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 01.11.2012. Заказ № 67

Тираж 300 экз. Объем 12,8 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0372-5

9 785994 003725